

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 66

(Издание дополненное и переработанное)

Издательство Томского университета
2015

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П 68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, профессор *С.А. Елисеев*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прокументов*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.С. Дергач*

Правовые проблемы укрепления российской государственности:
П68 сб. ст. – Ч. 66 (изд-ние доп. и перераб.). – Томск: Изд-во Том. ун-та,
2015. – 212 с.

ISBN 978-5-7511-2362-8
DOI 10.172239785751123628

Представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», состоявшейся в Юридическом институте Томского государственного университета 30 января – 1 февраля 2014 г.

Статьи преподавателей, научных сотрудников, аспирантов Юридического института ТГУ и других юридических учебных заведений Сибирского федерального округа посвящены актуальным вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, а также актуальным вопросам теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Авторами исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-7511-2362-8

© Томский государственный университет, 2015

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЯ И ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

DOI 10.17223/9785751123628/1

А.М. Трухин

В доктрине уголовного права до сего дня остается проблемой определение понятия уголовной ответственности и ее видов. Решение данной проблемы является важнейшим элементом уголовно-правовой политики противодействия преступности. Общим для различных точек зрения о понятии уголовной ответственности является их связь с юридической обязанностью. При этом эта обязанность определяется в большинстве случаев в отношении лиц, совершивших преступление, а в некоторых случаях и в отношении законопослушных граждан. Уголовную ответственность преступников принято называть негативной, принудительной или ретроспективной, а уголовную ответственность законопослушных граждан, не совершающих деяний, запрещенных уголовным законом – позитивной, добровольной или проспективной.

Против выделения позитивной уголовной ответственности законопослушных граждан возражают многие криминалисты, полагая, что уголовную ответственность несут только те, кто нарушает уголовно-правовой запрет. Наиболее распространенным определением уголовной ответственности является следующее: уголовная ответственность есть юридическая обязанность лица понести наказание за совершенное преступление. Не вдаваясь в критику этого определения, отметим лишь, что наличие этой обязанности является юридическим основанием, а не содержанием уголовной ответственности правонарушителя. Фактическим же основанием является совершенное им правонарушение.

Юридическая обязанность лица понести уголовную ответственность возникает лишь тогда, когда обвинительный приговор суда вступит в законную силу. Именно с этого момента возникает уголовная ответственность преступника в пределах определенной для него

судом юридической обязанности отбыть конкретный вид и размер наказания. Содержание и время реализации уголовной ответственности, претерпеваемой осужденным лицом, образуют такие юридические категории, предусмотренные уголовным законом, как наказание и судимость. Именно они определяют правовой статус осужденного лица, то правовое бремя в виде лишения или ограничения личных прав и свобод, которое он претерпевает, неся уголовную ответственность.

Наказание назначает суд, а судимость определяется непосредственно уголовным законом на основе квалифицированного судом преступления и назначенного за него наказания. Исполнение (отбывание) этих мер определяет содержание того правового бремени, которое претерпевает осужденное лицо, правовое содержание его уголовно-правовой ответственности. Но для того, чтобы состоялась уголовно-правовая ответственность правонарушителя, должна вначале состояться деятельность правоохранителя, представителя судебной власти, регламентированная нормами уголовного права и уголовного процесса.

Задача охраны социальных ценностей от общественно опасных деяний возлагается на правоохранительные органы. Уголовный закон возлагает на суд юридическую обязанность назначать лицам, совершившим преступления, наказание как основную меру уголовно-правовой охраны. Именно посредством наказания лица, признанного виновным в совершении преступления, происходит осуждение этого лица и привлечение его к уголовно-правовой ответственности. Только там и тогда происходит выполнение задачи охраны общества от преступности как общественно опасного явления, где и когда имеет место уголовно-правовая ответственность правоохранителя и правонарушителя.

Уголовный закон непосредственно устанавливает для суда юридическую обязанность привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления (убийство наказывается, кража наказывается) посредством назначения предусмотренного законом наказания. Исполнение этой обязанности определяет для суда то правовое бремя, которое он претерпевает в процессе установления юридического факта преступления и назначения за него наказания. Претерпевание судом бремени исполнения этой уголовно-правовой обязанности и образует уголовно-правовую ответственность правоохранителя.

Уголовно-правовая ответственность и правоохранителя, и правонарушителя укладывается в единое определение понятия уголовно-правовой ответственности. Оба вида ответственности имеют единое правовое и фактическое основание, проспективный и ретроспективный аспекты (по своим целям и задачам обращены в будущее и основаны на прошлом, совершенном преступлении). Имеют как негативный, так и позитивный аспекты. Негативный аспект заключается в том, что субъекты ответственности несут правовое бремя, их правовой статус ограничивается той правовой обязанностью, которой нет у других субъектов. Позитивный же аспект заключается в том, что исполнение субъектами уголовно-правовых обязанностей направлено на выполнение общественно полезной задачи охраны социальных ценностей от общественно опасных деяний.

Различие между двумя видами уголовно-правовой ответственности определяется особенностями субъектов ответственности. Правонарушитель есть субъект, который своим деянием нарушил уголовно-правовой запрет, что порождает в отношении него социальную необходимость в правоохранительной деятельности судебной власти. У него не то правовое основание ответственности, не та уголовно-правовая обязанность, которую он должен исполнить по сравнению с правоохранителем. Правовым основанием ответственности правонарушителя является обязанность отбыть назначенное судом наказание, а правовым основанием ответственности правоохранителя является обязанность установить факт преступления и назначить наказание правонарушителю.

Уголовно-правовая деятельность правоохранителя изначально является общественно полезной, поэтому претерпевание правового бремени исполнения обязанности компенсируется правоохранителю в виде вознаграждения за надлежащее ее исполнение. В случае же уклонения от исполнения этой обязанности или ненадлежащего ее исполнения правоохранитель может понести уголовную ответственность за совершенное правонарушение как субъект преступления.

Поскольку всякая юридическая обязанность есть мера должного, есть веление власти, то исполнение этой обязанности предполагает принуждение или угрозу принуждения в случае уклонения от исполнения обязанности. Если исполнение уголовно-правовой обязанности правонарушителем основано, как правило, на принуждении, то исполнение обязанности правоохранителем внешне выглядит как добровольное, хотя угроза принуждения здесь всегда присутствует. Из всего изложенного можно сделать следующий вывод.

Уголовная ответственность есть претерпевание субъектом правового бремени в виде лишения или ограничения прав и свобод в процессе исполнения юридической обязанности, предусмотренной непосредственно уголовным законом или вступившим в законную силу обвинительным приговором суда в виде назначения или исполнения (отбывания) наказания и иных уголовно-правовых мер охраны социальных ценностей за совершенное преступление.

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/2

В.В. Агильдин

Физическое лицо, совершившее преступление, способно нести за содеянное уголовную ответственность, если оно наряду с наличием других признаков, установленных уголовным законом, достигло определенного законом возраста. Необходимость законодательного закрепления минимального возраста обусловлена тем, что это обстоятельство неразрывно связано со способностью лица осознавать значение своих действий и руководить ими.

Уголовный кодекс РФ сохранил ранее применявшийся дифференцированный подход к определению возраста уголовной ответственности. Согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность по общему правилу, поступает по достижении к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Законодатель закрепил и пониженный возраст уголовной ответственности. Так, за отдельные виды преступлений, перечисленные в ч. 2 ст. 20 УК РФ, виновные в их совершении лица подлежат уголовной ответственности с четырнадцати лет. Всего в статье перечислено 22 состава преступлений¹, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет. В диспозиции статьи прямо указаны номера статей, по которым квалифицируются перечисленные преступления, и данный перечень является закрытым и расширенному толкованию не подлежит. Установление законодателем общего возраста уголовной ответственности с наступле-

---

¹ Мы не считаем необходимым перечислять эти составы, притом, что в предложенной автором редакции данной статьи данный перечень оставлен без изменений.

нием 16 лет не означает, что именно с этого возраста лицо может быть признано субъектом любого преступления, которое не включено в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

По мнению некоторых ученых¹, необходимо в законодательном порядке уточнять, а в некоторых случаях и повышать возраст уголовной ответственности².

Так некоторые ученые³ предлагают возрастную границу уголовной ответственности поднять до 20 лет вместо тех случаев, когда в законе закреплен возраст 18 лет. Таких преступлений, где прямо в санкции статьи указан восемнадцатилетний возраст субъекта, в настоящее время в УК РФ 1996 г. предусмотрено девять⁴ – ст. 134, 135, 150 и 151, 157, 240-1, 242 ч. 2, 242-2 и п «в» ч. 4 ст. 228-1 УК РФ. Анализируя сложную криминологическую обстановку, непрекращающийся рост преступности, считаю, что такое предложение имеет «право на жизнь». Конечно, нельзя взять и необдуманно повысить возраст субъекта. В свою очередь, некоторые ученые⁵ предлагают понизить минимальную планку наступления возраста уголовной ответственности до 12 лет. Необходимо отметить, что такие предложения не являются новеллой для уголовного закона. Современные сторонники понижения возраста уголовной ответственности обосновывают свою позицию следующими аргументами: «Получается, что законодатель как бы безапелляционно установил нижний возрастной порог уголовной ответственности на все периоды времени существования государства, забывая о том, что возраст как никакой другой признак субъекта преступления наиболее динамичен и изменчив как с точки зрения совершенствования уголовного законодательства, так и с точки зрения уточнения нижних возрастных границ уголовной ответственности в современных условиях борьбы с преступностью»⁶.

---

¹ Напр.: *Волгарева И.В.* Проблема повышения возраста уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 6. Вып. 4. С. 61–63.

² Энциклопедия уголовного права. Т. 4. СПб., 2005. С. 529.

³ *Бородин С.В., Носкова Н.А.* К вопросу совершенствования законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних. С. 58.

⁴ Это не учитывая деяния со специальным субъектом, где возраст определяется в нормативно-правовом акте из иной отрасли права.

⁵ См., напр.: *Давыденко В.М.* Уголовно-правовое значение возраста для дифференциации ответственности несовершеннолетних // Адвокат. 2011. №3; *Андрюхин Н.Г.* Минимальный возрастной признак субъекта преступления нуждается в уточнении // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2.

⁶ *Павлов В.Г.* Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 28.

Представляется, что такая позиция неверная и не должна быть принята по следующим основаниям:

– Во всех известных исследованиях по возрастной и психологической психологии отмечается, что только к 14 годам у несовершеннолетних начинает формироваться абстрактное мышление¹. Несформированность, неразвитость абстрактного мышления не позволяет двенадцатилетним понимать и осознавать характер и общественную опасность своих действий их вредоносность, взаимосвязь своего поведения с окружающим миром².

– Ответственность как социальная форма воздействия на поведение людей, как инструмент регулирования отношений между людьми в обществе является такой формой абстракции, которая не воспринимается и не осознается в двенадцатилетнем возрасте³.

– Представляется, что определение момента времени, когда несовершеннолетний осознает общественную опасность, – прерогатива психологов, но никак не юристов.

– Думается, что значительно вырастет количество заключений экспертов о том, что лица по своему уровню развития не соответствуют достигнутому возрасту. Ведь не секрет, что уровень развития тринадцати- и четырнадцатилетних сильно различается.

Кроме того, вряд ли корректно говорить о повышенной «криминальной» активности малолетних, которые не являются в настоящее время субъектами уголовной ответственности. Очевидно, что нужно говорить только об их антиобщественной активности⁴.

Вышеуказанные аргументы позволяют утверждать о необоснованности снижения возраста уголовной ответственности до достижения двенадцатилетнего возраста.

---

¹ Давыдов В.В. Основные проблемы развития мышления в процессе обучения. М., 1991. С. 203–207.

² Прокуменцов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 9.

³ Астемиров З.А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних и проблемы применения к ним лишения свободы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. С. 5–7.

⁴ Прокуменцов Л.М., Ольховик Н.В. Указ. соч. С. 10.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕДОВЕДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДО КОНЦА

DOI 10.17223/9785751123628/3

О.С. Хорошилова

Действующий УК РФ в ч. 1 ст. 66 предписывает при назначении наказания за неоконченные преступления учитывать обстоятельства, в силу которых они не были доведены до конца. Из этого положения можно сделать вывод, что данные обстоятельства должны влиять на размер наказания, уменьшая или увеличивая его. Каким образом обстоятельства недоведения преступления до конца изменяют размер наказания за неоконченное преступление?

В науке уголовного права сложились две точки зрения на данный вопрос.

Согласно первой точке зрения обстоятельства недоведения преступления до конца отражают пониженную или повышенную общественную опасность личности преступника. Все указанные обстоятельства признаются не зависящими от субъекта и делятся на объективные, представляющие собой случайное стечение обстоятельств, и субъективные, определяющиеся в большей степени личными качествами субъекта (например, неопытность, нерешительность и т.д.)¹. Последние как раз и отражают, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, пониженную общественную опасность личности преступника, и только они должны выступать в качестве смягчающего обстоятельства, влекущего меньшую наказуемость неоконченных преступлений по сравнению с оконченными, а никак не близость преступного результата². Данная точка зрения представляется не совсем верной, поскольку лицо, совершая приготовление и покушение, всегда стремится к одному результату – наступлению задуманных последствий, направленность умысла одна и та же и у неопытного преступника, допустившего ошибку, и у лица, которого задержали сотрудники правоохранительных органов. Различия в субъективной стороне нет, различие может быть только в объеме реализации преступного умысла, в конкретных действиях или бездействиях, направленных на достиже-

---

¹ Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 155.

² Там же. С. 152.

ние желаемого результата. От этого и будет зависеть размер наказания.

Согласно второй точке зрения обстоятельства недоведения преступления до конца влияют и на степень общественной опасности самого неоконченного преступления. Так, Е.В. Благов выделяет абсолютные и относительные обстоятельства, определяя первые как «факторы, закономерно ведущие к недоведению преступления до конца», а вторые – как «случайные факторы»¹. При этом абсолютные обстоятельства связываются им с негодными покушениями. Действительно, при покушении на негодный объект или с негодными средствами преступный результат не может быть достигнут ни при каких обстоятельствах, что уменьшает общественную опасность покушения. Но эти случаи редки, нельзя их делать общим правилом.

Мы полагаем, что наказуемость неоконченных преступлений должна, в первую очередь, зависеть от степени реализации преступного умысла. Данное положение должно быть закреплено как специальное начало назначения наказания за неоконченное преступление в ч. 1 ст. 66 УК РФ, поскольку выражает специфику преступлений именно этого вида. Обстоятельства недоведения преступления до конца также должны учитываться при назначении наказания, но их влияние на размер наказания намного меньше и в основном сводится к смягчению наказания при негодном покушении или при отказе от повторного покушения. Нельзя считать лицо менее опасным ввиду того, что оно оказалось неумелым или неосмотрительным при совершении преступления, и на основании этого снижать размер наказания.

Нами был проведен анализ 200 уголовных дел о неоконченных преступлениях, рассмотренных судами общей юрисдикции Кемеровской и Томской областей в 2014 г. Только в 1 % дел лицо допустило ошибку (например, у потерпевшего при себе не оказалось денег; преступник не смог найти предмет кражи), в остальных случаях лицо было задержано сотрудниками полиции, в том числе при проведении оперативно-розыскных мероприятий, либо сотрудниками охраны, либо третьими лицами, либо самим потерпевшим.

---

¹ Благов Е.В. Назначение наказания (теория и практика). Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2002. С. 70.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ (ст. 62 УК РФ)

DOI 10.17223/9785751123628/4

А.В. Тебеньков

Основной целью включения правил назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств в текст закона является реализация принципа справедливости при назначении наказания, который достигается посредством индивидуализации наказания. Однако исследования показывают, что ст. 62 УК РФ на практике применяется судами исключительно редко и фактически не оказывает влияния на индивидуализацию наказания. Такая ситуация сложилась по следующим причинам.

Во-первых, ст. 62 УК РФ, в противоречие своему названию, касается лишь двух смягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 61 УК РФ: п. «и» (явка с повинной и т.д.) и п. «к» (оказание медицинской и иной помощи и т.д.). В связи с этим многие ученые именуют данные обстоятельства «исключительными», «особыми». Однако в этих обстоятельствах нет ничего особого или исключительного, кроме одного: все они связаны с позитивным постпреступным поведением лица, совершившего преступление. При этом совершенно непонятно, почему данные обстоятельства являются, по мысли законодателя, более смягчающими, чем остальные смягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ. Безусловно, что, поскольку иное не установлено Уголовным кодексом РФ, все смягчающие обстоятельства имеют равную смягчающую силу.

Во-вторых, ст. 62 УК РФ по существу предусматривает правила назначения наказания, относящиеся к трем самостоятельным институтам уголовного права. Это правила назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, правила назначения наказания в случае заключения обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, а также правила назначения наказания при упрощённом порядке судебного разбирательства. Данные правила назначения наказания не взаимосвязаны между собой, могут конкурировать друг с другом, а также нуждаются в раскрытии и детализации на законодательном уровне, что невозможно выполнить в рамках одной статьи УК РФ. Введение же ч. 5 ст. 62 УК РФ закрепляет в УК РФ смяг-

чающее обстоятельство, не предусмотренное в ч. 1 ст. 61 УК РФ, а именно, признание обвиняемым своей вины.

В-третьих, пределы смягчения наказания, установленные в ст. 62 УК РФ применительно ко всем трем группам правил смягчения наказания, являются неэффективными. Логика построения в УК РФ системы правил назначения наказания говорит нам о том, что при относительно-определенных пределах санкции статьи Особенной части УК РФ и при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих, наказание, назначаемое судом, должно быть ближе к низшему пределу избранного судом вида наказания. Именно с этим и связаны проблемы применения правил назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств на практике, поскольку вне зависимости от её применения судьи назначают наказание в пределах двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. То же самое можно сказать и в отношении досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку в настоящее время обвиняемые не имеют никакой правовой заинтересованности в сотрудничестве со следствием, по той причине, что это никоим образом не повлияет на назначаемое им наказание.

Вышесказанное обуславливает необходимость реформирования ст. 62 УК РФ. Её действие должно быть распространено на все без исключения смягчающие обстоятельства, как указанные, так и не указанные в ст. 61 УК РФ. Правила назначения наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должны быть закреплены в самостоятельной статье УК РФ, ч. 5 ст. 62 УК РФ следует исключить из УК РФ как и аналогичную норму из УПК.

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ И СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/5

Т.В. Непомнящая

Важным критерием деятельности по применению уголовного наказания выступает практика назначения уголовных наказаний. Мною было проведено исследование статистических данных о видах наказания и условном осуждении, назначенных судами Российской

Федерации, а также трех сибирских регионов за весь период действия УК РФ 1996 г. – с 1997 по 2013 г.

Проведенный анализ показал, что на протяжении всего периода лишение свободы продолжает оставаться наиболее распространенным видом наказания, назначаемым судами. Так, в 2013 г. в Российской Федерации к лишению свободы были осуждены 28,5 % от общего числа осужденных. Но в сибирских регионах число осужденных к лишению свободы значительно выше, чем в среднем по стране. Например, в 2013 г. в г. Омске и Омской области к нему осуждены 38,6 %, в г. Томске и Томской области – 38,1 %, а в г. Кемерове и Кемеровской области – 35,4 % от общего числа осужденных.

Число осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в нашей стране довольно невелико. При этом тенденции в практике назначения этих видов наказаний в среднем по Российской Федерации разительно отличаются от практики в сибирских регионах. Так, число осужденных к штрафу в целом по стране в последние годы довольно стабильно: 14–15 % от общего числа осужденных (в 2013 г. – 15,8 % от общего числа осужденных). Но в сибирских регионах к штрафу в качестве основного наказания осуждается значительно меньше осужденных. Например, в 2013 г. в г. Омске и Омской области к нему осуждены 8 %, в г. Томске и Томской области – 3,5 %, в г. Кемерове и Кемеровской области – 4 % осужденных.

Обязательные работы в среднем по России также назначаются довольно редко, в частности, в 2013 г. к ним осуждены 9,9 % от общего числа осужденных. Но практика назначения обязательных работ в сибирских регионах отличается от практики в среднем по стране. Так, в 2013 г. в г. Омске и Омской области к этому наказанию осуждены 15 %, в г. Томске и Томской области – 6,2 %, в г. Кемерове и Кемеровской области – 4 % осужденных.

Исправительные работы в среднем по России также назначаются довольно редко (в 2013 г. – 10,3 % от общего числа осужденных), а в сибирских регионах еще реже, чем в среднем по стране. Так, например, в 2013 г. в г. Омске и Омской области к исправительным работам осуждены 0,6 %, в г. Томске и Томской области – 1,9 %, в г. Кемерове и Кемеровской области – 2 % осужденных.

Ограничение свободы как основной вид наказания как в среднем по стране, так и в сибирских регионах назначается судами также крайне редко. Так, в 2013 г. в среднем по Российской Федерации к нему осуждены всего 4,3 %, в г. Омске и Омской области – 3 %, в

г. Томске и Томской области – 2,4 %, в г. Кемерове и Кемеровской области – 1,7 % осужденных.

Серьезной альтернативой лишению свободы как в целом по стране, так и в сибирских регионах является условное осуждение. В частности, в 2013 г. в среднем по России условно были осуждены 30,3% от общего числа осужденных. В сибирских регионах эта мера судьями назначается чаще. Так, в 2013 г. в г. Омске и Омской области условно были осуждены 34,6 %, в г. Томске и Томской области – 47 %, в г. Кемерове и Кемеровской области – 52,3 % осужденных.

Таким образом, в целом для практики назначения наказаний в нашей стране характерны некоторые общие тенденции: стабильно высока доля лиц, осужденных к лишению свободы и условно осужденных, незначительное число лиц осуждается к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

ОБЯЗАННОСТИ, ВОЗЛАГАЕМЫЕ ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ ПО УСМОТРЕНИЮ СУДА

DOI 10.17223/9785751123628/6

В.М. Степашин

Условное осуждение выступает в качестве самостоятельной особой формы реализации уголовной ответственности, предполагающей оказание принудительного воздействия на осуждённого. Суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного исполнение определенных обязанностей, перечень которых является открытым: в необходимых случаях суд может с учетом конкретных обстоятельств, личности виновного, его поведения в семье и т.п. возложить на него исполнение обязанностей, не перечисленных в ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Важно, что установление для условно осуждённых обязанностей стало носить императивный характер.

Основная проблема открытости перечня обязанностей, возлагаемых на условно осуждённого нам видится в большей степени в том, что ни в Уголовном кодексе, ни в постановлениях пленума Верховного Суда до сих пор не сформулированы четкие критерии, которым должны соответствовать возлагаемые при условном осуждении обязанности, прямо не предусмотренные законом.

Как представляется, такие обязанности:

- 1) должны быть конкретизированы;
- 2) должны преследовать цели уголовной ответственности, прежде всего, цели предупреждения совершения новых преступлений и стимулирования правопослушного поведения осуждённых;
- 3) не могут включать ограничения, присущие самостоятельным видам наказания, в том числе – ограничения свободы (ст. 53 УК РФ), поскольку в этом случае будет искажён сам смысл применения условного осуждения, предполагающего нецелесообразность реального отбывания основного вида наказания. Нецелесообразным представляется и назначение при условном осуждении ограничения свободы в качестве дополнительного наказания;
- 4) не могут дублировать обязанности, установленные для условно осуждённых уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. В п. 17 постановления пленума Верховного Суда РФ № 20 от 29.10.2009 г. «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» обращается внимание на недопустимость возложения на осуждённых обязанностей, уже предусмотренных законом. В частности, поскольку в силу ч. 4 ст. 188 УИК РФ все условно осуждённые обязаны отчитываться перед уголовно-исполнительными инспекциями и командованием воинских частей о своем поведении, исполнять возложенные на них обязанности, являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию, потому в приговоре дополнительно возлагать на осуждённых указанные обязанности не требуется¹.

Ранее, в том числе и автором, активно отстаивалась необходимость установления непосредственно в законе такой обязанности условно осуждённых, как возмещение причинённого их преступлением вреда. Соответствующая рекомендация пленума Верховного Суда РФ была воспринята с воодушевлением. Однако изменения и дополнения, внесённые в ст. 74 УК Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ, фактически включили подобную обязанность в *содержание* условного осуждения: даже уклонение условно осуждённого от частичного возмещения вреда является самостоятельным основанием для продления испытательного срока и отмены условного осуждения (ч. 2, 2.1 ст. 74 УК РФ), при этом не имеет значения, была ли такая обязанность установлена судом. Следовательно, до-

---

¹ Российская газета. 2009. 11 нояб.

полнительное возложение такой обязанности в приговоре лишается смысла;

5) должны учитывать возможность реального контроля за исполнением (соблюдением) осуждённым возложенной обязанности.

ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/7

В.В. Василенко

Анализ статей УК, их сопоставление между собой показывают во многих случаях явное нарушение принципа справедливости. Приведем в связи с этим аргументированные примеры.

Во-первых, речь, в частности, идет о Законе РФ от 7 марта 2011 г., в соответствии с которым за целый ряд преступлений, в том числе и за особо тяжкие, минимальный срок лишения свободы не указан (ст. 111 и др.). Это положение законодателя осталось не совсем ясным и больше вызывает вопросов, чем ответов на них.

Во-вторых, иные уголовно-правовые последствия совершенного преступления и назначенного за него наказания вообще не отражены в ст. 6 УК. К числу этих последствий относятся, в частности, сроки погашения судимости и ряд других.

По действующему же УК приведенные нами иные уголовно-правовые последствия зависят от категории преступления. Вместе с тем общественная опасность конкретно совершенного преступления далеко не всегда совпадает с законодательной категорией этого преступления.

Примеров тому можно привести множество. Допустим, некто А. по ч. 4 ст. 111 УК был осужден к одному году лишения свободы. Это в пределах санкции данной статьи. В соответствии со ст. 15 УК А. совершил преступление особо тяжкое, за что и получил в связи с этим судимость сроком на 10 лет! То есть во многих случаях иные уголовно-правовые последствия вытекают не из реальной общественной опасности конкретно совершенного преступления, т.е. из его сущности, а из его формальной принадлежности к той или иной категории.

Анализ ч. 6 ст. 15 УК порождает еще один важный вопрос, непосредственно связанный с воплощением в законе принципа справедливо-

сти: почему суду дано лишь право, а не возложена на него обязанность. Если бы законодатель положение ч. 6. ст. 15 УК закрепил как обязанность суда, то тогда бы все лица были в равном положении.

Предлагается дополнить ст. 60 УК РФ нормой, устанавливающей обязательный учет всех уголовно-правовых норм смягчения уголовного наказания.

Хотелось бы посмотреть и обратную сторону этой медали «гуманизма», в частности, вопрос о том, справедливо ли наказание, при совокупности преступлений применяя некоторые положения Общей части УК?! Например, Б. совершил 30 преступлений предусматривающих санкцию в виде лишения свободы от 4 до 6 лет, за которые ранее не был привлечен к ответственности. Так, Б. ставит вопрос о рассмотрении его дел в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК и при этом еще заключает досудебное соглашение о сотрудничестве при наличии явки с повинной и активного способствования раскрытию и расследованию преступлений.

Мы столкнулись с судебной практикой, когда суды не учитывают положения ст. 62 УК, аргументируя, что дело рассмотрено в особом порядке и поэтому нет необходимости применять и иные смягчающие положения к подсудимому. Ответ на этот вопрос уже давно дан, просто суды, видно, про него забывают. Так, п. 14 постановления пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» гласит, что суды одновременно должны учитывать положения и гл. 40 УПК, и ст. 62 УК. И где же тут справедливость, что при санкции от 4 до 6 лет за свои 30 преступлений он получит максимум три года лишения свободы?!

Подводя итог, хотелось бы сказать: «Не каждый закон является справедливым, но не каждая справедливость является законной».

ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО, РЕПУТАЦИЯ КАК ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

DOI 10.17223/9785751123628/8

Н.Б. Гулиева

Самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны являются честь, достоинство и репутация человека. В юридической литературе исследованию указанных объектов посвящено немало ра-

бот. Не вдаваясь в дискуссию о понятии чести, достоинства и репутации, отметим ряд противоречивых высказываний относительно природы таких объектов.

Честь, достоинство и репутация охраняются уголовно-правовыми нормами, размещенными в разделе уголовного закона о преступлениях против личности. Указанные объекты охраняются и специальными нормами, характеризующими такие преступления, как оскорбление представителя власти, оскорбление военнослужащего, неуважение к суду. В таких составах честь, достоинство и репутация являются дополнительными объектами преступлений, охраняемыми наряду с основными: интересами правосудия, порядком управления, интересами воинской службы. В юридической литературе высказываются противоречивые, на наш взгляд, мнения относительно природы дополнительного объекта в таких составах преступлений. Так, анализируя конструктивные признаки специальных составов клеветы и оскорбления, некоторые ученые указывают на отличительные признаки чести, достоинства и репутации потерпевших, обусловленные спецификой их деятельности. Например, И.Г. Бублик выделяет профессиональную честь и достоинство сотрудника полиции¹, С.С. Киселев пишет о чести и достоинстве сотрудников органов внутренних дел. Автор полагает, что такие объекты обладают спецификой в силу особого положения органов внутренних дел в государственном механизме. Например, честь сотрудника органов внутренних дел С.С. Киселев определяет как положительную социальную оценку нравственных качеств, проявляющихся в признании авторитета сотрудника и органов внутренних дел в целом при выполнении служебного долга представителем государственной власти. Достоинство, по его мнению, – это самостоятельная положительная оценка сотрудником своих нравственных качеств ввиду осознания профессиональной принадлежности, значимости статуса представителя власти и авторитета органов внутренних дел².

Полагаем, что интерпретация понятия чести, достоинства и репутации человека должна быть единой, независимо от профессионального статуса потерпевшего. Бесспорно, что в специальных сос-

---

¹ Бублик И.Г. О подходах к определению чести, достоинства и деловой репутации сотрудника органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12-2.

² Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 26.

тавах клеветы или оскорбления специфика деятельности потерпевшего, его должность (статус) предопределяют направленность умысла причинить вред конкретному лицу – обладателю профессионального и иного статуса. Данное обстоятельство объясняет наличие в уголовном законе специальных норм, охраняющих, в первую очередь, другие объекты, а именно, интересы правосудия, порядок управления или интересы воинской службы. Именно поэтому честь, достоинство и репутация *человека* (выделено нами. – *Н.Г.*) в таких составах преступлений являются дополнительными объектами. Однако разграничивать «природу» таких морально-этических категорий, как честь, достоинство, репутация личности, по признакам профессиональной или иной принадлежности нельзя. В этой связи высказанные в литературе мнения о том, честь, достоинство и репутация специальных субъектов обладают спецификой, отличной от чести и достоинства обычных людей, на наш взгляд, не обоснованны.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕЯТСТВОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

DOI 10.17223/9785751123628/9

О.А. Шатилова

В настоящее время в России у правоприменителей возникает ряд проблем, связанных с привлечением к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, – воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий.

Связано это, на наш взгляд, с некоторыми вопросами, вокруг которых в настоящее время ведется научная дискуссия.

Во-первых, в Уголовном кодексе РФ отсутствует понятие «воспрепятствование». Несмотря на то, что отечественные законодатели детально проанализировали зарубежный опыт в данном направлении, понятие «воспрепятствование» до настоящего времени так и не сформулировано, так как в зарубежных странах существует такая же проблема относительно его формулировки.

В ряде стран в уголовном законодательстве применяются формулировки с выделением квалифицирующих признаков, указывающих на об-

ществленную опасность деяния. Например, «воспрепятствование путем применения насилия, угрозы или обмана» (ст. 249 УК Польши – преступления против выборов и референдумов, ст. 256 УК Китая – преступления против демократических прав граждан, ст. 167 УК Болгарии – преступления против политических прав граждан).

В других странах вообще отсутствует понятие «воспрепятствование», например в США. Однако в Своде законов США (раздел 18) есть отдельные статьи, в которых приводится исчерпывающий перечень способов воспрепятствования осуществлению избирательных прав (запугивание избирателей – ст. 594, вмешательство в работу административных служащих федерального, штатного или местного уровня – ст. 595, подкуп избирателей – ст. 597, оказание экономического давления на избирателя – ст. 598¹).

Вторая проблема, связанная с привлечением к уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательных прав, заключается в сложности разграничения уголовных преступлений и административно-правовых деликтов в рассматриваемой сфере правоотношений.

По мнению О.Л. Дубовика, «юридически корректное разграничение административной и уголовной ответственности, основанное на презумпции применения мер административного воздействия в спорных случаях, является обязательным условием рациональной правовой политики в этой области»².

По нашему мнению, не следует ограничиваться такой презумпцией. При оставлении в целом формулировки действующей нормы необходимо обобщить практику по уголовным делам на уровне Верховного Суда РФ. На сегодняшний день представляется правильным предложение И.В. Галушко об инициировании введения представителя Верховного Суда РФ в состав Научно-методического совета ЦИК РФ³. В настоящее время нужна глубокая аналитическая работа, направленная на систематизацию и эффективность применения комплекса мер юридической ответственности. И эта работа должна проводиться специалистами правового управления ЦИК РФ с обязательным участием Верховного Суда РФ.

---

¹ Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М.: Норма, 2005. С. 95–111.

² Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Спартак, 1998. С. 69.

³ Галушко И.В. Правосудие как способ разрешения юридических конфликтов в ходе выборов // Вестник ЦИК РФ. 2003. № 1 (139). С. 109.

Кроме того, в долгосрочной перспективе также следует совершенствовать и нормы закона в данном направлении.

Обозначенные нами проблемы привлечения к уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательных прав позволяют сделать следующие выводы: во-первых, необходимо обобщить правоприменительную практику на уровне Верховного Суда РФ при тесном сотрудничестве с Научно-методическим советом ЦИК РФ; во-вторых, постоянно совершенствовать не только уголовное, но и административное, а также избирательное законодательство на основе комплексного подхода и повышения эффективности реализации правовых материальных и процессуальных средств реагирования на факты воспрепятствования осуществлению избирательных прав.

ЕЩЕ РАЗ О ПРИСВОЕНИИ НАЙДЕННОГО

DOI 10.17223/9785751123628/10

В.А. Смирнов

Оказывая на неформальной основе помощь органам прокуратуры одного из районов г. Иркутска, мы столкнулись с проблемой, которая в научной литературе получила наименование «присвоение найденного». Как выяснилось, сотрудники прокуратуры, отвечающие за организацию надзора за исполнением законов на стадии возбуждения уголовного дела, просто не знают, что делать с так называемыми отказными материалами, в которых граждане оставляют (забывают, теряют) свои телефоны, планшеты, кошельки, барсетки в такси, ресторанах, барах, супермаркетах и т.п. С одной стороны, трудно не согласиться с мнением сотрудников полиции, проводивших проверку по данным фактам, что в этих случаях имущество выбывает из обладания собственника без участия лица, которое в дальнейшем завладело им, что это лицо относится к данному имуществу не как к чужому, а как к бесхозному, и поэтому в действиях этого лица не содержится состава кражи (либо какого-либо другого хищения). С другой стороны, вышестоящая прокуратура в своих отдельных указаниях не позволяет соглашаться с законностью вынесенных в таких ситуациях постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Получается парадоксальная ситуация – присвоение находки не является уголовно наказуемым деянием, относится к разряду

гражданско-правовых деликтов, но при этом отказ в возбуждении уголовного дела по таким фактам однозначно законным не признается.

В литературе по уголовному праву встречаются три основные позиции. Часть авторов констатирует, что присвоение находки в современном уголовном законодательстве ответственности не влечет¹. Другие утверждают, что в условиях отсутствия специальной нормы за присвоение находки стоит применять общую норму о присвоении вверенного имущества². Наконец, третьи приходят к выводу, что в данном случае целесообразно установить административную ответственность за присвоение найденного, поскольку социальная опасность такого деяния «несоизмерима с социальной опасностью присвоения вверенного имущества»³.

На наш взгляд, заслуживают поддержки предложения тех ученых, которые ратуют за выделение (читай – криминализацию) отдельного состава преступления «присвоение находки»⁴. В современных условиях стоимость потерянных, а впоследствии найденных вещей (в нашем обзоре – чаще всего телефоны) может быть весьма значительна. Поэтому замечания о разной социальной опасности хищений и обращения найденного в свою пользу хоть и являются в целом справедливыми, но не могут при этом свидетельствовать о недостаточности оснований для признания в отдельных случаях за присвоением найденного характера преступного деяния.

На период же отсутствия специального уголовно-правового запрета на обращение находки в свою пользу мы считаем возможным применять положения ст. 330 УК РФ – «самоуправство». По нашему мнению, человек, не заявивший о находке и распорядившийся ею по собственному усмотрению, нарушает установленный порядок совершения определенных действий, а именно порядок, предусмотренный ст. 227, 228 ГК РФ. Безусловно, в данном случае необходимо, во-первых, чтобы лицо, утратившее вещь, заявило об этом в полицию либо орган местного самоуправления (таким образом будет реализо-

---

¹ См., напр.: *Лопашенко Н.А.* Посягательства на собственность / Н.А. Лопашенко. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2012. С. 47.

² См., напр.: *Бойцов А.И.* Преступления против собственности / А.И. Бойцов. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 247.

³ *Ведерникова Л.В.* Присвоение находки, безнадзорного животного или пригульного скота / Л.В. Ведерникова // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. тезисов. Ч. 47. Томск, 2010. С. 42.

⁴ Или иногда – «необъявление о находке».

ван признак рассматриваемого состава, заключающийся в том, что действия субъекта должны быть оспорены гражданином или организацией), а во-вторых, чтобы причиненный вред был существенным (который в нашем случае может быть раскрыт через стоимость утраченной вещи). Такой подход, по нашему твердому убеждению, позволит повысить уровень защищенности права собственности в России и гарантирует реализацию положений ГК РФ, посвященных обращению с найденными вещами.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ НАХОДКИ ОТ ХИЩЕНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/11

О.В. Ермакова

Весьма сложным и актуальным вопросом является признание преступления в действиях лица, присвоившего найденное имущество. Неоднозначность решения указанной проблемы в первую очередь связана с тем обстоятельством, что по сравнению с УК РСФСР в действующем УК РФ отсутствует состав преступления по присвоению найденного, соответственно при отсутствии признаков хищения подобные действия находятся вне сферы уголовно-правового регулирования.

В большинстве случаев судебная и следственная практика придерживается точки зрения, что присвоение найденного не может рассцениваться как хищение чужого имущества¹. Однако в отдельных субъектах РФ можно увидеть и другую позицию судебных органов. Так, приговором Волжского городского суда Волгоградской области был осужден по ст. 158 УК РФ М., являющийся водителем такси, который присвоил забытые пассажиром в машине сумку и кошелек².

Противоречивость судебной практики объясняется отсутствием разъяснений по данному вопросу пленума Верховного Суда, а также ограниченностью исследований, представленных в научной литературе.

---

¹ Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второй квартал 2011 года // www.mosoblsud.ru

² Приговор Волжского городского суда №308/2012. URL: [http:// sudact.ru/](http://sudact.ru/)

По нашему мнению, учитывая, что понятие находки регламентирована гражданским законодательством, необходимо проведение межотраслевого исследования.

Находка – это обнаружение чужой вещи, которая выбыла из владения собственника помимо его воли.

Цивилисты выделяют два признака, при одновременном наличии которых можно вести речь о находке вещи как о гражданско-правовом феномене, без признаков преступления:

1) вещь выбывает из владения собственника либо иного ее законного (титульного) владельца помимо его воли;

2) лицо, обнаружившее потерянную вещь, не только осознает, что данная вещь выбыла из владения другого лица, но и становится фактическим обладателем этой вещи, т.е. берет эту вещь себе¹.

Анализируя представленные положения, можно прийти к выводу, что для наличия находки, не важно, видел ли лицо, присваивающее имущество, факта его утраты собственником либо нет.

Соответственно следует признать противоречащими цивилистической науке предложения, высказываемые в научной литературе, о том, что хищение потерянных, забытых вещей будет иметь место, если виновное лицо при присвоении вещи достоверно знает, кому принадлежит присваиваемое имущество или имеет разумное основание полагать, где находится владелец вещи и что он может за ней вернуться².

По нашему мнению, квалификация действий лица, присваивающего найденное имущество, по статьям, предусматривающим уголовную ответственность за хищение, невозможна по следующим причинам. Во-первых, отсутствует факт изъятия имущества виновным, иначе говоря, лицо никаких активных действий, направленных на выведение имущества из обладания собственника, не совершает. Обратная ситуация имеет место, когда имущество на время оставлено собственником без присмотра и виновное лицо, осознавая данный факт, осуществляет завладение им.

Во-вторых, утраченное собственником имущество (потерянное, забытое) уже не находится в его владении, соответственно отсутст-

---

¹ *Никитин А.В.* Находка вещи: правовые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 4. С. 51–58.

² *Хилота В., Бильдейко А.* Находка или кража? // Уголовное право. 2014. № 3. С. 94–97.

вует такой важный признак предмета хищения, как юридический, т.е. имущество должно находиться во владении другого лица.

ОШИБКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОСТРОЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ О МОШЕННИЧЕСТВЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

DOI 10.17223/9785751123628/12

А.В. Архипов

1. Статья 159.2 УК РФ введена в действие с 1 января 2013 г. За период действия данной нормы обнаружились проблемы, существенным образом усложняющие ее применение. Наряду с прочими к этим проблемам следует отнести: некорректное название ст. 159.2 УК РФ; противоречивое и неполное обозначение в диспозиции ч.1 ст. 159.2 УК РФ предмета хищения; неточное описание способа совершения преступления. Причины возникновения перечисленных недочетов обусловлены различным пониманием целей и оснований выделения данной специальной нормы о мошенничестве, сложившимся у авторов законопроекта и у законодателя.

2. По задумке авторов законопроекта главным основанием выделения специальной нормы о мошенничестве при получении выплат должен был быть способ совершения мошенничества¹, поскольку действие нормы должно было распространяться на случаи получения всех выплат, вне зависимости от того, в какой сфере данные выплаты производятся. Между тем при рассмотрении законопроекта в Государственной думе РФ в текст статьи была внесена поправка, которая принципиально изменила содержание нормы. В окончательной редакции закона фраза «социальные и иные выплаты» была заменена на фразу «иные социальные выплаты». Внося указанные изменения, законодатель не только резко сузил понятие предмета мошенничества при получении выплат, но изменил главное основание выделения специальной нормы, установив в качестве такого основания не способ совершения преступления, а предмет преступного посягательства. Таким образом, вместо нормы, которая по замыслу

---

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации"» Законопроект № 53700-6 // СПС «КонсультантПлюс».

авторов законопроекта должна была устанавливать ответственность за обман при получении материальной помощи в любом ее виде, в Уголовный кодекс РФ была введена статья, предусматривающая уголовную ответственность за хищение средств, выделяемых государством в качестве мер социального обеспечения населения.

3. Похожая ситуация произошла и с определением предмета данного вида мошенничества. Еще до принятия текста законопроекта пленумом Верховного Суда РФ на общественное обсуждение был выставлен вариант законопроекта, в котором предлагалась редакция ст. 159.2 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за хищение только денежных выплат. В окончательной редакции законопроекта, внесенной в Государственную думу РФ, в качестве предмета хищения наряду с денежными средствами было указано иное имущество. Термин выплаты остался ключевым для определения предмета хищения, в его объем были включены как денежные средства, так и иное имущество. Представляется, что такое решение нельзя признать удачным по следующим причинам: во-первых, использование термина «выплата» для обозначения процесса передачи нуждающимся лицам в качестве мер социальной защиты не денежных средств, а иного имущества (медикаментов, протезов и т.п.) является некорректным с точки зрения юридической техники. В русском языке понятием «выплата» обозначается производство денежных отчислений¹. Во-вторых, буквальное толкование рассматриваемой нормы позволяет сделать вывод о том, что ст. 159.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность только за совершение хищения и не устанавливает ответственности за приобретение права на чужое имущество. Действующее законодательство в сфере социального обеспечения предусматривает случаи передачи в собственность льготным категориям граждан не только денежных средств и движимого имущества, но и прав на недвижимость. Ситуацию, при которой незаконное получение социальной помощи в виде денег квалифицируется по ст. 159.2 УК РФ, а точно такое же получение социальной помощи, но в виде права на недвижимость квалифицируется по основному составу мошенничества, нельзя назвать обоснованной.

---

¹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 120.

4. Еще одной проблемой, усложняющей применение рассматриваемой нормы о мошенничестве, является недостаточно ясное описание в диспозиции способа совершения преступления. Способом совершения данного преступления является, в том числе, представление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (активный обман). Приведенная формулировка является неточной. Из нее не ясно, какого рода должны быть недостоверные сведения, предоставляемые виновным. Не всякий обман будет являться способом совершения преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Отсутствие указания на содержание недостоверных сведений может привести на практике к необоснованному расширению круга мошеннических действий, квалифицируемых по данной статье Особенной части УК РФ. Формулировка содержит наряду с указанием на возможность предоставления заведомо недостоверных сведений указание на предоставление ложных сведений, которое является излишним. Недостоверный в русском языке означает неверный, не соответствующий действительности, неправильный, неточный¹. Ложный – содержащий ложь, т.е. намеренное искажение истины, неправду, обман². Содержания понятий «недостоверные сведения» и «ложные сведения» соотносятся между собой как целое и часть. Более корректно эту часть диспозиции следовало бы изложить как предоставление заведомо недостоверных сведений относительно наличия оснований для получения соответствующих выплат или иного имущества и (или) соответствия использования данных выплат их целевому назначению.

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 159.4 УК РФ

DOI 10.17223/9785751123628/13

М.Т. Валеев

Федеральным законом № 207-ФЗ от 29.11.2012 г. в УК РФ введен ряд новых составов, предусматривающих дифференцированную ответственность за мошенничество. Среди них ст. 159.4 УК РФ

---

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 79.

² Там же. С. 331.

(«Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности»). В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации состав мошенничества не в полной мере учитывал особенности тех или иных экономических отношений и не позволял обеспечить на должном уровне защиту интересов как отдельных граждан, так и больших групп граждан, пострадавших от мошеннических действий, которые совершаются в самых разных сферах общественных отношений, причиняя им существенный вред. Полагаем, что введение изменений не только не решило продекларированных задач, но и усугубило проблемы, добавив правоприменителю сложности квалификации деяний. Это подтверждает посвященный, в частности, вопросам применения рассматриваемой нормы Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», а также постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

К сложностям квалификации по ст. 159.4 УК РФ, помимо тех, что указаны в названных постановлениях высших судебных инстанций, в частности, можно отнести вопрос о том, что понимать под неисполнением обязательства применительно к рассматриваемой норме. Очевидно, что в этой части диспозиция отсылает правоприменителя к нормам гражданского законодательства. На это прямо указывает и упомянутый выше Обзор Верховного Суда 2012 г., где в п. 1.3.4 указано – понятие и условия договора, обязательств, возникших из договора, регламентируются положениями гражданского законодательства (гл. 9, разд. III, IV).

Гражданский кодекс разделяет понятия неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательств (ч. 5 ст. 62, ч. 1 ст. 64, ч. 1 ст. 330, ч. 1 ст. 334, ст. 396 ГК РФ и др.), при этом содержания их не раскрывает. Рассмотрим это понятие от обратного, раскрыв содержание «исполнения обязательства». Исполнение обязательства, – пишет В.А. Белов, – это один из способов прекращения обяза-

тельств, состоящий в совершении должником по требованию кредитора действий, составляющих содержание требования и обязанности (передача вещи, уплата денег, выполнение работ и т.п.) и соответствующих требованиям закона, иных правовых актов и обычаев об (1) объекте исполнения, (2) лице-исполнителе, (3) лице, которому производится исполнение, (4) времени исполнения, (5) месте исполнения (ст. 309 ГК РФ). То есть надлежащим исполнением будет считаться такое, которое точно соответствует закону или договору, совпадая с их требованиями по объекту, исполнителю, получателю, времени и месту. Если имеет место нарушение одного или нескольких из них – следует вести речь о ненадлежащем исполнении.

Неисполнение же обязательства будет только в том случае, когда должник не производит никакого исполнения вообще. Полагаем, именно в таком смысле следует трактовать преднамеренное неисполнение применительно к ст. 159.4 УК РФ. Преднамеренное ненадлежащее исполнение предпринимателем договорного обязательства нельзя квалифицировать по ст. 159 УК РФ, так как ст. 159.4 УК РФ носит специальный характер, а потому невозможность квалификации по специальной норме не делает возможным квалификацию по общей. Руководствуясь принципом *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), случаи ненадлежащего исполнения обязательства было бы логично отнести к предпринимательскому риску, предполагающему не только риск несения возможных неблагоприятных последствий, но и осмотрительность в выборе контрагентов. Однако, как отмечается в п. 1.3.4 упомянутого выше Обзора судебной практики 2012 г., для квалификации содеянного по ст. 159.4 УК РФ не имеет значения, кто является другой стороной договора (коммерческая организация, предприниматель или физическое лицо). Учитывая, что потерпевшим от действий предпринимателя может быть и физическое лицо, к которому не применим предпринимательский риск, необоснованным представляется существование нормы о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности в нынешнем «усеченном» виде, исключая возможность привлечения к ответственности за преднамеренное ненадлежащее исполнение обязательства.

Действительно, нетрудно представить себе ситуации, когда ненадлежащее исполнение может привести к аналогичным последствиям, что и неисполнение. Например, преднамеренная поставка про-

сроченных товаров питания, поставка технического изделия не той, более дешевой марки, и т.д.

Выходов из сложившейся ситуации видится два. Первый: дополнение диспозиции ст. 159.4 УК РФ и случаев преднамеренного ненадлежащего исполнения договорного обязательства. Второй – декриминализация ст. 159.4 УК РФ. В свете постановления Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 г., предписывающего уравнивать нормы ст. 159 и 159.4 УК РФ по категориям преступлений, выделение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в отдельную норму, на наш взгляд, теряет свое значение.

К ВОПРОСУ О ПРИСВОЕНИИ ИЛИ РАСТРАТЕ ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА

DOI 10.17223/9785751123628/14

Л.В. Ведерникова

1. Закрепленный в Конституции РФ (ст. 8) принцип равной защиты всех форм собственности не означает, что суд при оценке действий виновного и для определения характера и степени общественной опасности совершенного преступления не должен учитывать, на какую из форм собственности было совершено посягательство. Заметим, что уголовный закон связывает повышение степени общественной опасности присвоения вверенного имущества с некоторыми особенностями объективной стороны (совершение хищения организованной группой), с особым статусом субъекта преступления (использование служебного положения), но при этом особые свойства предмета преступления не влекут усиления ответственности. Это не всегда позволяет дать всестороннюю и объективную оценку характера и степени общественной опасности совершённого присвоения вверенного имущества. Представляется, что признание равенства всех форм собственности не исключает необходимости учета особенностей предмета преступления и свойств его собственника.

2. В ходе изучения судебной практики о привлечении к уголовной ответственности по ст. 160 УК РФ нельзя было обойти вниманием факты совершения указанного преступления в Вооруженных Силах РФ. Так, анализ уголовных дел и приговоров гарнизонных военных судов РФ показал необходимость признания особой опасности

совершения хищения вверенного Министерством обороны РФ имущества.

3. Действующий Уголовный кодекс РФ предусматривает повышенную ответственность за совершение присвоения или растраты вверенного имущества, если такое преступление повлекло причинение значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 160 УК РФ). Таким образом, юридическая принадлежность имущества может быть положена в основу дифференциации уголовной ответственности, в этом законодателем не усматривается противоречие со ст. 8 Конституции РФ. Аналогичная ситуация должна сложиться и в отношении военного имущества.

4. То, что расхищение военного имущества негативно отражается на обороноспособности государства, признается рядом зарубежных стран, которые устанавливают повышенную ответственность за совершение таких деяний. Так, в Законе «О Вооруженных Силах» Великобритании преступления против военной собственности посвящена целая глава. Законом об уголовном праве Израиля (ст. 108) наказывается тюремным заключением сроком на 7 лет «тот, кто злоумышленно причинил ущерб имуществу, которое используется вооруженными силами, а равно злоумышленно подверг опасности снабжение вооруженных сил»; тюремным заключением на срок 10 лет «тот, кто совершил такое преступление и это преступление могло нанести вред безопасности государства»¹.

5. Необходимость признания повышенной опасности похищения военного имущества объясняется тем, что такое имущество предназначено только для нужд государства и общества (а не для отдельных лиц), для выполнения одной из важнейших функций государства – обеспечение обороноспособности страны, а значит, безопасности всего населения.

---

¹ Закон об уголовном праве Израиля. Постатейный перевод с иврита на русский язык. Автор перевода – судья Марат Доффман. 2-е изд., перераб. и доп. 2010 [Электронный ресурс] // <http://library/khpg.org/files/docs/1375279180.pdf> (дата обращения: 16.04.2015).

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

DOI 10.17223/9785751123628/15

А.Н. Никитин

В 2012 г. гл. 21 УК РФ была дополнена шестью составами квалифицированных видов мошенничества. Однако при разработке и принятия законопроекта не были учтены последствия ее введения.

В первую очередь, возникают проблемы разграничения общих и специальных составов мошенничества. В частности, если у лица при получении кредита изначально возникает намерение не вернуть его, и при этом оно предоставляет подлинные и достоверные сведения. Данное деяние приходится квалифицировать по ст. 159 УК РФ, так как в ст. 159.1 УК РФ такой способ совершения не предусмотрен.

На наш взгляд, законодатель вводил в УК РФ 6 новых составов для того, чтобы разграничить их по сферам общественных отношений, поэтому для единой практики правоприменения приоритет должен отдаваться специальный норме.

Еще одной проблемой является то, что в УК на момент принятия законопроекта уже действовала специальная норма ст. 176 УК РФ.

По мнению Семенчук и Швеца, диспозиции данных статей в значительной степени конкурируют друг с другом. Спорным вопросом является квалификация действий лица, если им хотя бы частично осуществлялось погашение кредита. Из-за отсутствия достаточных данных, подтверждающих умысел лица на невозвращение кредита, принимается решение либо о возбуждении дела по ст. 176 УК РФ, либо от отказе в возбуждении уголовного дела.

В этой связи необходимо научно обоснованное изменение конструкции ч. 1 ст. 176 УК РФ с целью ее четкого отграничения от ст. 159.1 УК РФ.

Также следует обратить внимание на то, что согласно ППВС РФ если лицо использовало поддельные документы с целью совершения мошенничества, однако по независящим от него обстоятельства преступление не было доведено до конца, содеянное следует квалифицировать как покушение на мошенничество в совокупности с ч. 1 ст. 327 УК РФ. Однако на практике часть дел возбуждались только по ч. 1 ст. 327. Диспозиция ст. 159.1 УК РФ указывает на специальный субъект – заемщик. Согласно гражданскому законодательству

приобретение статуса заемщика обусловлено заключением соответствующего гражданско-правового договора.

На наш взгляд, данное деяние подлежит квалификации как покушение на ст. 159.1 в совокупности со ст. 327 УК РФ. Основанием такой квалификации является наличие умысла на хищение путем обмана.

В заключение следует добавить, что это далеко не все проблемы, существующие на практике, в связи этим возникает потребность в новом постановлении пленума Верховного Суда, в котором будут учитываться специфика специальных норм мошенничества и разрешаться трудности в их квалификации.

СОДЕРЖАНИЕ ПРИЗНАКА «ПРИМЕНЕНИЕ» В ВООРУЖЕННОМ РАЗБОЕ

DOI 10.17223/9785751123628/16

Т.Г. Черненко

1. К числу квалифицированных видов разбоя относится разбой, совершенный с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ).

Неоднозначно и в теории уголовного права, и в следственной и судебной практике решается вопрос о том, что следует понимать под *применением* оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Одна из имеющихся точек зрения заключается в том, что применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, означает приведение в действие их поражающих свойств¹.

В соответствии с другой позицией применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, включает в себя как непосредственное приведение в действие их поражающих свойств, причинение вреда здоровью человека, так и угрозу их применения².

---

¹ *Благов Е.В.* Преступления в сфере экономики: лекции. М., 2010. С. 36.

² *Векленко В., Зайцева Е.* Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2009. № 2. С. 23–29; *Романков А.* Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как квалифицирующий признак разбоя // Уголовное право. 2002. № 1. С. 41–45.

Необходимо иметь в виду, что лицо, осуществляющее разбойное нападение, может использовать для достижения своей цели как физическое, так и психическое насилие. Физическое насилие должно быть опасным для жизни или здоровья лица, подвергнувшегося нападению. Именно при интенсивном физическом насилии может быть осуществлено применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в узком смысле слова, т.е. фактическое приведение в действие поражающих свойств указанных предметов, использование их для причинения физического вреда потерпевшим.

Психическое насилие при разбое заключается в угрозе применения физического насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевших. При психическом насилии возможно использование оружия или иных предметов в качестве средства интенсивного психического давления на потерпевшего, для усиления психического воздействия на него, вызывающего у потерпевшего ощущение реальности угрозы для жизни или здоровья. Безусловно, степень опасности такого разбойного нападения намного выше, чем при разбое без использования устрашающего воздействия оружия или иных предметов, в связи с чем квалифицирующий признак разбоя «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» следует вменять не только в случае непосредственного использования указанных предметов для физического воздействия на потерпевшего и причинения ему вреда (физическое насилие), но и в случае угрозы применения данных предметов (психическое насилие), т.е. необходимо при квалификации содеянного исходить из широкого понимания признака «применение». Иное будет означать необоснованное смягчение ответственности лицу, совершившему разбойное нападение при указанных обстоятельствах.

2. Нередко оружие или предметы, используемые в качестве оружия, применяются при совершении разбойных нападений группами лиц. Думается, что даже в том случае, когда при групповом разбойном нападении ножи или иные предметы, которыми можно причинить вред человеку, только демонстрируются, следует вменять нападавшим квалифицирующий признак «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», поскольку, демонстрируя указанные предметы, преступники используют устрашающий эффект оружия и ему подобных предметов. Наличие оружия или предметов, используемых в качестве оружия, у членов группы означает не только интенсивное психическое давление на потерпевших, но и

намерение использовать их для физического воздействия на потерпевших (в случае невыполнения требований нападавших или при оказании им сопротивления).

НАПРАВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

DOI 10.17223/9785751123628/17

И.В. Лозинский

В 2014 г. законодателем вновь были внесены серьёзные поправки в гл. 22 УК РФ, охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Согласно Федеральному закону РФ от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ обозначенная глава была дополнена ст. 172-1, устанавливающей ответственность за «фальсификацию финансовых документов учёта и отчётности финансовой организации». По нашему мнению, введение указанного уголовно-правового запрета обусловлено необходимостью усиления борьбы с рассматриваемым деянием, совершаемым в целях сокрытия признаков банкротства кредитно-финансовых организаций. При этом в диспозиции ст. 195 УК РФ, предусматривающей ответственность за неправомерные действия при банкротстве, ответственность за его совершение не была установлена законодателем. Таким образом, имел место значительный законодательный пробел, что препятствовало эффективной борьбе с преступными посягательствами, совершаемыми в сфере экономической деятельности. Поэтому дополнение гл. 22 УК РФ рассматриваемым уголовно-правовым запретом является правомерным и обоснованным.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ указанная глава была дополнена ст. 191-1, устанавливающей уголовную ответственность за «приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины». Криминализация данного деяния обусловлена необходимостью усиления борьбы с деятельностью так называемых «чёрных лесорубов», имеющей в настоящее время достаточно широкое распространение. Как и в предыдущей ситуации, дополнение законодателем гл. 22 Уголовного кодекса указанной новеллой по-

зволило устранить существенный пробел в отечественном уголовном законодательстве.

Согласно Федеральному закону РФ от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ в гл. 22 УК РФ была введена ст. 200-2, которая предусматривает ответственность за совершение «контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий». В обозначенной ситуации имеет место частичное «восстановление» декриминализованной в 2011 г. товарной контрабанды. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием у законодателя обоснованной концепции уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере. Направления указанной концепции должны представлять собой не только криминализацию деяний, но и их декриминализацию, при этом необходим определённый баланс между обозначенными направлениями. Л.М. Прокументов справедливо отметил, что «правильно выбранный баланс криминализации и декриминализации отдельных деяний позволит чётко определить позицию государства в предупреждении преступлений»¹. За время действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. наблюдался дисбаланс в сторону именно криминализации деяний в рассматриваемой сфере. При этом указанная уголовно-правовая экспансия в сферу экономической деятельности способна породить у осуществляющих данную деятельность субъектов определённый страх перед ней². В результате происходит и ухудшение ситуации в отечественной экономике, когда большинство субъектов, осуществляющих экономическую деятельность, вынуждено уходить в «теневую экономику», что приводит к значительному сокращению как поступления налоговых платежей в бюджеты различных уровней, так и количества рабочих мест. Таким образом, основным направлением обозначенной концепции в новых социально-экономических условиях должна быть декриминализация деяний.

---

¹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 112.

² Социально-экономические последствия уголовной политики государства в отношении бизнеса // Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки. М.: Либеральная миссия, 2011. С. 13.

САНКЦИИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РФ

DOI 10.17223/9785751123628/18

Д.А. Баянов

Несколько лет назад государством был принят курс на реализацию либеральной модели уголовной политики, что повлекло существенные изменения норм уголовного законодательства, в том числе и о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

В первую очередь, нужно признать, что санкции всех статей УК РФ о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности имеют значительные недостатки, во многом препятствующие формированию позитивной правоприменительной практики и назначению справедливого наказания.

Так, из 33 санкций за преступления в сфере предпринимательской деятельности 64 % составляют те, которые предусматривают три альтернативных наказания, что в целом должно создавать весьма комфортные условия для индивидуализации наказания. Однако две трети этих санкций предоставляют судьям странный выбор между штрафом, принудительными работами и лишением свободы (ч. 1 ст. 172, ч. 1 ст. 173.1, ст. 196 УК РФ и т.д.), где два наказания противоположны по своей карающей силе, а третье вообще не применяется. Более того, некоторые санкции с двумя альтернативными наказаниями предусматривают в качестве таковых принудительные работы и лишение свободы (ч. 2 ст. 172 и ч. 2 ст. 178 УК РФ), вообще не оставляя никакого выбора при назначении наказания.

Подобные недостатки санкций норм о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности непосредственным образом связаны с процессом либерализации уголовного законодательства, которое проявляется, в частности, в увеличении уровня альтернативности санкций и расширении использования наказаний, не связанных с лишением свободы.

В то же время можно указать и на ряд проблем, которые вызваны отнюдь не реализацией либеральной уголовной политики. Так, размеры штрафов, установленные за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности, зачастую занижены (ст. 172, 178 УК РФ и т.д.); крайне неудачно выбраны законодателем пределы

предусмотренных санкцией наказаний, что проявляется в чрезмерном снижении нижней границы наказания, установлении нижней границы наказания по квалифицированному составу ниже верхней границы по основному (ст. 171 УК РФ), в излишне широких пределах наказания (ч. 2 ст. 179 УК РФ).

Таким образом, вышеуказанные недостатки санкций имеют в большей степени технико-юридическую природу, свидетельствуют об ошибках законодателя и отсутствии какой бы то ни было научной основы в процессе конструирования санкций за преступления в сфере предпринимательской деятельности, нежели вызваны новым вектором в осуществлении уголовной политики. Проведение же либерального курса (естественно, в разумных пределах) никак не противоречит установлению эффективного и справедливого наказания, а даже, напротив, способствует ему. В частности, расширение применения наказаний, не связанных с лишением свободы (например, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применительно к ст. 195–197 УК РФ), являясь неотъемлемой частью процесса либерализации уголовного законодательства, в полной мере отвечает потребностям борьбы с преступностью в этой сфере.

Таким образом, нужно признать, что при определенных условиях либерализация уголовной политики способна сделать правоприменительную практику более эффективной в конкретной области – борьбе с преступностью в сфере предпринимательской деятельности, однако должна сопровождаться качественным, научно обоснованным законодательством, дабы не быть лишней раз дискредитированной.

ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 175 УК РФ

DOI 10.17223/9785751123628/19

С.П. Опацкая

Наличие неоднозначных формулировок в законодательных актах довольно часто приводит к различной, а порой противоположной их интерпретации исполнительными органами власти и судами, по-разному применяющими в схожих ситуациях одни и те же правовые нормы.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, образуют (заранее не обещанные): 1) приобретение или 2) сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Для наличия состава преступления достаточно одного из них.

Преступное приобретение предполагает свободное волеизъявление приобретателя на приобретение этого имущества и отчуждателя на его отчуждение.

Не является приобретением в смысле данной статьи получение имущества на хранение или взятие имущества «взаймы», на какое-либо время с условием возврата. Однако действия лица, заранее не обещавшего хранение имущества, заведомо добытого преступным путем, при наличии необходимых признаков образуют состав преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ.

Вторичное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем – случаи приобретения такого имущества у посредников либо у тех, кто сбывает его после приобретения, – следует квалифицировать по ст. 175 УК РФ, при условии осознания приобретателем преступного способа добычи предмета преступления.

Таким образом, преступное приобретение предполагает желание приобретателя получить вещь у лица, которое добыло ее преступным путем, а желание последнего передать ее другому лицу на возмездной или безвозмездной основе.

Сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, понимается как возмездная или безвозмездная фактическая передача имущества, его отчуждение любым способом (продажа, дарение, обмен, возмещения причиненных лицом убытков и т.п.) в пользу другого лица. Данное понимание находит свое отражение в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»: «под сбытом... следует понимать любые способы возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т.д.)». Сбытчик не является владельцем сбываемого имущества. Им продолжает оставаться лицо, добывшее это имущество путем совершения преступления, в интересах которого осуществляется сбыт.

Все возможные сделки, посредством которых имущество, заведомо добытое преступным путем, передается от виновного лица

третьему лицу, являются недействительными сделками в соответствии со ст. 168 ГК РФ.

Вышесказанное позволяет утверждать, что при использовании понятий и выражений, которые могут иметь неоднозначное толкование, они должны быть определены в самом законодательном акте. Приобретение предлагается понимать, как возмездное или безвозмездное получение имущества в любой форме, в результате которого приобретатель получает фактическую возможность владеть, пользоваться и распоряжаться в своих интересах этим имуществом как своим собственным, но не приобретает правомочий собственника. А сбыт имущества – как возмездная или безвозмездная фактическая передача имущества в пользу другого лица.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/20

И.А. Никитина

Распространенность преступлений в сфере кредитования в последние годы стала возможна вследствие продолжающегося в России и в мире тяжелого финансово-экономического кризиса. В этой связи возможность своевременного получения кредита хозяйствующими субъектами как одного из важнейших условий успешной экономической деятельности в известной степени затруднена.

В действующем УК РФ преступлениям в сфере кредитования, в отличие, например, от европейского уголовного законодательства, отводится довольно незначительное место среди противоправных деяний, посягающих на экономическую сферу, поскольку они представлены всего двумя статьями (ст. 176 и 177), эффективность конструкции которых, как и сама криминализация противоправных деяний, пока не стала предметом пристального внимания со стороны ученых и практических работников.

Вместе с тем надо признать, что в настоящее время применение норм, содержащихся в гл. 22 УК РФ, ограничено правовой и практической неразработанностью вопросов, связанных с механизмом разграничения смежных преступлений, в которых объекты преступных посягательств зачастую трудноразличимы.

Случаи конкуренции уголовно-правовых норм отчасти обусловлены нечеткой позицией законодателя в вопросе определения видового (подвидового) объекта преступлений в сфере кредитования, располагающихся в настоящее время в общей массе преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ). Эти противоправные деяния посягают на значительное количество различных по своему содержанию общественных отношений, поэтому вычленив из них те, которые подвергаются преступному воздействию, в каждом конкретном случае достаточно затруднительно.

В этой связи в целях конкретизации подвидового объекта преступлений в сфере кредитования законодателю следует выделить рассматриваемую подгруппу преступлений в самостоятельное структурное образование в рамках разд. VIII действующего УК РФ (главу о финансово-кредитных преступлениях).

Для придания должного статуса вновь образываемой главе целесообразно рассмотреть вопрос о включении в нее новых видов преступлений в сфере кредитования, известных, например, УК государств СНГ и Балтии.

В плане совершенствования действующего УК РФ о преступлениях в сфере кредитования представляется целесообразным введение в ст. 176 УК РФ квалифицирующих признаков «особо крупный ущерб», совершение преступления «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», а также «лицом с использованием своего служебного положения», а в ст. 177 – квалифицирующего признака «особо крупный ущерб».

В целях единообразного и правильного толкования бланкетно-оценочных терминов, используемых в ст. 176 и 177 УК РФ, целесообразно в рамках Общей части УК РФ сформировать специальную главу, разъясняющую содержание основных терминов, используемых в УК РФ, как это сделано в УК большинства западноевропейских государств, например, в УК Германии и УК Австрии. Это позволило бы в определенной степени преодолеть проблему коллизии уголовного и целого ряда регулятивных отраслей права – гражданского, банковского, финансового, предпринимательского и бюджетного права.

Между тем происходящая объективно трансформация экономических отношений в нашей стране настойчиво требует создания оптимальной модели системы законодательства и правовой политики, в которой воздействие норм одной отрасли права на применение

норм другой отрасли соответствовало бы внутренним свойствам права, закономерностям его реализации и потребностям общества.

Таковы основные меры, направленные на совершенствование действующего уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение преступлений в сфере кредитования.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/21

А.В. Черноусова

Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 73-ФЗ, а также Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 96-ФЗ были внесены существенные изменения в УК РФ и КоАП РФ. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен рядом статей, направленных на охрану археологического наследия, а также кардинально трансформированы преступления, посягающие на культурные ценности.

К числу таких нововведений относится преобразование предмета преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Если в прежней редакции ч. 1 ст. 243 УК РФ предусматривалась ответственность за «уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов и документов, имеющих историческую или культурную ценность», то теперь в диспозиции статьи добавлена такая категория, как «объекты культурного наследия», которые являются тождественными «памятникам истории и культуры»; «предметы и документы, имеющие историческую культурную ценность» заменены «культурными ценностями». В ч. 2 ст. 243 УК РФ в качестве предметов преступления, влекущих более строгую уголовную ответственность, были закреплены «объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), включенные в Список всемирного наследия, историко-культурные заповедники, а также объекты археологического наследия...».

Подверглись изменению также санкции по ст. 243 УК РФ: если ранее за указанное преступление максимальный срок наказания по ч. 1 составлял два года лишения свободы, а в ч. 2 – пять лет лишения свободы, теперь же преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 243 УК

РФ, наказывается сроком до пяти лет, по ч. 2 ст. 243 УК РФ – лишение свободы сроком до шести лет. Вместе с тем следует отметить определенную логическую непоследовательность законодателя в установлении наказуемости деяний, посягающих на культурные ценности. К примеру, хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ) наказывается до 10 лет, а по ч. 2 ст. 164 УК РФ – лишение свободы до 15 лет, в то время, как уже указывалось выше, максимальный срок наказания за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия составляет 6 лет. Представляется, что данный подход к назначению наказания не лишен недостатков ввиду недостаточной оценки степени общественной опасности уничтожения и повреждения объектов культурного наследия, поскольку они полностью или частично утрачивают свою историко-культурную ценность.

Федеральным законом от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ была введена уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Необходимо отметить, что Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 96-ФЗ были внесены изменения и в КоАП РФ. В частности, в ст. 7.14.1 КоАП РФ устанавливается ответственность за «уничтожение и повреждение объектов культурного наследия, в том числе выявленных объектов культурного наследия». Однако ее сопоставление со ст. 243 УК РФ показывает, что законодателью не удалось четко отграничить по объективной стороне это правонарушение от преступления, в котором устанавливается ответственность за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Так как в качестве последствий преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, и правонарушения, предусмотренного ч. ст. 7.14 КоАП РФ.

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ В ЗНАЧИТЕЛЬНОМ (КРУПНОМ ИЛИ ОСОБО КРУПНОМ) РАЗМЕРЕ

DOI 10.17223/9785751123628/22

О.А. Беларева

Вопрос о моменте окончания получения (дачи) взятки однозначен в постановлении пленума Верховного Суда РФ от

09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ – это момент получения должностным лицом хотя бы части взятки. Исходя из этого положения, пленум Верховного Суда РФ в п. 10 названного постановления разъяснил, что получение (дачу) взятки в определенном (значительном, крупном или особо крупном) размере следует признавать оконченным при получении должностным лицом хотя бы части оговоренной суммы.

Опубликованный Проект анализируемого постановления пленума ВС РФ² предлагал два варианта разъяснения рассматриваемого признака. Во втором варианте содержалось уточнение, на которое следует обратить внимание. Приводя пример недоведения умысла в отношении размера незаконного вознаграждения до конца, авторы высказались следующим образом: в частности, когда взятку предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан при передаче ему оставшейся её части, не составляющей значительного, крупного или особо крупного размера, успев уже распорядиться ранее полученными ценностями, получение (дачу) взятки следует квалифицировать как оконченное преступление в соответствующем размере. В предлагаемом примере должностное лицо фактически получило весь размер оговоренной взятки, но задержано при получении части, не составляющей значительного, крупного или особо крупного размера. Умысел взяткополучателя (взятодателя) реализован полностью, в таком случае рекомендованная квалификация взяточничества как оконченного преступления логична, обоснована.

Текст принятого постановления пленума ВС РФ от 09.07.2013 г. № 24 содержит уже другое уточнение, речь в абз. 2 п. 10 идет о получении не второй, а первой части взятки, т.е. значительный, крупный или особо крупный размер взятки фактически не получен должностным лицом.

Не обсуждая обоснованность установления таких квалифицирующих признаков, как получение (дачу) взятки в значительном, крупном или особо крупном размере, и усиления ответственности за их совершение, необходимо отметить следующее: уж если законодатель придает определенному размеру незаконного вознаграждения значение признака, существенно повышающего степень опасности преступления, формулирует его как объективный признак (а не через

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

² Уголовное право. 2013. № 5. С. 6–27.

цель, направленность умысла на получение взятки в определенном размере), то и момент окончания преступления в таком случае следует связывать с проявлением данного признака в совершенном деянии. А именно, с фактическим получением взятки в значительном, крупном или особо крупном размере.

Кроме того, теория квалификации преступлений рекомендует относить ситуации, когда определенный конкретизированный умысел не был реализован в совершенном деянии по причинам, не зависящим от воли виновного лица, к неоконченным преступлениям.

Действительно, пока для квалификации взяточничества размер незаконного вознаграждения не имеет значения (в основном составе), преступление можно считать оконченным в момент получения должностным лицом любой части взятки. Но когда размер приобретает значение квалифицирующего, отягчающего обстоятельства, момент окончания преступления должен определяться иначе. А именно как покушение на получение (дачу) взятки в значительном, крупном или особо крупном размере.

НЕАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХАЛАТНОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/23

М.А. Тыняная

В ч. 1 ст. 293 УК РФ халатность определена как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей. В связи с таким законодательным определением объективной стороны халатности возникает ряд вопросов, в частности, в чем заключается ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей и чем оно отличается от их неисполнения. Уместно напомнить, что термины «ненадлежащее исполнение» и «неисполнение обязанностей» служащим давно известны российскому уголовному праву. Так, в объяснениях Редакционной комиссии к проекту Уголовного уложения под небрежным исполнением служащим обязанностей понималось как бездействие служащего, так и «небрежная деятельность». К небрежному исполнению обязанностей были отнесены: запущение делопроизводства, расстройство вверенной части,

слабый надзор за подчиненными¹. В советском уголовном законодательстве под ненадлежащим исполнением авторы понимали плохое, несвоевременное, неправильное, неточное выполнение обязанностей, выполнение должностных обязанностей не в полном объеме, небрежно, нерадиво²; преступное действие виновного, выражающееся в недобросовестной, плохой работе³. В науке уголовного права в наше время суждения авторов при определении термина «ненадлежащее исполнение обязанностей» мало чем отличаются от высказанных ранее. Ненадлежащее исполнение обязанностей определяется как их неполное, некачественное, или несвоевременное выполнение⁴. При этом большая часть авторов сходится в суждении, что как в случае неисполнения, так и в случае ненадлежащего исполнения должностным лицом лежащих на нем обязанностей, субъект не выполняет определенные предписания нормативно-правовых актов, где они закреплены. Разницу между неисполнением и ненадлежащим исполнением некоторые авторы видят лишь в «степени неисполнения обязанности»⁵. В каждом ненадлежащем исполнении обязанностей ключевым является неисполнение какой-то их части⁶.

Надо сказать, что термины «неисполнение» и «ненадлежащее исполнение» обязанностей нередко используются в российском законодательстве. В частности, при описании требований, предъявляемых к поведению государственного служащего⁷. Наиболее детально понятие термина «ненадлежащее исполнение» дано, полагаем, в гражданском праве. Так, в ст. 309 ГК РФ сказано, что обязательства должны исполняться *надлежащим образом* в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов. Нарушение обязательства может выразиться в *неисполнении обязательства* или *ненадлежащем его исполнении*. В первом случае дол-

---

¹ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. VIII. гл. 35. С. 109, 600–605.

² Кириченко В. Должностная халатность // Советская юстиция. 1973. № 21. С. 20.

³ Советское уголовное право: учеб. для высших учебных заведений / под ред. П.П. Михайленко. Киев, 1968. С. 409.

⁴ Российское уголовное право. Часть Особенная. Т. 2 / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рапога. М., 2013. С. 552.

⁵ Минакова И.Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 84–85.

⁶ Яни П.С. Совершение должностных преступлений в нерабочее время // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 25.

⁷ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. 2 авг. Ст. 3215.

жник не делает ничего из того, что должен был сделать. При ненадлежащем исполнении должник совершает некие действия, направленные на исполнение обязательства, но при этом нарушает отдельные условия обязательства (допускает просрочку, передает товары ненадлежащего качества, некачественно выполняет работы или оказывает услуги и т.д.)¹.

Ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей есть, полагаем, совершение должностным лицом действий по службе вопреки требованиям нормативно-правовых актов, где закреплены обязанности этого должностного лица, т.е. как при неисполнении, так и ненадлежащем исполнении должностное лицо нарушает, *не исполняет* свои обязанности. Однако не стоит делать вывод, что должностное лицо в этом случае совершает халатность путем действия. При уголовно-правовой оценке поведения должностного лица не имеет значения, что оно совершило определенные действия по службе, для квалификации важно, что оно не совершило действий, которые должно было совершить. *Обязанность* должностного лица не может быть исполнена частично, частично исполненная обязанность есть не исполненная обязанность.

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

DOI 10.17223/9785751123628/24

П.С. Данилов

Одним из важных вопросов при изучении преступлений против военной службы является их понятие. При этом возможным способом исследования является сравнительно-правовой метод, который позволяет проанализировать источники уголовного права зарубежных государств и предложить возможные варианты развития отечественного уголовного законодательства.

В ч. 1 ст. 331 УК РФ определено понятие преступлений против военной службы через такие признаки состава, как объект и субъект.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий: в 3 т. Т. I: комментарий к части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. С. 965–966.

В странах романо-германской правовой семьи понятие и виды преступлений против военной службы даны либо в УК (Болгария, Латвия, Польша, Сербия, Чехия и т.д.), либо в специальном законе (Албания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Франция и т.д.), ограничивающем действие УК. В Италии действуют даже два специальных акта: Военно-уголовный кодекс военного времени и Военно-уголовный кодекс мирного времени.

Законодательство данных стран закрепляет понятие воинских преступлений (Албания, Болгария, Германия, Испания, Италия, Франция, Чехия); преступлений против боевой готовности Вооруженных Сил (Румыния); преступлений против Армии (Сербия); преступлений, совершаемых на военной службе (Латвия), или же преступлений, наказуемых специальным нормативным актом (Нидерланды, Республика Корея). Но вышеуказанные термины на уровне закона раскрываются только в нескольких странах и, как правило, через признак объекта либо объекта и субъекта.

Также нужно отметить, что в некоторых государствах (Албания, Сербия, Франция, Испания, Италия) уголовные кодексы и специальные законы закрепляют в отдельной норме полные перечни всех субъектов преступлений, включая в них не только военнослужащих, но и лиц, обучающихся в военных учебных заведениях, гражданский персонал военных организаций или иных.

В государствах англо-американской правовой семьи действуют специальные нормативные акты, существенно ограничивающие действие УК и закрепляющие понятие служебных преступлений (Австралия, Канада) или преступлений против акта (Великобритания, Индия, Новая Зеландия, США). Но законы либо не раскрывают понятий, либо фиксируют, что соответствующее преступление есть преступление, предусмотренное и наказуемое законом. Зато специальные акты закрепляют нормы, содержащие обширные перечни лиц, являющихся субъектами преступлений. В этом заключается специфика правового регулирования преступлений против военной службы в данной правовой семье, где акцент делается не на объекте посягательства, а на его субъекте. Особенно это проявляется в Великобритании, Новой Зеландии и США, где существует аналогия права и закона в военном уголовном праве.

Таким образом, можно отметить, что кроме преступлений против военной службы существует множество иных смежных понятий. Также можно выделить две концепции законодательного определе-

ния рассматриваемых преступлений: объектно-субъектную и субъектно-объектную.

Положительным моментом является закрепление в УК РФ понятия преступления против военной службы путем его определения. Но есть и отрицательная сторона, а именно, ограничительная детализация субъектов преступления против военной службы в сравнении с другими странами, где уголовные законы либо сами содержат обширные нормы о субъекте, либо отсылают к общему военному законодательству. В доктрине уголовного права отмечается, что курсанты хоть и имеют статус военнослужащих по ст. 2 ФЗ РФ «О статусе военнослужащих», но на практике не признаются субъектами преступлений против военной службы. Таким образом, можно из ч. 1 ст. 331 УК РФ исключить слова «проходящими военную службу по призыву либо по контракту», что позволит признавать субъектами преступлений против военной службы в РФ всех лиц, имеющих статус военнослужащего.

КРИМИНОГЕННЫЕ КАТЕГОРИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ

DOI 10.17223/9785751123628/25

Н.В. Ольховик

Уголовное наказание в виде ограничения свободы действует на территории Российской Федерации уже более пяти лет, поэтому имеются все основания выявить наиболее криминогенную категорию осужденных. Настоящая работа направлена на решение этой задачи применительно к несовершеннолетним, осужденным к ограничению свободы.

По данным нашего исследования, в период отбывания ограничения свободы большая часть несовершеннолетних совершали по два преступления. Структуру их рецидивной преступности¹ образуют преступления против собственности: неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (35 %), кража (30 %), простой грабеж (15 %). По 5 % приходится на

---

¹ Как известно, в соответствии со ст. 18 УК РФ судимости за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, не образуют уголовно-правового рецидива, однако задача этой работы – показать криминологический рецидив этой категории несовершеннолетних.

преступления против личности, среди которых преобладает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, и преступления против здоровья населения. Удельный вес всех остальных преступлений в структуре преступности осужденных к ограничению свободы не превышает 1 %. Каждое третье совершенное несовершеннолетним преступление произошло в течение первых трех месяцев отбывания наказания.

Для выявления наиболее криминогенной категории несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы, с точки зрения их предшествующей (первичной) преступной деятельности, небезынтесным является сравнение структуры преступности общей массы несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы, с первичной преступностью рецидивистов. В структуре первичной преступности рецидивистов, по сравнению с общей массой, кратно возрастают неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (60 % против 25,4 % в общей массе), квалифицированное умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (5 % против 0,4 %), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (5 % против 0,3 %). Наряду с этим уменьшился удельный вес краж (10 % против 19 %), грабежей (5 % против 11,2 %) и умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (5 % против 14,9 % в общей массе). Примерно такой же удельный вес имеют вымогательства (около 4% против 4,5 %) и преступления против здоровья населения (6 % против 7,3 %). Учитывая это, количество несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления среди рецидивистов, возрастает до 18,75 % против 5,3 % в общей массе.

Если к этому добавить, что число ранее судимых в группе рецидивистов более чем в три раза превышает аналогичный показатель в общей массе осужденных к ограничению свободы (62,5 % против 20 % в общей массе), то наибольшая степень вероятности совершения нового преступления приходится на ранее судимых несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, квалифицированное умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Если к этому добавить, что в период исполнения данного наказания 62,5 % рецидивистов не работали и не учились, при этом прак-

тически каждый из них прекратил работать или учиться после вступления обвинительного приговора суда в законную силу, а уголовно-исполнительная инспекция, получив такую информацию, информировала об этом соответствующую комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, то не приходится сомневаться в том, что профилактическая работа в органах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних далека от совершенства, поскольку единственной реакцией комиссии по делам несовершеннолетних было привлечение родителя такого несовершеннолетнего к административной ответственности.

О МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

DOI 10.17223/9785751123628/26

В.Г. Громов

В философском понимании свобода – это возможность поступать так, как хочется. Свобода – это свобода воли. Воля по своей сущности всегда свободная воля. Будучи не ограниченной по своей сущности, свобода как раз должна предполагать этику, чтобы сделать людей неограниченно ответственными за все то, что они делают и позволяют делать другим. Иными словами, это возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества.

Уголовным законом в качестве одного из самых строгих видов наказаний предусматривается наказание в виде лишения свободы.

Статья 56 УК РФ определяет, что лишение свободы – это изоляция осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму.

Арест по своей сути – тоже лишение свободы. Он заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества (ст. 54 УК РФ). В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 69 УИК РФ на осужденных распространяются условия содержания, установленные для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в условиях общего режима в тюрьме.

А колонии-поселения по существу – только ограничение свободы, так как в них, согласно ст. 129 УИК РФ, осужденные содержатся без охраны, а только под надзором администрации, имеют право свободно передвигаться в пределах колонии, носить одежду гражданского образца, иметь при себе наличные деньги и ценные вещи, иметь свидания без ограничения их количества.

Статья 73 УИК РФ называется «Места отбывания лишения свободы». К таким местам де-юре отнесены колонии-поселения, таковыми фактически не являющиеся, и наоборот, не отнесены арестные дома, в которых осужденные должны содержаться в тюремных условиях. Однако законодатель по-прежнему продолжает употреблять выражение «места лишения свободы». Так, например, только такая терминология употребляется в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Поэтому, на наш взгляд, арестные дома, в силу того, что сущность отбываемого в них наказания осужденными – строгая изоляция от общества, следует отнести к местам отбывания наказания в виде лишения свободы, внося соответствующие изменения в законодательство.

Напротив, колонии-поселения, не осуществляющие вооруженную охрану осужденных, не обеспечивающие необходимую степень изоляции осужденных от общества, следует исключить из перечня мест отбывания наказания в виде лишения свободы. Наказание, отбываемое осужденными в колониях-поселениях, предлагается считать самостоятельным видом наказания, альтернативным лишению свободы. Представляется, что по аналогии с «содержанием в дисциплинарной воинской части» можно назвать этот вид наказания «содержанием в закрытом поселении», с внесением соответствующих изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

По нашему мнению, целесообразно унифицировать выражение, вложив в него однозначное понимание – «места отбывания наказания в виде лишения свободы»; от выражений «места лишения свободы» и «места отбывания лишения свободы», которые могут пониматься неоднозначно, по крайней мере на законодательном уровне, следует отказаться.

РЕЖИМ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: МЕЖДУ КАРОЙ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ

DOI 10.17223/9785751123628/27

В.А. Уткин

Отечественной науке уголовного и уголовно-исполнительного права традиционно свойственно воззрение на лишение свободы с позиции его количественной (срок) и качественной (режим) сторон. С этих позиций режим как порядок исполнения и отбывания лишения свободы, помимо прочего, включает в себя ряд существенных элементов, выражающих степень и качество изоляции (количество свиданий, посылок, передач, разрешенных осужденным для расходования сумм денег и т.п.).

Поскольку режим – качество лишения свободы (одна из важнейших составляющих этого наказания), вполне понятны и закономерны сложившиеся в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве и практике их применения подходы к основаниям и порядку его законодательного закрепления и определения. Это градация учреждений по степени строгости режима, детальное отражение всех (во всяком случае карательных) элементов режима в законе, назначение вида режима судом в приговоре прежде всего в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления (хотя и с учетом личности), изменение вида режима в рамках «прогрессивной системы» отбывания наказания также исключительно в судебном порядке.

В отличие от российской западная система обращения с осужденными, отраженная в международных актах, зиждится на ином подходе к режиму, когда считается, что лишение свободы должно лишать человека только свободы, а режим не должен «усугублять страдания», связанные с фактом изоляции. Тем не менее налицо градация видов режима по строгости ограничений. Зарубежная тюремная практика, порой демонстрирует такие ограничения, по сравнению с которыми блекнут самые строгие виды режима в российских учреждениях (например, режимы «супермакс» в ряде тюрем США).

Принципиальная (а не количественная) разница между российской и западной системой содержания заключенных – в самом подходе к сущности и функциям режима. Строгость последнего в западной системе обращения никоим образом не связана с содержанием

(и тем более с сущностью) наказания, а вытекает всецело из потребностей безопасности. Отсюда такие черты режима, как отсутствие детализации его элементов в законе, внесудебный порядок его установления и изменения (при судебном контроле), наконец, определяющими критериями строгости режима выступают личность осужденного и динамика ее изменения в процессе отбывания наказания.

Как видно, различие между «режимом-карой» и «режимом-безопасностью» принципиально, и изменение существующих на постсоветском пространстве парадигм при всем желании не может осуществляться в русле терминологических реформ (например, путем формального переименования видов режима и связанных с этим видов учреждений). Известно, что первым по такому пути пошел Уголовно-исполнительный кодекс Украины 2001 г., заменив виды режима исправительных учреждений. В числе последних колонии «минимального, среднего и максимального уровней безопасности» (ст. 18). Эти названия соответствуют ранее существовавшим колониям-поселениям, колониям общего, строгого и особо строгого режимов.

Вид колонии определяется не судом, а Государственным департаментом по вопросам исполнения наказаний (ст. 86). Но основания определения режима и его элементы остались прежними, в силу чего реформа (которая, по замыслу ее авторов, должна была приблизить систему к западному образцу) оказалась формальной. Это подтвердилось практикой интеграции в 2014 г. учреждений Республики Крым в российскую УИС, которое с этой стороны практически прошло вполне беспрепятственно.

Тем не менее подобный путь оказался привлекателен и для законодателя Республики Казахстан. В принятом в 2015 г. УИК РК исправительные учреждения также формально разделяются не по строгости режима, а по «степени безопасности», хотя в УК они именуется по-прежнему. К примеру, согласно ст. 89 УИК РК колонии-поселения именуется учреждениями минимальной безопасности¹, учреждения общего режима – средней безопасности, строгого режима – максимальной безопасности, особого – чрезвычайной безопасности, тюрьмы – полной безопасности. Вместе с тем и УК, и УИК РК сохраняют все те указанные выше подходы к режиму и его наз-

---

¹ Что само по себе нелогично: ведь если в учреждении «минимальная безопасность», то значит в нем налицо «максимальная опасность».

начению, которые составляют основу его традиционного понимания и применения.

Возможно, и перед российским законодателем рано или поздно встанет дилемма между «режимом-карой» и «режимом-безопасностью». Однако, как ясно из изложенного, «косметические реформы» здесь явно неэффективны.

ОБ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ НОВОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА КАЗАХСТАНА

DOI 10.17223/9785751123628/28

А.Б. Скаков

В соответствии с Концепцией правовой политики в 2013 г. в Республике Казахстан проводилась работа по подготовке ряда законопроектов, к числу которых относится проект нового Уголовно-исполнительного кодекса. 6 июля 2014 г. новый Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан был принят и утвержден Указом президента страны.

Говоря о содержании Уголовно-исполнительного кодекса, следует отметить следующие новеллы, внесенные в уголовно-исполнительное законодательство. Во-первых, на должный уровень был поднят вопрос о правовом положении осужденных, обеспечении их личной безопасности в процессе отбывания наказания, законодательно закреплена как один из способов контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений и органов – их право на обращение. Все эти положения содержатся в отдельной гл. 3 «Правовое положение осужденных».

Кроме того, сформулированы и внесены в закон в виде отдельной главы компетенции государственных органов, участвующих в процессе исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия. Так, в гл. 4 Уголовно-исполнительного кодекса закреплены функции правительства, уполномоченного органа в сфере уголовно-исполнительной деятельности, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также местных исполнительных органов. Такое решение проблемы разграничения прав и обязанностей участников карательно-воспитательного процесса с осужденными, на наш взгляд, значительно повысит эффективность их деятельности.

Во-вторых, на основе положений кодекса создается новый орган, служба пробации, в системе исполнения наказаний, деятельность которого будет направлена на обеспечение социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере действия уголовного правосудия. В настоящее время учреждение с аналогичным названием «служба пробации» существует, однако его роль в воспитательном процессе, проводимого с осужденными, и правовой статус не соответствуют тем положениям, которые содержатся в новом кодексе. Это не удивительно. Если в действующем уголовно-исполнительном законодательстве служба пробации представляет собой составную часть в уголовно-исполнительной инспекции – органе пенитенциарной системы, то в новом кодексе уже инспекция вошла в состав службы пробации. Данное решение логично и обосновано, так как функции, исполняемые службой пробации, гораздо шире функций уголовно-исполнительной инспекции. Более того, из опыта деятельности службы пробации зарубежных стран (например, Великобритании) видно, что в службе пробации работают педагоги, воспитатель, медики, социальные работники и т.д., что свидетельствует о разносторонней деятельности службы пробации в процессе адаптации и реабилитации правонарушителей на всех стадиях уголовного судопроизводства – досудебной, пенитенциарной и постпенитенциарной стадии.

Учитывая данные обстоятельства в гл. 5 Кодекса регламентируются правовой статус службы пробации, реализация его функций путем пробационного контроля, особенности его осуществления в отношении отдельных категорий осужденных (несовершеннолетних), последствия несоблюдения условий пробационного контроля и другие положения.

Внесены существенные изменения в пенитенциарную систему. Необходимость преобразования структуры уголовно-исполнительной системы существовала с момента получения нашей страной независимости. В течение более 20 лет проводились различные мероприятия по её реформированию. Однако до настоящего времени не решен важнейший государственный вопрос – сокращение «тюремного населения». С 1991 по 2014 г. по численности тюремного населения Казахстан переместился на 3-е место в мире. По индексу с 397 в 1991 г. на 295 человек на 100000 населения в 2014 г. Сокращения численности лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, удалось добиться в основном механическим способом – путем неод-

нократного применения акта амнистии в отношении определенных категорий осужденных. Иными словами, численность спецконтингента сократилась не путем кардинальных изменений в уголовной политике страны в сторону её гуманизации в целом, а практически только в результате применения одного из видов освобождения от отбывания наказания – амнистии. Действительно, по статистическим данным, полученным в Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, наиболее часто применяемым судом видом уголовного наказания является лишение свободы. В 2013 г. оно достигло 41 % от общего числа. Если к ним добавить следственно-арестованных, содержащихся в следственных изоляторах, доля лиц, изолированных от общества, достигает 75,9 %. При этом к штрафу осуждались 5 %, к исправительным работам (в России – принудительным работам. – А.С.) – 0,4 %.

Здесь следует также сказать о значительных структурных изменениях в составе спецконтингента. Численность лиц, осужденных на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, достигла 85 % от общего числа лиц, лишенных свободы. При этом 80 % осужденных в возрасте от 18 до 35 лет.

Вышеизложенное побудило разработчиков кодекса внести ряд существенных изменений в структуру уголовно-исполнительной системы. В первую очередь, разработчики отказались от названий исправительных учреждений, объясняя это тем, что в новой уголовно-исполнительной политике изменились её цели. Теперь во главу угла встала задача обеспечения безопасности в процессе отбывания наказания. Учитывая данное обстоятельство, названия были заменены в зависимости от степени безопасности следующим образом: название колонии-поселения заменено на учреждение минимальной безопасности; название колонии общего режима – на учреждение средней безопасности; название колонии строгого режима – на учреждение максимальной безопасности; название колонии особого режима – на учреждение чрезвычайной безопасности; название тюрьмы – на учреждение полной безопасности.

Кроме того, в новом кодексе решена ещё одна важная проблема – совершенствование механизма исполнения прогрессивной системы отбывания наказаний (в первую очередь лишения свободы) и её ширококомасштабное применение в процессе исполнения решений суда.

В условиях прогрессивной системы, как способа организации процесса отбывания любого вида уголовного наказания, при котором правовой статус осужденного в зависимости от его поведения меняется либо в сторону расширения объема предусмотренных прав, либо в сторону их ограничения, очень важное значение имеет определение степени исправления осужденного. Необходимо учесть, что степень исправления осужденного является оценочным понятием, не поддающимся жесткому определению и регламентации. В действующем законодательстве существуют слишком общие формулировки, характеризующие осужденных, не раскрывая содержания достигнутой ими степени исправления, допускают применение различных поощрительных мер к лицам, чье поведение может быть оценено одинаково. В результате этого, а также в связи с существующей конкуренцией поощрительных норм правоприменитель лишается возможности четко классифицировать осужденных и применить к ним конкретные льготы.

Изменить сложившуюся ситуацию может включение в законодательство более дробной классификации как положительно, так и отрицательно характеризующихся осужденных. В новом кодексе разработчики предусмотрели данное положение. Так, положительно характеризующиеся осужденные разделены на **три** группы (первая степень исправления, вторая степень исправления, третья степень исправления), отрицательно характеризующиеся – тоже на **три** группы (нарушитель установленного порядка отбывания наказания; лица, систематически нарушающие установленный порядок отбывания наказания; злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания). При этом за каждой классификационной группой будет закреплена возможность конкретным способом изменить свое правовое положение: например, первая степень – обычные условия содержания; вторая степень – облегченные условия; третья степень – льготные условия. Таким образом, мы получаем практическую значимость дифференциации условий содержания в зависимости от степени исправления осужденных.

Аналогичные изменения в уголовно-исполнительном законодательстве осуществлены и в отношении несовершеннолетних осужденных и осужденных женского пола.

В новом кодексе регламентируется участие общественности в карательно-воспитательном процессе, проводимом с осужденными. В частности, в гл. 8 «Общественная наблюдательная комиссия» за-

креплены основы деятельности общественной наблюдательной комиссии, правовой статус её членов, формы деятельности общественной наблюдательной комиссии и т.д. Это свидетельствует о развитии гражданского общества в нашей стране, его способности решать сложные социальные проблемы.

Новым в уголовно-исполнительном законодательстве является и правовая регламентация национального превентивного механизма, путем имплементации международных договоров, ратифицированных нашим государством. Глава 9 «Национальный превентивный механизм» полностью посвящена решению данной проблемы.

ТРУД ОСУЖДЕННЫХ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

DOI 10.17223/9785751123628/29

С.В. Чубраков

Центральным вопросом проблемы нормативно-правового регулирования отношений, возникающих при выполнении работ осужденными, является вопрос о том, нормами какого права, в каком объеме и как – прямо либо subsidiarily – должен регламентироваться труд осужденных. Этот общий вопрос формируется из множества частных и конкретных, например: применимы ли правила трудового законодательства о приеме на работу и об увольнении к осужденным к обязательным и исправительным работам, а также к осужденным к лишению свободы при оплачиваемом труде; есть ли необходимость в разной регламентации труда осужденных к исправительным работам по основному месту работы и в иных местах; какой объем трудовых прав есть у осужденных (в части охраны труда, санитарии и гигиены, прав на повышение квалификации, на управление организацией и т.п.); можно ли привлекать осужденных к дисциплинарной ответственности и т.д.

Проблема нормативно-правового регулирования отношений, возникающих в этой сфере, имея долгую историю в юридической науке, остается дискуссионной и поныне. В исследованиях предыдущих лет решение ее почти всегда связывалось с установлением природы таких отношений (трудовой, уголовно-исполнительной, смешанной и пр.). Большинство современных авторов предприни-

мают попытки детального анализа конкретных ситуаций (например, при увольнении исправработников при отбытии ими назначенного наказания, при определении у них объема прав на управление организацией и т.п.) без изначально оговоренного методологического подхода в целом к регулированию труда всех осужденных. Однако этот путь не позволяет убедительно ответить на вопрос – почему так, а не иначе должна быть решена та или иная частная проблема. Поэтому общий алгоритм в любом случае необходим.

Один из наиболее распространенных вариантов построения такого алгоритма (методологического подхода), как отмечалось, основан на выявлении природы отношений, возникающих при привлечении осужденных к труду. В самом схематичном виде его можно представить как последовательность следующих действий: во-первых, установление общих типичных признаков весьма разнородных отношений при выполнении работ осужденными и, во-вторых, последующее сопоставление их, как минимум, с признаками трудовых и признаками уголовно-исполнительных отношений. Подобное соотнесение признаков и позволит определиться с природой интересующих отношений (трудовой, уголовно-исполнительной или иной), указав на то, какое законодательство должно быть прямо применимым.

Однако осуществление этого казалось бы простого алгоритма сопряжено с целым рядом объективных трудностей. Прежде всего, реальную сложность представляет объединение всех отношений в области труда осужденных в силу наличия очевидных отличий внутри них. Непростым является и установление общих признаков как трудовых, так и уголовно-исполнительных отношений. Не случайно по этому вопросу имеется несколько точек зрения, принципиально отличающихся друг от друга. Все это делает проблематичной саму возможность достижения единого и общепризнанного представления о природе отношений, возникающих при выполнении работ осужденными.

Рассматриваемая модель алгоритма имеет свои «минусы», но не существует иного варианта методологического обоснования того или иного подхода к нормативному регулированию труда осужденных. Видимо, эта проблема в теоретическом аспекте скорее всего не будет окончательно разрешена. Возникает резонный вопрос: можно ли при такой теоретической разносторонности найти практический разумный выход, сочетающий в той или иной степени основные точки зрения?

Представляется, что это возможно. Для этого нужно, например, оставить в стороне теоретические дебаты, а также существующую нормативную регламентацию и взять за постулат ряд очевидных тезисов. К числу последних можно отнести необходимость применения трудового законодательства к такого рода отношениям и наличие многочисленных особенностей при выполнении работ осужденными, которые не позволяют применять трудовое законодательство в полном объеме либо требуют иной регламентации, по сравнению с той, которая имеется в нем. При таких исходных данных останется решить простой практический вопрос: как с точки зрения юридической техники закрепить эти вещи. На первый взгляд кажется, что нельзя обойтись без теоретической проработки указанной ранее проблемы – уголовно-исполнительной, трудовой либо иной природы этих отношений, поскольку она будет влиять на прямое или субсидиарное применение трудового законодательства и сковывать в этой части способы такого регулирования. Но это только на первый взгляд, так как избежать явного указания на ту или иную позицию можно. Например, это может быть сделано двояко. Во-первых, путем фиксации в УИК РФ общего правила о применении трудового законодательства к отношениям по выполнению работ осужденными с теми исключениями, которые обозначены в УИК РФ для каждого вида наказания, соединяемого с трудом. Во-вторых, путем фиксации в УИК РФ общего правила о запрете применения трудового законодательства к отношениям по выполнению работ осужденными по общему правилу и его применении лишь при прямой отсылке к нему уголовно-исполнительного в соответствующих ситуациях. Такие варианты будут вписываться в общий подход ст. 10 УИК РФ о возможности ограничения применения общеотраслевого законодательства и не будут прямо указывать на ту или иную позицию законодателя по природе отношений при выполнении работ осужденными.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ОСУЖДЕННЫЙ И ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/30

М.А. Сутурин

Преступления несовершеннолетних традиционно вызывают интерес с точки зрения как криминологической и уголовно-правовой

доктрины, так и с позиций анализа правоприменительной практики. Подобная ситуация вполне объективна, поскольку именно преступное и правонарушающее поведение подростков без должных и эффективных способов противодействия в дальнейшем оказывает существенное влияние на криминогенную ситуацию в обществе посредством перерастания во взрослую и нередко – рецидивную преступность. Подобная трактовка позволяет позиционировать преступное поведение несовершеннолетних как одну из форм социальной патологии.

В связи с вышесказанным не теряют актуальности вопросы уголовно-правового противодействия преступности несовершеннолетних. Квинтэссенцией выраженности уголовной репрессии в данном случае выступает осуждение со стороны государства подростка, совершившего преступление. Судебная практика свидетельствует, что в преобладающей части правоприменителем назначаются и исполняются наказания, не связанные с лишением свободы или лишением свободы условно. Отсюда вполне закономерно возникает вопрос, насколько вообще достижимы с позиций недопущения совершения рецидивных (с точки зрения фактического рецидива) преступлений подростками формально закрепленные цели любого уголовного наказания (не важно, реально или условно оно назначено)?

Анализ результатов криминологических исследований, практики исполнения (отбывания) применяемых в отношении несовершеннолетних видов уголовного наказания позволяет прийти к выводу лишь о частичном достижении целей уголовного наказания. Это, по нашему мнению, выражено в следующем. Несомненно, что на формальном уровне достигается цель восстановления социальной справедливости. То есть, признавая несовершеннолетнего преступником и назначая ему уголовное наказание, суд тем самым фиксирует достаточную степень возмездия со стороны государства и общества за совершенное. Говоря об иных целях наказания, отметим следующее. Во-первых, цель исправления (в том числе, исходя из понятия «исправления», закрепленного в Уголовно-исполнительном кодексе РФ) в том формате назначенных и исполняемых в преобладающей части видов уголовного наказания в отношении подростков, по нашему мнению, априори недостижима. Во-вторых, возможность (и реальность) достижения целей общего и частного предупреждения совершения новых преступлений также вызывает обоснованные сомнения. В обоснование этой позиции можно привести результаты мно-

гочисленных исследований отечественных исследователей в области преступности несовершеннолетних. Справедливости ради необходимо отметить, что здесь речь идет исключительно о наказаниях, не связанных с лишением свободы и лишением свободы условно. В определенной степени можно признать, что на сегодняшний день только один вид наказания в отношении несовершеннолетних – реальное лишение свободы – способен в большей степени достигнуть целей наказания, поскольку именно в условиях режимного учреждения с подростком осуществляется непосредственная и реальная работа, которая практически сведена к «нулю» (на содержательном, а не формальном уровне!) при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы или лишением свободы условно.

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПРАКТИКА И ЕЕ ОБЪЕКТЫ
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРАВУ**
DOI 10.17223/9785751123628/31

Б.П. Морозов

В последние годы среди ученых-юристов, социологов и лингвистов значительно возрос интерес к интерпретации правовых явлений. И это вполне закономерно и объяснимо в силу того, что происходит увеличение и усложнение тех общественных отношений, которые регулируются правом. Сегодня вполне очевидно, что любой юридический процесс невозможен без его интерпретации.

Интерпретация (от лат. *Interpretation* – разъяснение, истолкование) имеет несколько значений: 1) методологическое – интерпретация выступает как совокупность значений (смыслов), придаваемых так или иначе элементам (выражениям, формулам, символам) какой-либо естественнонаучной или абстрактно-дедуктивной теории [4]; 2) в гуманитарном знании понятие «интерпретация» употребляется в значении, близком к понятию понимания, в котором отражается специфика гуманитарного и культурологического познания, направленного на постижение (расшифровку, декодирование) смысла, воплощенного в различных текстах [3]; 3) в философской герменевтике (Э. Бетти, Х. Гадамер) проблематика интерпретации выходит за рамки постижения смыслов текстов, оказываясь связанной с познанием бытия человека в мире [2].

Интерпретационная практика применительно к уголовно-исполнительному праву – это деятельность компетентных субъектов по уяснению и юридическому разъяснению соответствующих объектов (предметов) и накопленный опыт (социально-правовая память), которые обеспечивают ясность и четкость, максимальную определенность и доступность разнообразных правовых явлений, процессов и состояний (отдельных их частей, сторон и элементов) в процессе возникновения, изменения или прекращения уголовно-исполнительных и связанных с ними отношений.

В российской (советской) юридической науке в качестве объектов интерпретационной практики традиционно рассматриваются нормы права и/или нормативные правовые акты, а также договоры (нормативные и индивидуальные). Однако интерпретатор не ограничен только указанными выше объектами. Применительно к уголовно-исполнительному праву ими могут быть любые правовые явления (например, судебные решения и административные акты органов и должностных лиц уголовно-исполнительной системы – действия, документы и т.п.), состояния (злость, противоправность, опьянение и т.п.) и процессы (изменение условий отбывания наказания, социальная адаптация и др.) и т.п.) [1].

Плюралистический подход к пониманию объектов интерпретационной практики в уголовно-исполнительном праве позволяет учитывать взаимосвязи естественного и позитивного права, существенно расширить понятие объекта, раскрыть его место и роль в разнообразных видах интерпретационных технологий применительно к уголовно-исполнительному праву.

Все объекты интерпретационной практики применительно к уголовно-исполнительному праву могут быть разделены на большие группы: 1) нормативные правовые акты (УИК РФ, Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21.07.1993 № 5473-1 и др.) их проекты; 2) правоприменительные акты (например, судебные решения и др.); 3) нормативно-правовые договоры (например, «Договор между Российской Федерацией и Республикой Колумбией о взаимной правовой помощи по уголовным делам» и т.п.); 4) индивидуальные правовые договоры и иные индивидуальные акты (например, договор о негласном сотрудничестве и др.); 5) акты толкования; 6) нормы-принципы права; 7) правовые отношения; 8) права и обязанности; 9) понятия и их легальные и доктринальные дефиниции; 10) нормативно-

правовые рисунки; 11) юридические конструкции; 12) презумпции в праве; 13) юридические идеи как элементы государственной уголовно-исполнительной политики и доктрины; 14) практические действия и операции субъектов юридической практики (уполномоченные органы и должностные лица УИС, прокуроры, судьи и др.); 15) компоненты социально-психологического механизма юридической деятельности (цели-задачи, правовые установки и т.п.); 16) фрагменты социально-правовой ситуации (например, массовые беспорядки и дезорганизация деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания), юридические факты (например, захват заложника), доказательства (основания помещения в ШИЗО-ПКТ) и т.п.).

Объекты, в свою очередь, подразделяются на отдельные предметы. Например, в нормах уголовно-исполнительного права толкуются гипотеза, диспозиция, санкция; в субъективных правах (например, осужденных) – отдельные правомочия.

Литература

1. *Вольфовская Я.С.* Объекты юридического толкования (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук; специальность 12.00.01 / Я.С. Фольфовская. Владимир: Владимирский юрид. институт ФСИН России, 2007. С. 16–17.
2. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций / П. Рикер. М.: Академический проспект, 2008. С. 51.
3. *Соболева А.К.* Риторическая герменевтика и интерпретация текста закона / А.К. Соболева // Риторика. 1997. № 1(4). С. 112.
4. *Сорокина Ю.В.* Юридическая конструкция как результат правовой интерпретации / Ю.В. Сорокина, Н.В. Малиновская // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 721–726 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-konstruksiya-kak-rezultat-pravovoy-interpretatsii> (дата обращения: 28.01.2015).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

DOI 10.17223/9785751123628/32

Т.Г. Антонов

В юридической науке выделяется значительное количество видов ответственности. При этом существуют устоявшиеся ее виды, такие, например, как уголовная ответственность, материальная и дисциплинарная ответственность в трудовом праве, административная ответственность и др. В то же время об иных видах ответствен-

ности говорят лишь эпизодически, при этом подробно не анализируя их признаки. К таковым относится и уголовно-исполнительная ответственность. О ней упоминается в юридической литературе и научных исследованиях, однако подробно признаки понятия «уголовно-исполнительная ответственность» не раскрываются.

В юридической науке детально разработана категория «уголовная ответственность», однако сегодня стало возможным более определенно говорить и об уголовно-исполнительной ответственности, в качестве самостоятельного вида юридической ответственности. Впоследствии, разрабатывая специфическое понятие уголовно-исполнительной ответственности, следует учитывать и заимствовать некоторые подходы, касающиеся ответственности уголовной.

Уголовно-исполнительная ответственность реализуется в рамках уголовно-исполнительного правоотношения, в то же время она очень близко связана с уголовным правоотношением. В этой связи необходимо более четкое их разграничение.

Ныне все негативные изменения правового положения осужденного, связанные с его противоправным поведением, принято считать ответственностью. Однако такой подход не дает ответа на вопрос, каким конкретно видом ответственности она является.

В связи с изложенным все возможные негативные последствия для осужденного, нарушившего порядок и условия отбывания наказания, целесообразно разделить на группы. Первая – меры взыскания, применяемые к осужденному. Вторая – меры, изменяющие правовое положение осужденного в худшую сторону, без изменения вида уголовного наказания или иной меры уголовно-правового характера. Третья – меры, изменяющие правовое положение осужденного в худшую сторону, изменяя уголовное наказание или иную меру уголовно-правового характера.

Первая группа и представляет собой уголовно-исполнительную ответственность в узком смысле. Отсюда в самом общем виде уголовно-исполнительную ответственность можно определить как негативную оценку поведения осужденного, допустившего нарушение порядка и условий отбывания наказания или иной меры уголовно-правового характера, со стороны государства в лице учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание или иную меру уголовно-правового характера, которая порождает негативные последствия для осужденного в виде применения к нему взыскания и которая закрепляется в конкретном правоприменительном акте. Однако

применение мер уголовно-исполнительной ответственности не затрагивает непосредственно уголовно-правового отношения и не изменяют порядок реализации уголовной ответственности.

Правовая природа мер, входящих во вторую и третью группы, однозначно не определена. Ясно, что мерами уголовно-исполнительной ответственности в узком смысле они не являются. Поэтому необходимо либо расширять понятие уголовно-исполнительной ответственности и включать в него указанные меры (но тогда следует ставить вопрос, что эти меры следует предусматривать в УИК РФ, а не в УК РФ), либо ставить четкие границы и определять соотношение мер уголовно-исполнительной ответственности и мер, изменяющих ответственность уголовную.

О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

DOI 10.17223/9785751123628/33

А.Е. Ретивых

Закрепив суд в качестве одной из ветвей власти, Конституция Российской Федерации выделяет его как полномочный и беспристрастный государственный орган, занимающийся не только правосудием, но и контролем за всеми сферами общественной и государственной жизни. Говоря о системе контроля в России за соблюдением прав человека, нельзя не отметить постоянно возрастающую роль судебного механизма. Судебная власть должна обеспечивать защиту прав граждан и права в целом от любых правонарушений.

Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний предусмотрен ст. 20 УИК РФ, согласно которой суд контролирует исполнение наказаний при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, которые закреплены в ст. 397 и 398 УПК РФ.

Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний представлен рассмотрением исключительно вышеуказанных вопросов, при этом непосредственно контрольных функций суд не выполняет.

Для полноты обеспечения прав и законных интересов осужденных следовало бы проводить судебный контроль также и за

деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания. Сущность и назначение контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, заключается в наблюдении за осуществлением этими учреждениями и органами своей деятельности, в получении объективной отчетной информации о состоянии в них законности и правопорядка, принятии мер по предотвращению и устранению нарушений законности и дисциплины, выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений, принятии мер по привлечению к ответственности виновных лиц.

В деятельность суда входят в большей степени надзорные полномочия, контрольные усматриваются лишь в широком смысле.

Суд, являясь контрольным органом, сам не инициирует решение вопросов, указанных в ст. 397 и 398 УПК РФ. Сущность этих судебных решений заключается не в разрешении дела по существу, не в восстановлении нарушенных прав и не в их обеспечении, а в предупреждении и предотвращении повторных нарушений закона, прав граждан.

Дискуссионным является вопрос об отнесении частного постановления суда к контрольным или надзорным полномочиям. Частью 4 ст. 29 УПК РФ предусмотрена возможность вынесения такого постановления судом в адрес руководителя учреждения или органа, исполняющего наказания в случае выявления нарушений прав и законных интересов граждан.

В целом вопросы судебного контроля за исполнением уголовных наказаний являются еще недостаточно исследованными. Данный институт проявляется на стыке отраслей конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Место института судебного контроля в уголовно-исполнительном законодательстве остается неопределенным. Также следует отметить, что ст. 20 УИК РФ содержит лишь нормы материального права, однако процессуальных норм, предусматривающих порядок судебной деятельности по контролю за исполнением наказаний, УИК РФ не содержит.

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПОМОЩЬ ОСВОБОДИВШИМСЯ ОСУЖДЕННЫМ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ НЭПА¹

DOI 10.17223/9785751123628/34

Е.Г. Михеенков

18 января 1922 г. Наркомюстом РСФСР было утверждено «Положение о комитетах помощи освобождаемым из мест заключения», ставшее первым специальным нормативно-правовым актом в РСФСР, регламентирующим постпениitenciарную помощь. При губернских исправительно-трудовых подотделах отделов юстиции создавались комитеты для оказания моральной и материальной поддержки освобождавшимся заключенным (ст. 1). Утверждался и специальный штат комитетов; руководство и надзор за их деятельностью возлагался на Центральный исправительно-трудовой отдел Наркомюста, что свидетельствовало о попытках придать их работе централизованный характер (ст. 17). Отметим, что помощь оказывалась лишь тем лицам из числа освобождавшихся осужденных, которые соглашались на ее получение и признавались комитетами нуждающимися в ней (ст. 3) [1. Л. 1].

Адресная помощь освободившимся лицам заключалась в оказании им материальной поддержки для отправки на родину, обеспечении одеждой, а для лиц, не имевших жилья, возможности проживания в создаваемых комитетом общежитиях. Согласно ст. 16 Положения средства на деятельность комитетов должны были ассигноваться из сметы Центрального исправительно-трудового отдела и подлежали возмещению. Однако анализ обращений губернских отделов юстиции в ЦИТО свидетельствует об ином. Так, уже в марте 1922 г. ЦИТО своим циркуляром сообщал в губернские отделы юстиции об отсутствии средств и предписывал организовывать последние за счет местных бюджетов [1. Л. 10], что в условиях финансирования из местных бюджетов было нереально.

ИТК РСФСР 1924 г. предусматривал организацию комитетов помощи освобождаемым из мест заключения (ст. 228, 229) и закреплял им формы поддержки (ст. 227). Разрешался и вопрос о финанси-

---

¹ Статья опубликована при поддержке РГНФ и администрации Томской области, № проекта 14-13-70002.

ровании деятельности комитетов: они имели возможность получать средства из созданного в 1925 г. Пенитенциарного фонда ГУМЗ, включавшего в себя 25 % отчислений от принудительных работ без содержания под стражей и 15 % – от прибыли предприятий мест заключения (ст. 33 и п. «в» ст. 79 ИТК РСФСР). При этом указанные выше отчисления носили императивный характер, а администрация мест заключения была обязана перечислять их в фонд в конце года с предоставлением годовых отчетов в ГУМЗ. Остальные отчисления носили добровольный характер (пожертвования, доходы от предприятий пенитенциарных учреждений и пр.) [2. С. 76]. Это создавало благоприятные условия для развития общественной инициативы.

Анализ архивных источников позволяет выявить объемы оказываемой помощи комитетов в Западной Сибири. За 1925–1928 гг. помощь была оказана около 3000 освободившимся осужденным.

Сведения по РСФСР выглядят более впечатляюще. Лишь за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. Всероссийский комитет оказал денежной помощи на 2 908 200 руб. Отметим, что к 1927 г. комитеты имели 42 собственных предприятия для оказания помощи осужденным [3. Л. 95].

Можно лишь сожалеть, что к началу 1930-х гг. деятельность губернских комитетов помощи в Сибири из-за известных политических событий фактически прекратилась. Вместе с тем использование опыта их деятельности возможно в настоящее время.

Литература

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 6. Д. 49.
2. *Абатуров А.И.* Историко-правовой анализ оказания постпенитенциарной помощи в Советской России (1917–1990 гг.) // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1 (17). С. 75–78.
3. ГАРФ. Ф. Р. 4042. Оп. 1. Д. 55.

ФАКТОРЫ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

DOI 10.17223/9785751123628/35

А.А. Пропостин

Прогрессивная система, являясь комплексным институтом, основу которого в настоящее время составляют нормы уголовного и

уголовно-исполнительного права, до сих пор не сложилась в завершенном виде.

В литературе высказываются различные позиции относительно ее элементов. Большинство исследователей относят к ним условно-досрочное освобождение, замену наказания более мягким, изменение условий отбывания наказания и вида режима исправительного учреждения. Ряд ученых предлагает дополнить их мерами поощрения и взыскания. Последние не являются элементами прогрессивной системы, поскольку лишь «разово» могут улучшить или ухудшить положение осужденного, не изменяя карательного воздействия наказания. Однако они оказывают существенное влияние на применение ее элементов. Например, от применения к осужденному мер поощрения или взыскания зависит возможность его перевода в те или иные условия отбывания наказания, изменение вида режима, применение условно-досрочного освобождения и замены наказания. Стимулирующее воздействие на правопослушное поведение осужденного оказывает и административный надзор. Его установление в отношении освобожденного возможно в случае, если в период отбывания наказания он признавался злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Поэтому осужденные, не желая установления этой меры, опасаются нарушать правила внутреннего распорядка.

Таким образом, меры, оказывающие существенное влияние на элементы прогрессивной системы исполнения наказаний, следует именовать *факторами*, которые при должной законодательной регламентации способны сделать прогрессивную систему более эффективной.

Закрепление в действующем законодательстве ряда мер без учета их влияния на прогрессивную систему породило ряд противоречий некоторых ее элементов и факторов. В частности, это проявляется в возможности последовательного применения административного надзора и условно-досрочного освобождения. Однако основания их применения в сущности противоположны. Основной критерий лежит в характере и степени общественной опасности личности. Вывод суда, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, должен основываться на положительной оценке личности. Следовательно, нет необходимости в установлении в отношении него административного надзора. Напротив, отсутствие оснований для условно-досрочного освобождения

дения может свидетельствовать о целесообразности установления административного надзора. В этой связи данные меры не должны применяться одновременно в отношении одного осужденного.

Административный надзор можно использовать в целях повышения стимулирующего воздействия других элементов прогрессивной системы. Для этого следует изменить основания его установления, поставив их в зависимость, в частности, от такого элемента прогрессивной системы, как изменение условий отбывания наказания.

Как показали наши исследования, уровень постпенитенциарного рецидива осужденных, отбывавших наказание в облегченных условиях, существенно ниже постпенитенциарного рецидива лиц, отбывавших наказание в иных условиях. В этой связи можно предположить, что в отношении этой категории освобожденных, учитывая категорию преступления и вид рецидива, целесообразно рассмотреть вопрос о сокращении срока административного надзора либо вовсе отказаться от его применения. Это позволит повысить эффективность существующей прогрессивной системы за счет дополнительного стимула.

ПОДРОСТКИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТ

DOI 10.17223/9785751123628/36

М.В. Прохорова

Результаты научно-практических исследований, проводимых нами в 2005–2015 гг. в воспитательных колониях Красноярского, Пермского, Краснодарского и Алтайского краев, Орловской, Тюменской, Томской, Курганской, Ростовской, Сахалинской, Нижегородской, Кемеровской, Тульской и Калининградской областей и Республики Хакасия позволяют сформулировать следующие выводы: на протяжении последних десяти лет на фоне общего сокращения численности несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, наблюдается тенденция ухудшения их криминологической характеристики. В большей степени это связывается с социальным неблагополучием и отсутствием должного позитивного социально-педагогического сопровождения подростков до осуждения. Подобное нередко приводит к парадоксальным результатам – для отдель-

ной части несовершеннолетних их пребывание в воспитательных колониях все чаще оценивается самими осужденными положительно, поскольку условия их жизни в период отбывания наказания существенно разнятся с той обстановкой, в которой они проживали до осуждения.

Вышесказанное предопределяет изменение отношения несовершеннолетних осужденных к наказанию в виде лишения свободы, которое традиционно считается одним из самых суровых видов наказания. Так кто же они – современные подростки в местах лишения свободы?

На 1 марта 2015 г. в России действует сорок одна воспитательная колония, в которой содержится 1756 подростков; добавим, что в 2005 г. их количество составляло более четырнадцати с половиной тысяч. Средний возраст осужденных составляет 16,5 года. Большинство из них проживали в городе, в благоустроенном жилье. На момент совершения преступления обучались в школе. Значительная часть несовершеннолетних имеет богатый криминальный опыт. При этом существенным фактором, обуславливающим рост уровня «криминальной зараженности» подростков, выступает уже не их ближайшее окружение в виде «улицы», а родители и близкие родственники. Так, более половины из числа всех осужденных подростков воспитывались в неблагополучной семье. Около 85 % несовершеннолетних отмечают, что их родители либо родственники злоупотребляли спиртными напитками, у каждого второго подростка кто-либо из родителей или родственников были ранее судимы и отбывали лишение свободы, при этом нередко наказание в виде лишения свободы воспринимается такими подростками в качестве «нормы жизни».

Почти 90 % несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, характеризуются семейной десоциализацией, явившейся одной из социально-психологических причин их преступного поведения. Более половины осужденных состояли на учете и часто уходили из дома (в 58 % случаев), около 1/3 из числа таких осужденных практически не находились дома и занимались бродяжничеством. При этом в большинстве случаев частыми уходами из дома характеризуются несовершеннолетние женского пола (в 2/3 случаев). Обращает на себя внимание также и тот факт, что около четверти из числа осужденных девушек совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, в ходе распития спиртных напитков со своими родителями или ближайшими родственниками, которые впо-

следствии и стали жертвами преступлений (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью).

По сравнению с данными, полученными нами в ходе научно-практических исследований в 2005 г., в настоящее время существенно ухудшилась социально-ролевая характеристика подростков. Так, большинство из них (около 80 %) характеризуются по месту учебы отрицательно, не проявляют интереса к получению образования. По месту жительства количество положительно характеризующихся несовершеннолетних составляет всего 15 %. Около двух третей из числа всех подростков не посещало кружков или иных досуговых либо спортивных секций.

Значительная часть несовершеннолетних (более 40 %) согласно результатам проведенных опросов воспринимают факты осуждения к лишению свободы и отбывания наказания в воспитательной колонии как нечто «обыденное». Около 1/3 из числа всех подростков не проявляют заинтересованности в получаемой в воспитательной колонии профессиональной специальности и испытывают переживания, связанные с возможностью трудоустройства после освобождения.

Большинство из числа всех осужденных раскаиваются в совершенном преступлении, однако считают назначенное наказание несправедливо суровым. Факт совершения преступления практически все подростки оправдывают сложившимися жизненными обстоятельствами.

Свое нахождение в воспитательной колонии более двух третей из числа всех осужденных оценивают с точки зрения положительных для себя моментов: «...получу образование, профессию». Обращает на себя внимание и тот факт, что среди всех осужденных можно выделить такую категорию подростков, для которых пребывание в воспитательных колониях является возможностью «побыть в более лучших условиях жизни» (15 % от общего числа осужденных). Это подростки, проживавшие до осуждения в крайне плохих социальных и материально-бытовых условиях.

Наблюдаемые негативные тенденции, связанные с ухудшением характеристики личности несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, обуславливают необходимость разработки общероссийских программ социально-педагогического и постпенитенциарного сопровождения подростков, в том числе и освободившихся из воспитательных колоний.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

DOI 10.17223/9785751123628/37

З.Р. Рахматулин

Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, – это категория, которая подробно изучена в юридической литературе. Однако вести о ней речь можно и применительно к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества.

Как представляется, ее элементы могут быть более полноценно внедрены в уголовное наказание в виде ограничения свободы. Одной из причин такого решения выступает наличие большого числа наречаний к эффективности этого наказания.

Рассмотрим это на примере Красноярского края. Так, в 2014 г. снято с учета в связи с заменой на лишение свободы около 5 % осужденных, совершили повторные преступления 0,86 %, дополнительные ограничения и обязанности применялись примерно к 23 % виновных. Думается, что эти показатели можно снизить посредством следующих нововведений.

Необходимо законодательно закрепить модель прогрессивной системы уголовного наказания в виде ограничения свободы. Для отбывающих данное наказание должно быть предусмотрено три вида условий: первоначальные, обычные и облегченные.

Осужденные к ограничению свободы в первоначальных условиях должны соблюдать установленные ограничения и обязанности. Лица, находящиеся в облегченных условиях, имеют право на сокращение количества явок в уголовно-исполнительную инспекцию (далее – инспекция) для регистрации; на уменьшение ограничений, применяемых в его отношении; на условно-досрочное освобождение. При таких обстоятельствах инспекция вправе обратиться в суд с соответствующим ходатайством.

Виновные в обычных условиях не вправе претендовать на послабления, присущие облегченным условиям.

В ходе принятия решения о переводе виновных с первоначальных условий в обычные могут присутствовать: инспекторы, работающие с данным лицом, начальник уголовно-исполнительной инспекции, работодатель, педагог, психолог, представители органов местного самоуправления и др. Однако можно, не внедряя рассмотрен-

ные условия, закрепить только послабления, характерные для облегченных условий.

Следовательно, предлагаемая идея о нормативном закреплении условий отбывания ограничения свободы направлена на повышение эффективности реализации уголовного наказания в виде ограничения свободы. Указанные условия, на наш взгляд, являются элементом прогрессивной системы ограничения свободы, под которым следует понимать институт, закрепленный в нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, который заключается в смягчении или усилении наказания, в зависимости от поведения лица, по решению инспекции, в целях повышения стимулирования осужденных к правопослушному поведению и исправлению.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ: НАУЧНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

DOI 10.17223/9785751123628/38

П.В. Тепляшин

Эффективность функционирования пенитенциарной системы должна оцениваться путем использования нескольких показателей такой эффективности – как описательных (качественных), так и количественных индикаторов, характеризующих результат функционирования или успешность движения к достижению цели. Указанные показатели играют роль критериев эффективности, которые целесообразно подвергать факторному анализу. Ведь эффективность любого публичного института складывается из множества факторов, поэтому отсутствует универсальный критерий оценки эффективности пенитенциарной системы.

При измерении эффективности пенитенциарной системы осуществляется не просто анализ намеченных целей и достигнутых результатов её функционирования. Поскольку такой показатель будет в первую очередь отражать результативность управления в пенитенциарной сфере, должна проводиться оценка результатов функционирования пенитенциарной системы с количеством ресурсов, затраченных на их достижение.

Критерии оценки эффективности пенитенциарной системы требуют их рассмотрения и замера только в динамике. Статический

анализ неприемлем, поскольку пенитенциарная система должна быть готова ко многим криминальным, идеологическим, социально-экономическим изменениям.

Применительно к публичному институту – пенитенциарной системе – категория «эффективность» охватывает и вбирает в себя комплекс таких понятий, как нравственность, справедливость, разумность, гуманность и обоснованность. На этом основании эффективность пенитенциарной системы должна также зависеть от таких факторов, как общественное одобрение результатов её функционирования и удельный вес (например, на 1 тыс. заключенных) фактов неправомерного обращения (насилия, издевательств и т.д.) с осужденными. Ведь ориентация пенитенциарной системы как составляющей государственного механизма на достижение социального эффекта предопределена собственно самим предназначением государства.

Критерии эффективности пенитенциарной системы определяют следующие факторы: 1) ресурсы, затраченные на функционирование пенитенциарной системы (экономический фактор – ЭФ); 2) постпенитенциарный и пенитенциарный рецидив (фактор риска уголовной политики – ФР); 3) степень общественного одобрения результатов её функционирования (фактор общественного одобрения – ФОО); 4) коэффициент неправомерного обращения (насилия, издевательств etc.) с заключенными (фактор защищенности – ФЗ). Данные факторы носят интегрированный характер, поскольку выступают более емкими и системообразующими единицами по отношению к иным социальным явлениям и процессам (например, коррупционность персонала пенитенциарной системы так или иначе связана со всеми из вышеуказанных факторов, являясь «фоновым» явлением применительно к основным задачам пенитенциарной системы, устойчивость пенитенциарной системы к финансово-экономическим кризисным изменениям, степень её связанности с правоохранительными интересами государства). Вместе с тем для оценки своей пенитенциарной системы допустимо использовать и более обширный набор факторов, поскольку в этом случае показатели эффективности в основном обладают «целевым характером» и тесно связаны с достижением национальных приоритетов по противодействию преступности и поддержанию правопорядка.

Исследование отмеченных факторов позволяет обнаружить интегральную оценку (индекс) эффективности пенитенциарной системы, которая представляет собой интегральную сумму отобранных

показателей и их изменений, взятых с соответствующим весом. В свою очередь под «весом» на основе статистического моделирования следует понимать числовой коэффициент, на который умножается показатель, и в зависимости от величины этого коэффициента конкретный показатель вносит в итоговую оценку соответствующий вклад.

ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

DOI 10.17223/9785751123628/39

В.В. Салюта

Анализируя практику исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества в федеральном казенном учреждении «Уголовно-исполнительная инспекция Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Новосибирской области» (далее – УИИ), непреодолимые трудности сотрудники УИИ испытывают при исполнении требований приговора суда в отношении иностранных граждан стран-участников СНГ и лиц без гражданства.

Доля осужденных иностранных граждан от общего количества всех осужденных, состоящих на учёте в УИИ, незначительна и в среднем не превышает 0,54 % (за 2014 г. по учётам инспекции прошло 122 осуждённых).

Самым распространенным институтом уголовного права, применяемым судами к иностранным гражданам, является условное осуждение (82,0 %).

На практике проблемы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, прежде всего, касаются исполнения требований приговора суда иностранными гражданами, незаконно находящимися (не имеющими места жительства) в Российской Федерации, отсутствия реальной возможности у сотрудников УИИ и полиции осуществлять совместные контрольные мероприятия за иностранными гражданами, проживающими за пределами Российской Федерации.

Остановлюсь более подробно на проблемах исполнения приговора суда в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства.

Правовое положение иностранных граждан на территории Российской Федерации регулируется российским законодательством, а также международными договорами. Основными актами, определяющими правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, являются: Конституция РФ (ст. 27, 62, 63), Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об иностранных гражданах от 25.07.2002 № 115-ФЗ), от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», правительственные акты.

В соответствии с ч. 1 ст. 187 УИК РФ, контроль за поведением условно осужденных в течение испытательного срока осуществляется УИИ по месту жительства условно осужденных.

Наличие у иностранного гражданина действительного вида на жительство, либо разрешения на временное проживание, либо визы и (или) миграционной карты, либо иных предусмотренных Федеральным законом или международным договором Российской Федерации документов, подтверждает законность его нахождения (пребывания) в Российской Федерации.

Местом жительства иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации является жилое помещение, по адресу которого иностранный гражданин или лицо без гражданства зарегистрированы в порядке, установленном Федеральным законом от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Термин «место жительства» вводит в качестве обязательного условия для иностранных граждан наличие жилого помещения, законных оснований для проживания в нем и регистрации в данном помещении.

Из всех состоящих на учёте в УИИ иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в нашу страну в безвизовом порядке, 68,0 % находятся незаконно, не имея на руках никаких разрешительных документов.

В практике УИИ имеются случаи, когда осужденные иностранные граждане выполняют требования приговоров суда об условном осуждении (учитывая пограничное положение Новосибирской обла-

сти с Республикой Казахстан, это жители Республики Казахстан), являются в УИИ по месту нахождения приговора суда.

Граждане беспрепятственно пересекают российско-казахстанскую границу, являются в УИИ, «отмечаются», и снова возвращаются к прежнему месту жительства в Республику Казахстан.

Курьезный случай произошел в декабре 2014 г. в г. Новосибирске с гражданином Республики Казахстан, осужденным одним из районных судов г. Новосибирска к условной мере наказания, проживающим по приговору суда, как уже отмечалось выше, «на Хилокском рынке Ленинского района города Новосибирска», фактически зарегистрированным и фактически проживающим с семьей в Республике Казахстан, обязанным являться ежемесячно на регистрацию в УИИ по месту жительства.

Доля приговоров суда с осуждением иностранных граждан к наказанию в виде исправительных не превышает 8,0 %.

Действующее уголовное законодательство РФ не содержит запрета назначения исправительных работ гражданам других государств.

В 80 % случаев исправительные работы назначены иностранным гражданам, не имеющим места работы, находящимся в Российской Федерации незаконно.

Действующим законодательством специально не урегулирован вопрос заключения трудового договора с лицами, направленными для отбывания наказания в виде исправительных работ. Заключение трудового договора с осужденными к исправительным работам иностранными гражданами решается на основе норм Трудового кодекса РФ, Закона о правовом положении иностранных граждан от 25.07.2002 № 115-ФЗ.

В соответствии со ст. 13.3 Закона об иностранных гражданах от 25.07.2002 № 115-ФЗ (с учетом поправок, вступивших в законную силу с этого года) работодатели, являющиеся юридическими лицами, имеют право привлекать к трудовой деятельности только законно находящиеся на территории Российской Федерации иностранных граждан при наличии у каждого такого иностранного гражданина патента, выданного в соответствии с законом.

Учитывая требования того же закона, патент иностранному гражданину не выдается и не переоформляется, а выданный патент аннулируется, если иностранный гражданин осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение преступления.

В случае трудоустройства иностранного гражданина, находящегося на территории РФ без патента, работодателю грозит административная ответственность в виде наложения административного штрафа в размере – от 250 до 800 тыс. руб. либо административное приостановление деятельности на срок от 14 до 90 сут (ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ).

Другая проблема, с которой приходится сталкиваться сотрудникам инспекции, это отсутствие документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина в Российской Федерации. Большинство из иностранных граждан не знают, как поступить при утрате документов, живут без документов по несколько лет (в большей степени это касается граждан Республики Казахстан), не предпринимая никаких попыток по его восстановлению, годами скрываясь от Федеральной миграционной службы.

Подводя итоги, хочется обратиться к законодательному опыту Республики Беларусь.

Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает ограничения по применению уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, к иностранным гражданам.

В соответствии с ограничениями исправительные и общественные работы не могут быть назначены, а условное неприменение наказания не может быть применено к иностранным гражданам и не проживающим постоянно в Республике Беларусь лицам без гражданства. Можно предположить, что введенные ограничения связаны именно со сложностями, возникающими при отбытии этих наказаний, а также осуществлении контроля за такими лицами.

На сегодняшний день Конвенция государств-участников Содружества Независимых Государств, определяющая порядок направления и исполнения запросов о передаче приговора, обязательств, возникающих перед страной исполнения приговора, а также порядок пересмотра, помилования и амнистии по переданным приговорам, до настоящего времени находится на согласовании в Исполнительном комитете стран-участников СНГ.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ УИС: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI 10.17223/9785751123628/40

Д.Г. Девяшин

Второе десятилетие XXI в. уверенно входит в мировую историю чередой государственных переворотов, локальных войн и разноплановых террористических угроз в странах дальнего и ближнего зарубежья. Массовые беспорядки, захваты заложников и административных зданий, посягательства на жизнь и здоровье граждан, в том числе сотрудников правоохранительных органов, являются неотъемлемой чертой описанных выше процессов. В этой связи проблемы эффективного обеспечения общественного порядка и безопасности, личной безопасности граждан актуальны для большинства мировых держав. В России на рубеже последних десятилетий проводились реформы двух базовых правоохранительных систем: органов внутренних дел и уголовно-исполнительной. Процесс реформирования затронул и сферу применения силы в целях пресечения противоправных деяний, обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов и иных лиц.

По данным ФСИН России с 2011 г. по настоящее время отмечается устойчивая тенденция роста нападений осужденных на сотрудников при осуществлении ими служебной деятельности, растет агрессивность осужденных в форме неадекватной реакции на законные требования администрации ИУ. Несмотря на сложившуюся тенденцию ежегодного уменьшения численности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, в среднем на 7,5 %, количество случаев применения насилия в отношении сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности увеличилось на 35,4 % (со 127 случаев в 2011 г. до 172 – в 2013 г.), а в I квартале 2014 г. – на 55,2 % (с 29 до 45 случаев). В этой связи проблема обеспечения личной безопасности сотрудников УИС как при исполнении служебных обязанностей так и в связи с таковыми (а также членов их семей) звучит весьма актуально.

Вступивший в силу с марта 2011 г. ФЗ «О полиции» детально регламентирует правовые основы применения сотрудниками полиции мер непосредственного принуждения, расширяет их спектр, очерчивает связь правовых оснований применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Сотрудник полиции имеет право применять физическую силу во всех случаях, когда законом разрешено применение специальных средств или огнестрельного оружия, а специальные средства – во всех случаях, когда законом разрешено применение огнестрельного оружия. Логически построенная взаимосвязь правовых оснований применения различных мер безопасности позволяет сотруднику правильно сориентироваться в выборе средств и способов пресечения противоправного деяния в зависимости от степени его общественной опасности, не превысив при этом пределов причиняемого вреда. Появилась самостоятельная норма, устанавливающая запреты и ограничения в применении полицейскими специальных средств (см. ст. 22 ФЗ РФ «О полиции»), дано понятие вооруженного нападения и др.

Еще в ноябре 2013 г. Минюст России разработал и представил на общественное обсуждение и экспертизу законопроект о внесении изменений и дополнений в гл. V Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» с целью приведения его норм в соответствие с нормами ФЗ «О полиции». Планируется расширение спектра правовых оснований применения мер безопасности и перечня специальных средств, стоящих на вооружении УИС (электрошок, травматическое оружие, средства сковывания и другие средства ограничения подвижности), вводятся ограничения в применении специальных средств и условия отступления от этих ограничений, гарантии безопасности вооруженного сотрудника УИС. Указанные изменения и дополнения призваны привести нормы, регламентирующие применение силы сотрудниками УИС, которые остаются неизменными уже более двадцати лет, в соответствие с реалиями времени.

**АДАПТАЦИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ,
НЕ ДОСТИГШИХ ПОЛОВОЙ ЗРЕЛОСТИ, К СРЕДЕ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ:
СОЦИАЛЬНЫЕ И КЛИНИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

DOI 10.17223/9785751123628/41

А.В. Диденко

Проблемы изучения социальной адаптации осужденных к местам лишения свободы, совершивших преступления сексуального характера в отношении лиц, не достигших половой зрелости, в отечественной пенитенциарной практике в настоящее время актуальны в связи с необходимостью решения ряда задач: диагностики расстройств сексуального предпочтения, возможностей их трансформации, динамики в условиях мест лишения свободы, определения границ парафильного и псевдопарафильного поведения; особенностей применения медикаментозной терапии (психофармакотерапии, антиандрогенной терапии) в местах лишения свободы, ее длительности, показаний к назначению; прогноза риска совершения повторного преступления сексуального характера.

Были проведены первичный скрининг и наблюдение в течение года 70 осужденных мужского пола, впервые отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы (исправительные учреждения строгого режима УФСИН России по Томской области) и совершивших преступления сексуального характера в отношении лиц, не достигших половой зрелости, отбывающих уголовные наказания по следующим статьям уголовного кодекса: ст. 131 «Изнасилование»; ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера»; ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера»; ст. 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ст. 135 «Развратные действия». Низкий социальный статус осужденных в отряде исправительного учреждения коррелировал с социальной занятостью в следующих видах деятельности: уборка территории, помещения отряда, работа по благоустройству исправительного учреждения (очистка от снега), занятость на санитарно-технических работах (обеспечение работы канализационной системы исправительного учреждения). Данный вариант социальной адаптации был характерен для осуж-

денных лиц без психических расстройств, а также для осужденных с умственной отсталостью легкой степени. Другим вариантом социальной ниши при стабильной адаптации в исправительном учреждении явилось проявление так называемого «пассивного правоуповнушенного поведения» в виде изоляции осужденных в пределах отряда в относительно однородную низкостатусную группу лиц с низкой социальной активностью, невмешательством во внутренние дела отряда, избеганием тяжелого и непрестижного труда.

Установлено, что с целью формирования устойчивой адаптации осужденные, совершившие преступления сексуального характера, также активно использовали различные варианты ухода от актуальных трудностей в адаптации к социальной среде исправительного учреждения. Причины, вызывающие дополнительные трудности в адаптации, связаны со спецификой совершенного преступления, вызывающего социальное неприятие основной массой осужденных, несущее с собой угрозу для жизни и стабильного функционирования осужденного. Формирующееся социальное поведение, в ряде случаев носящее шантажно-манипулятивный характер, и связанное с ипохондрической симптоматикой или характерологической динамикой, преследовало создание индивидуальных, особых условий отбывания наказания осужденным сексуальным преступникам, способствовало формированию безопасных социальных ниш в самом исправительном учреждении, а также было направлено на активное изменение условий отбывания наказания.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ И ФАКТОРЫ, ЕГО ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ

DOI 10.17223/9785751123628/42

Д.А. Ольховик

В юридической науке, как правило, отождествляются понятия правового статуса и правового положения личности. Нам ближе позиция Н.В. Витрука, который, отводя правовому статусу личности центральное место в структуре правового положения, определял его как признанные государством права, свободы, законные интересы и обязанности в их единстве. Правовой статус – это ядро правового положения личности.

При анализе правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной инспекции нужно также учитывать его особенности как должностного лица. В соответствии с примечанием ч. 3 ст. 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. В науке административного права понятие должностного лица сходно с вышеуказанным определением. Права и обязанности характеризуют юридическое состояние должностного лица, неотделимы от него и существуют независимо от того, находится данное лицо в каких-либо правоотношениях или нет. Примечательно, что права, которыми наделен сотрудник уголовно-исполнительной инспекции как должностное лицо, являются одновременно и его полномочиями (т.е. «правообязанностями»).

Функции и особенности правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной инспекции как должностного лица обусловлены целями уголовно-исполнительного законодательства, целями наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества и соответственно целями, задачами и функциями самих уголовно-исполнительных инспекций. Важно учитывать и социально-экономические условия исполнения наказаний в целом и отдельных наказаний, профессиональный и общеобразовательный уровень подготовки персонала. Таким образом, наделение правами и обязанностями сотрудников уголовно-исполнительных инспекций призвано обеспечить выполнение задач, поставленных перед органами и учреждениями, исполняющими наказания, в сфере борьбы с преступностью. Несомненно, правовой статус сотрудников уголовно-исполнительных инспекций зависит и от того, какими правами и обязанностями обладают лица, отбывающие наказания без изоляции от общества. Субъективные права, законные интересы и юридические обязанности осужденных определяют меру возможного и должного поведения в отношении них со стороны сотрудников органов и учреждений, исполняющих данные виды наказаний.

С точки зрения содержания правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной инспекции отметим, что их права, свободы, законные интересы и обязанности в единстве формально ныне нигде не закреплены. Они определяются, исходя из толкования соответствующих статей Уголовно-исполнительного кодекса об исполнении наказаний в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, из Положения об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729, а также из Инструкций по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества и исполнения наказания в виде ограничения свободы.

Основные права и обязанности инспекции, изложенные в Положении об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729, также возложены и на сотрудников данных учреждений. Дополнительными правами и обязанности сотрудник уголовно-исполнительных инспекций наделяется при организации исполнения конкретных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Но упоминания о самом сотруднике как непосредственном носителе данных прав и обязанностей нет.

Не менее важно и то, какими полномочиями обладает сотрудник уголовно-исполнительной инспекции по отношению к осужденным, членам их семей, при решении вопроса о взаимодействии с подразделениями органов внутренних дел, администрацией предприятий, учреждений и организаций, в которых работают осужденные, органами местного самоуправления, прокуратуры, судами и общественностью.

НАЗНАЧЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕР КАК РЕЗУЛЬТАТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА

DOI 10.17223/9785751123628/43

С.О. Уваров

В литературе признано, что прогноз – это основанное на специальном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе чего-либо; криминологический прогноз – научно обоснованное предположение о будущем состоянии и тенденциях развития пре-

ступности, личности преступника, факторов, последствий и мер борьбы с преступностью.

Следовательно, прогнозирование – это научное определение перспектив, вероятность какого-либо явления.

Термин «прогнозирование» зачастую встречается в тесной связи с термином «мониторинг». Однако эти термины имеют существенные различия. Если «прогнозирование» – это предвидение, то «мониторинг» – система наблюдения и оценки развития явления.

Для уголовно-исполнительного права немаловажным является индивидуальное прогнозирование поведения осужденного. Оно максимально обосновано только лишь при детальном изучении личности осужденного. Ключевой составляющей характеристики личности преступника является его криминологическая характеристика.

Суд, вынося обвинительный приговор осужденному, проводит наряду с квалификацией преступления оценку личности преступника и других обстоятельств, значимых для назначения наказания, достижения его целей. Этими обстоятельствами выступают факторы и причины, способствовавшие совершению преступления, влияние среды применительно к будущим мероприятиям со стороны государственных органов, исполняющих наказания. И в этой части сам приговор суда уже содержит юридический прогноз.

Осуществляя его, суд принимает решение, помимо прочего, по вопросу назначения или неназначения наказания в виде реального лишения свободы. Если же принято решение не назначать это наказание, необходимо решать, какие конкретные альтернативные меры следует применить к преступнику. Соответственно для принятия решения здесь значимы разные обстоятельства.

На наш взгляд, при принятии решения о применении или неприменении наказания в виде лишения свободы наиболее важными факторами выступают указанные в ст. 60 УК РФ, а именно характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Именно их изучение может дать суду возможно более полное представление о преступнике и вероятности совершения им преступления в случае применения к нему альтернативных мер.

При решении же вопроса о том, какую именно альтернативную меру следует применить к преступнику, суд, по нашему мнению, также руководствуется всеми перечисленными факторами, однако критерии их оценки существенно разнятся, ибо суду необходимо спрогнозировать поведение преступника и дать прогноз, совершит ли лицо или не совершит преступление при назначении конкретной альтернативной меры наказания. Наибольший интерес при решении данного вопроса представляет влияние на преступника среды, в которой он находится и будет находиться, а также системы мер, которые будут применены к нему в процессе исполнения альтернативного наказания. Это обусловлено тем, что в данном случае наиболее значимы меры, в большей степени направленные на самостоятельное исправление, реабилитацию осужденного. Оценка данных обстоятельств позволяет выявить, насколько среда, где преступник находится, и комплекс примененных к нему мер способны стимулировать его к самоисправлению. Причем эта цель должна также достигаться путем конкретизации прогноза, заложенного в приговоре суда, в решениях, принимаемых уголовно-исполнительной инспекцией при постановке его на учет (например, применение либо неприменение средств электромониторинга, проведение бесед, установление запретов и др.). Таким образом, в зависимости от реализации первичного (судебного) прогноза, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций могут корректировать перечень мероприятий, применяемых к конкретному лицу.

Суд назначает альтернативные меры, не только когда сделанный им прогноз показывает, что преступник с большей долей вероятности не совершит преступление, если к нему не будет применено наказание в виде лишения свободы. Принимая также решение, суд может столкнуться с «неоднозначностью» прогноза, когда нет полной уверенности в том, следует ли к лицу применять наказание в виде лишения свободы, а также в том, что лицо не совершит преступление в дальнейшем, если к нему будут применены альтернативные меры. Как показывает практика, в данной ситуации суд чаще всего назначает условное осуждение, ибо в случае нарушения режима испытания условного осуждения предусмотрена его отмена. Тем самым сохраняется возможность исправления возможной судебной ошибки, связанной с «неоднозначностью» прогноза.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИГРАФНЫХ ПРОВЕРОК В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ УИС, ПЕРЕМЕЩАЕМЫХ ПО ДОЛЖНОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/44

О.М. Писарев

Совершенствованию системы профессионального кадрового отбора и подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы в настоящее время уделяется большое внимание. В рамках Концепции развития УИС России до 2020 г. предполагается «...разработка и осуществление мер, направленных на предупреждение и пресечение коррупции работниками уголовно-исполнительной системы; ротация руководящих кадров уголовно-исполнительной системы».

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, руководство ФСИН в целях повышения эффективности кадрового отбора, а также дальнейшего сопровождения служебной деятельности персонала УИС организует и обеспечивает проведение психофизиологических исследований с применением полиграфа в своих структурных подразделениях. Поэтому при перемещении сотрудников на вышестоящую должность в УИС для поддержания высокого статуса при решении ряда служебных задач применяется эффективный и экономичный метод специальной психофизиологической диагностики – исследование на полиграфе. В соответствии с действующей инструкцией об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе СПФИ проводится в отношении кандидатов при приеме на службу в структурные подразделения ФСИН России, учреждения, непосредственно подчиненные ФСИН России, руководителей территориальных органов ФСИН России и отборе на учебу – специалистами, определенными управлением кадров ФСИН России. Перечень лиц, подвергающихся специальной психофизиологической проверке, утвержден Приказом МЮ РФ от 16.04. 2013 г. № 51.

Основной задачей указанной процедуры выступает определение факторов риска, которые образуют дефекты морально-нравственной сферы личности. К числу основных факторов риска практики полиграфных проверок относят следующие: искажение анкетных данных, участие в деятельности запрещенных общественных организаций,

наличие недекларированных доходов, имущества и обязательств имущественного характера, наличие не связанных с выполнением оперативно-служебных задач отношений с людьми, имеющими криминальное прошлое, факты употребления психоактивных и наркотических веществ в немедицинских целях, алкогольная зависимость, игровая зависимость, хранение (использование) незарегистрированного оружия. В каждом конкретном случае перечень факторов риска определяет инициатор проверки в направлении на проведение СПФИ.

Рентабельность применения проверок на полиграфе при приеме на службу в УИС или перемещении на вышестоящие должности определяется следующими факторами: быстротой получения точной информации о респонденте; склонностью людей быть более правдивыми и откровенными во время проверок на полиграфе, чем при иных кадровых опросах; высокой точностью и эффективностью метода полиграфной проверки.

Существуют проблемные области, касающиеся отдельных аспектов использования полиграфа в УИС (требования к специалисту-полиграфологу, качество его подготовки), однако накопленный за последние годы работы опыт в обучении данной категории сотрудников позволяет успешно решать возникающие проблемы в правовой, теоретической и практической плоскостях.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ОСУЖДЕННЫМ

DOI 10.17223/9785751123628/45

А.А. Павленко

Медико-санитарное обеспечение осужденных в местах лишения свободы – одна из составных частей условий отбывания наказания. Охрана здоровья осужденных как направление деятельности исправительных учреждений отражена в ст. 101 УИК РФ и в п. 4 ст. 13 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Одним из элементов реализации рассматриваемого права осужденного является возможность получения им дополнительной лечебно-профилактической помощи, оплачиваемой за счет собственных средств. Однако данный законный интерес в силу ряда причин на практике используется крайне редко, не отражается статистически

ни в одной из форм отчетности. К тому же вызывает недоумение и то обстоятельство, что рассматриваемые положения закреплены в ч. 7 ст. 99 УИК РФ («Материально-бытовое обеспечение осужденных») как вид дополнительных платных услуг, а не как вариант реализации права осужденного на охрану здоровья (ч. 6 ст. 12 Кодекса) и составная часть медико-санитарного обеспечения (ст. 101 УИК РФ).

Рассматриваемая норма является специальной по отношению к положениям Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011, а именно: к ч. 2 ст. 19, предусматривающей право получения платных медицинских услуг как дополнение к бесплатной медицинской помощи; и к ст. 26, не предусматривающей для осужденных ограничения на получение такой помощи. В этом же Законе впервые появилась ст. 84 «Оплата медицинских услуг», в которой выделены платные медицинские услуги и платные немедицинские услуги (бытовые, сервисные, транспортные и др.). Порядок предоставления осужденным дополнительной лечебно-профилактической помощи определен в п. 125–128 Правил внутреннего распорядка ИУ (далее – ПВР ИУ), причем без указания конкретного перечня медицинских услуг, присутствующего в ПВР СИЗО.

Считаем существующую ситуацию в части реализации конституционного права на охрану здоровья, в том числе и посредством получения дополнительной медицинской помощи осужденными к лишению свободы, пробелом правового регулирования, который предлагаем устранить путем закрепления соответствующего права осужденного и механизма его реализации в ч. 6 ст. 12 и ч. 5 ст. 101 УИК РФ, а не только в ведомственном нормативном правовом акте (ПВР ИУ). Кроме того, подробный алгоритм реализации этого права считаем целесообразным указать в порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу. В данном алгоритме, разработанном на основе Правил предоставления платных медицинских услуг населению медицинскими учреждениями, также необходимо определить субъекта (предпочтительнее коллективного), который должен определять необходимость дополнительной помощи и подтвердить невозможность ее получения осужденным в рамках Программы государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи, и форму правового акта, закрепляющего данное решение.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УИС

DOI 10.17223/9785751123628/46

А.Г. Антонов, М.В. Киселев

Практически сменилось поколение сотрудников УИС, осуществлявшее служебную деятельность на момент принятия УИК РФ в 1996 г. На смену им заступает новое поколение, которому предстоит продолжить реформирование УИС. Для успешного завершения реформ необходимо по всей вертикали ФСИН России добиться единообразного исполнения закона. В основе деятельности УИС лежит уголовно-исполнительное законодательство, которое содержит основные принципы данной отрасли права. От их понимания и соблюдения зависит эффективность деятельности как отдельного сотрудника, так и УИС в целом.

Согласно ст. 8 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

Содержание данных принципов не раскрывается в законе. Этот факт может негативно сказаться как на едином их понимании не только в правовой доктрине, но и в области правоприменения.

Что же все-таки эти принципы означают? Как их понимать сотруднику уголовно-исполнительной системы? В итоге на какие руководящие идеи ему опираться при исполнении должностных обязанностей?

Представляется наиболее удачное отношение законодателя к определению принципов уголовного права. Их содержание раскрывается в самом Уголовном кодексе. Поэтому такой же подход целесообразен и применительно к принципам уголовно-исполнительного права. При этом значение и содержание общеправовых принципов в указанных отраслях права должны между собой коррелировать.

Наибольший интерес представляет принцип гуманизма. Некоторые его проявления можно усмотреть в действующем законодательстве. Так, под принципом гуманизма согласно ч. 2 ст. 12 УИК РФ понимается, что осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию. В УИК РФ закреплено наряду с указанной множество норм, отражающих данный принцип. Важно отметить, что при реализации принципа гуманизма, в приведенном понимании, необходимо учитывать экономическое состояние нашего государства. Бюджетные расходы по содержанию осужденных должны соотноситься с доходами законопослушных граждан. Это означает, что лицо, совершившее преступление, в рамках наказания не должно получать лучшее обеспечение, чем среднестатистический гражданин. Можно утверждать, что сегодня сформировалась категория осужденных, которые стремились в места лишения свободы из-за лучшего материально-бытового обеспечения, чем они имели вне исправительного учреждения.

Вместе с тем принцип гуманизма, на наш взгляд, отражен в УИК РФ несколько однобоко. Более удачна его формулировка в УК РФ, где отмечается дуалистичность рассматриваемого принципа. Ведь применение ограничений к лицам, опасным для общества, в принципе ориентировано на обеспечение безопасности законопослушных граждан. Так, наряду с направленной на осужденных частью закреплена и та часть принципа гуманизма, обращенная к остальным гражданам. Так согласно ч. 1 ст. 7 УК РФ «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека».

Если для принципа гуманизма относительно осужденных характерно наделение таковых определенными правами, позволяющими «не выпасть» из общества, то для другой части свойственно строгое исполнение наказания, режим (и иные средства исправления) исполнения которого позволит осужденного исправить (сделать лицо для общества неопасным), а также содержать опасных лиц в изоляции от общества или под определенным контролем (наказания без изоляции от общества). Следовательно, принцип гуманизма отражает и то, что наказание должно оставаться таковым, а порядок обеспечения его исполнения должен осуществляться в строгом соответствии с законом: жестко и справедливо.

С учетом этого и нужно формулировать исследуемый принцип. Это позволит сориентировать сотрудника УИС на гуманное обраще-

ние с осужденным, которое ограничивается определенными средствами его исправления, направленными на обеспечение безопасности общества.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

DOI 10.17223/9785751123628/47

О.Н. Уваров

Как известно, исправительные работы назначаются осужденному, как имеющему основное место работы, так и не имеющему его. При этом удержания при исправительных работах производятся из заработной платы по основному месту работы осужденного (ч. 2 ст. 44 УИК РФ) в течение срока и в размерах, установленных судом. Иными словами, исполнение наказания в виде исправительных работ непосредственно связано с основной работой осужденного и его заработной платой.

Осужденные к исправительным работам, как и все иные граждане, работают на основании трудового договора, которым, кроме прочего, определяются условия оплаты труда и режим рабочего времени (ст. 57 ТК РФ). В зависимости от объема выполняемой работы трудовые договоры можно разделить на договоры об основной работе и договоры о работе с неполным ее объемом (например, по совместительству)¹. Договор об основной работе предполагает, что работник постоянно осуществляет трудовую функцию у данного работодателя в полном объеме с учетом установленного для него рабочего времени (при этом основное место работы одновременно является местом хранения трудовой книжки). Договор о работе с неполным ее объемом предполагает, что работник осуществляет трудовую функцию у работодателя не в полном объеме, а лишь частично (например, совместительство означает выполнение работником, имеющим основное место работы, в соответствии с трудовым договором другой ре-

---

¹ См., напр.: *Лебедев В.М., Агашев Д.В., Белинин А.А.* Трудовое право: учеб. для студентов вузов / под ред. В.М. Лебедева. М.: НОРМА, 2011. 463 с.; *Трудовое право: учеб.-метод. комплекс / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев; Юрид. ин-т Том. гос. ун-та.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 148 с.

гулярной оплачиваемой работы, но в свободное от основной работы время).

Статья 91 ТК РФ определяет рабочее время как время, в течение которого работник должен исполнять свои трудовые обязанности. Там же определена нормальная продолжительность рабочего времени в течение рабочего дня. Кроме того, ст. 100 ТК РФ предусмотрен и режим рабочего времени (установленная продолжительность рабочего времени) в неделю – пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями, шестидневная с одним выходным днем, рабочая неделя с предоставлением выходных дней по скользящему графику, неполная рабочая неделя. Помимо этого, может предусматриваться ненормированный рабочий день (ст. 101 ТК РФ); работа в режиме гибкого рабочего времени (ст. 102 ТК РФ); сменная работа (ст. 103 ТК РФ); суммированный учет рабочего времени (ст. 104 ТК РФ); разделение рабочего дня на части (ст. 105 ТК РФ).

Все трудовые договоры, в том числе и контракты о государственной (муниципальной) службе, договоры о временной работе сроком до двух месяцев (гл. 45 ТК РФ), договоры о сезонной работе (гл. 46 ТК РФ), договоры о работе у работодателя – физического лица (гл. 48 ТК РФ), договоры о работе на дому (гл. 49 ТК РФ), договоры о дистанционной работе (гл. 49.1), где предусмотрена для конкретного лица продолжительность рабочего времени, не связанная с неполной, относятся к договорам по основному месту работы. При этом необходимо иметь в виду, что для определенных категорий работников (например, в возрасте до восемнадцати лет, инвалидов и т.д.) устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени (в соответствии со ст. 92 ТК РФ). Договоры с этим условием – это также договоры по основному месту работы. К этой же категории трудовых договоров относятся договоры с неполным рабочим временем для беременных женщин, родителей (опекунов, попечителей), имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), а также для лиц, осуществляющих уход за больным членом семьи, в установленных ст. 93 ТК РФ случаях¹.

---

¹ См., напр.: *Лебедев В.М., Агашев Д.В., Белинин А.А.* Трудовое право: учеб. для студентов вузов / под ред. В.М. Лебедева. М.: НОРМА, 2011. 463 с.; Трудовое право: учеб.-метод. комплекс / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев; Юрид. ин-т Том. гос. ун-та. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 148 с.

В иных случаях неполное рабочее время в соответствии со ст. 93 ТК РФ для осужденного к исправительным работам устанавливаться не может. Также не может с таким осужденным быть заключен договор о работе по совместительству без наличия у него основного места работы.

Вместе с тем удержания из заработной платы при исправительных работах не производятся не только из пособий, получаемых осужденным в порядке социального страхования и социального обеспечения, из выплат единовременного характера, пособий по временной нетрудоспособности (ч. 4, 5 ст. 44 УИК РФ), но и из сумм оплаты труда при работе по совместительству, при совмещении профессий (должностей), расширении зон обслуживания, увеличении объема работы, при исполнении обязанностей временно отсутствующего работника без освобождения от основной работы, а также из оплаты за сверхурочную работу.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОБЖАЛОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ РЕШЕНИЙ ПРОКУРОРА

DOI 10.17223/9785751123628/48

А.О. Бекетов

В качестве гарантии обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в принятии решений по уголовному делу уголовно-процессуальный закон закрепляет право следователя обжаловать указания и решения руководителя следственного органа или прокурора (ч. 4 ст. 124 УПК РФ).

Однако изучение действующего правового регулирования обжалования следователем решений прокурора показывает, что оно страдает существенной неполнотой. Действовавшая до принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ редакция ч. 3 ст. 38 УПК РФ предусматривала право следователя обжаловать неограниченный круг действий и решений прокурора, а также его бездействие. Определялась возможность приостановления исполнения указаний и решений прокурора в отдельных случаях. При этом разрешение жалоб следователя вышестоящим прокурором осуществлялось в порядке и сроки, установленные ст. 124 УПК РФ.

Данный правовой механизм к настоящему времени утрачен. В соответствии с ч. 4 ст. 124 УПК РФ следователь вправе обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора в случаях, *предусмотренных УПК*. В УПК РФ же прямо предусмотрена возможность обжалования лишь трех решений прокурора: об отмене постановления о возбуждении уголовного дела (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения (п. 5 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 221 УПК РФ); об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 317² УПК РФ).

При этом говорить о каком-то едином порядке рассмотрения жалоб следователя вышестоящим прокурором уже не приходится - закон устанавливает различные сроки и правовые последствия обращений применительно к конкретным ситуациям обжалования. Совершенно новая, самостоятельная и не заключающаяся в обжаловании процедура установлена для случаев несогласия следователя или руководителя следственного органа с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства (ч. 6 ст. 37, ч. 4 ст. 39 УПК РФ). Без ответа в законе оставлен вопрос о возможности обжалования следователем или руководителем следственного органа иных, не попавших в приведенный перечень действий и решений прокурора.

Несовершенство законодательной регламентации не позволяет единообразно применять закон. В различных регионах Российской Федерации складывается различная и порой диаметрально противоположная практика оспаривания органами предварительного следствия действий и решений прокурора¹. При этом на практику обжалования решений прокурора, нередко оказывают влияние такие обстоятельства, как нежелание руководителей следственных подразделений «портить отношения» с надзирающим органом, зависимость показателей работы следственных органов от решений прокурора. В силу чего спорные решения прокурора не всегда обжалуются следователями и руководителями следственных органов. Изучение практики в нескольких регионах России показало немногочисленные случаи обжалования решений прокурора со стороны органов предварительного расследования. С другой стороны, имеющаяся практика показывает, что обращение к вышестоящему прокурору, даже в условиях несовершенного законодательного регулирования этих отношений, не только возможно, но и способно привести к желаемому результату.

---

¹ Автором изучалась практика обжалования решений прокурора должностными лицами следственных подразделений ОВД, сложившаяся в Республике Алтай, Республике Мордовия, Еврейской автономной области, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Омской области, а также на территории, обслуживаемой Управлением на транспорте МВД России по Уральскому федеральному округу.

О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

DOI 10.17223/9785751123628/49

Г.Г. Гумеров

С 2010 г. российский законодатель упорно пытается «усовершенствовать» институт возбуждения уголовного дела. Так, в 2010 г. стройную систему поводов в ст. 140 УПК РФ нарушил п. 4 ч. 1, который придал прокурору особый статус, выделив его из иных источников. В 2011 г. появилось дополнение к поводам, которое фактически ограничило полномочия следователя по возможности установления события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступных деяний в сфере налоговых преступлений. Несостоятельность последнего изменения уже скоро стала очевидной и оно утратило силу, но уже в 2014 г. законодатель вводит в ст. 140 ч. 1.2 с аналогичной нормой, но уже касающейся фальсификации финансовых документов.

В связи с этим возникает несколько вопросов.

Во-первых, не ясно, можно ли прекратить уголовное дело по ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ, если уголовное дело, к примеру, было возбуждено по постановлению прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании лица за совершение преступления, предусмотренного ст. 172.1 в связи с отсутствием надлежащего повода для возбуждения уголовного дела? Скорее всего, нельзя, так как в данном случае ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ предусмотрено не основание прекращения уголовного дела (отказа в возбуждении уголовного дела), а основание отказа от начала уголовного процесса.

Кроме того, следователю (дознавателю и др.) далеко не всегда сообщается об одном преступлении. Как он должен поступить, если в заявлении наряду с признаками преступления, предусмотренного ст. 172.1 УК РФ, упоминается и о другом преступлении?

В искомой ситуации следователем (дознавателем и др.) принимается решение по заявлению о втором преступлении, наличие в заявлении информации о совершенном преступлении, предусмотренном ст. 172.1 УК РФ, просто игнорируется. По данному факту даже не надо выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Получается, ни органы дознания, ни даже органы предварительного следствия не властны, если этого по какой-либо причине «не желает» Центробанк, возбудить соответствующее уголовное дело и в случае бесспорного совершения преступления, предусмотренного УК РФ. Таким образом, как бы внеся лишь «незначительные» изменения в систему поводов для возбуждения уголовного дела (для начала предварительного расследования), законодатель, по сути, добавил в закон и практику его применения новое «обстоятельство, исключающее преступность деяния». Между тем рассматриваемое преступление остаётся общественно опасным и тогда, когда о нем не поступает сообщения от Центробанка. Да и УК РФ не предусматривает такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как отсутствие материала о преступлении, предусмотренном ст. 172.1 УК РФ, направленного органу предварительного расследования Центробанком.

Изменения норм ст. 140 УПК РФ нарушают принцип публичности российского уголовного процесса. Сообразно с таковым государство принимает на себя обязанность возбудить уголовное преследование в отношении лица, совершившего преступление, независимо от условий, при которых последнее имело место, безотносительно от желания или нежелания на то пострадавшего (потерпевшего) или какого-либо иного лица. В принципе публичности выражается государственное начало уголовного процесса, суть которого в том, что защита общества и граждан от преступных посягательств является важной и ответственной обязанностью правоохранительных органов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ, МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ И ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

DOI 10.17223/9785751123628/50

П.В. Козловский

Количество преступлений, совершаемых с использованием современных средств коммуникации, постоянно возрастает. Преступные действия в сети Интернет, платежи через системы «Яндекс деньги», «Web money» и др. зачастую сложно связать с каким-либо

местом. Споры о подследственности приводят к затягиванию проверки сообщений о преступлениях, утрате следов и снижают вероятность установления виновных лиц.

Главной проблемой является определение места совершения преступления. В практической деятельности правоохранительных органов местом совершения преступления считают:

1. Местонахождения счета, на который потерпевший перечислил денежные средства.

2. Местонахождение потерпевшего.

3. Место, из которого осуществлялось администрирование счетом.

4. Место, где денежные средства сняты со счета.

Так как совершение подобных преступлений представляет собой не один акт, а совокупность действий, которые могут быть выполнены в разных регионах, местом совершения преступления будет место окончания действий, входящих в объективную сторону преступления.

Моментом окончания преступления необходимо считать зачисление потерпевшим денежных средств на счет мошенника, так как после этого появляется реальная возможность ими распорядиться. Форма распоряжения (снятие наличных, совершение покупки с сети Интернет, оставление на счете) не имеет юридического значения.

Однако при проведении проверки сообщения о преступлении необходимо обеспечить сочетание законности и эффективности. В месте окончания преступления (месте нахождения банковского счета или счета абонента сотовой компании) может не быть никаких следов. Кроме того, в ряде случаев счет может не иметь территориальной привязки. Например, в платежных системах «Яндекс деньги», «Web money» отсутствуют корреспондентские счета. Сервер, обеспечивающий работу системы, может находиться в любой точке мира. Его территориальное расположение никак не влияет на возможность совершения платежей.

Если строго следовать букве закона, необходимо возбуждать уголовное дело по месту поступления заявления, проводить неотложные следственные действия и передавать дело по подследственности. Однако ведомственный порядок передачи уголовных дел в системе МВД России требует согласования вопроса при передаче уголовного дела из одного региона в другой в Следственном департа-

менте МВД России, что может существенно увеличить срок расследования.

Учитывая изложенное, правоприменителям можно дать следующие рекомендации:

1. При получении сообщения о преступлении проводить проверку по месту поступления заявления до определения места, из которого осуществлялись преступные действия.

2. Передавать заявление о преступлении по месту нахождения заподозренных лиц или по месту нахождения следов преступления (компьютеров и т.п.), где необходимо принимать решение о возбуждении уголовного дела и проводить неотложные следственные действия.

3. Если пострадавший, заподозренные лица и следы преступления находятся в одном регионе, возможно возбуждение уголовного дела по месту обращения пострадавшего.

О ПОДДЕРЖКЕ КОМПЕТЕНТНЫХ РЕШЕНИЙ ВОЕННОГО ДОЗНАВАТЕЛЯ

DOI 10.17223/9785751123628/51

Н.В. Шухова

Во внутренних войсках МВД РФ обеспечение твердой воинской дисциплины, уставного порядка, исключаящего любые противоправные проявления, является одним из основных условий своевременного, полного выполнения имеющихся задач и подтверждения статуса войск правопорядка.

В соответствии с действующим законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами [1] во внутренних войсках реализован механизм дознания, который предназначен для обеспечения процессуальных функций по решению вопросов о возбуждении уголовных дел, передаче их по подследственности, производству неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, по исполнению отдельных следственных и иных процессуальных действий по поручению следователя, организации розыскных мер и др.

Очевидно, что оптимальность и безошибочность принимаемых военным дознавателем процессуальных, тактических, организационных решений в условиях конкретных следственных [2] или кри-

миналистических [3] ситуаций являются залогом успешного расследования преступлений, предотвращения противоправной деятельности военнослужащих, склонных к нарушению уголовного законодательства.

Обратим внимание на то, что военный дознаватель, во-первых, по своей основной профессии является прежде всего военнослужащим и, во-вторых, исполняет функции дознавателя не постоянно, а эпизодически, по мере регистрации единичных происшествий; в-третьих, у него объективно, как правило, нет большого опыта по выполнению обозначенных обязанностей.

В статье [4] показано, что для должностных лиц, расследующих уголовно наказуемые деяния, наибольшее количество ошибочных решений возникает на этапе производства неотложных следственных действий. Возникновение этих ошибок связывается не столько с качеством профессиональной подготовки, сколько с отсутствием необходимого практического опыта в видении сложных проблемных ситуаций, трудностью их оценки и адекватного принятия решений в условиях малого количества информации на данном этапе. Также нельзя не учитывать, что одним из важных факторов, в условиях которого решения принимаются, является постоянно изменяющееся законодательство.

Понятно, что в своей деятельности военный дознаватель опирается как на теоретические знания – процессуальные, криминалистические и др., так и на эмпирический опыт, постепенно накапливая его, при принятии решений в рамках своих полномочий самостоятельно и при исполнении указаний органа дознания и военного прокурора. Декларативная (пассивная) часть знаний содержит теоретические данные, факты, описания структур (например, в пространстве «признак-преступление»), утверждения (например, отдельные положения нормативно-правовых актов). Процедурная (активная) часть знаний в отличие от декларативной нарабатывается по мере накопления опыта и содержит алгоритмы, правила, в том числе средства и пути решения реальных задач.

Предлагается в целях обеспечения поддержки компетентных решений военного дознавателя обратиться к выявлению и научному обобщению алгоритмов организационного, процессуального, тактического разрешения типовых ситуаций с оформлением процедурной части знаний, например в виде справочной базы правил по необходимым и допустимым действиям.

Литература

1. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23.10.2014 № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов». М., 2014. 123 с.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. С. 135.
3. *Ким Д.В.* Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.
4. *Миликова А.В.* Следственная ситуация как критерий алгоритма принятия решений о производстве следственных действий // Вестник Волгогр. гос. ун-та. 2012. Сер. 5. Юриспруденция. № 2(17). С. 299–302.

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

DOI 10.17223/9785751123628/52

Т.А. Алексеева

Одним из вопросов, стоящих при производстве психолого-педагогической экспертизы, является установление факта причинения физического насилия по отношению к ребенку, и реакции самого несовершеннолетнего на тему физического насилия. Немаловажным является выяснение фактов злоупотребления родителями алкоголя, наркотических средств и оставления ребенка одного без присмотра. Психофизиологическое исследование с помощью полиграфа при производстве психолого-педагогической экспертизы позволит инструментально оценить выводы эксперта, добавить объективности и возможность проверки исследования, за счет внесения в экспертное исследование элемента комплексности. Рассмотрим некоторые современные методики, используемые при психофизиологическом исследовании.

1) Методика В.В. Коровина¹ представляет собой тест, включающий в себя следующие типы вопросов, реакции на которые подлежат сравнению: проверочные вопросы – непосредственно относятся к теме проверки; нейтральные, на которые заведомо даются правдивые ответы; контрольные – необходимы для выяснения беспокойства, желания что-либо уточнить или солгать. Достоинством данной методики является относительная простота, так как вопросы требуют незначительной корректировки. Однако из этого вытекает и недостаток – отсутствие возможности сформулировать вопрос с учетом индивидуальности исследуемого. Кроме того, во время исследования выявляется проблемная тема, а не конкретный скрываемый факт.

---

¹ Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала. Психологические и психофизические методы. М., 2009. 173 с.

2) Методика штата Юта¹ в настоящее время считается наиболее достоверной и включает в себя проверочные вопросы, каждому из которых соответствует контрольный и нейтральный вопросы. Задача нейтрального вопроса – стабилизировать реакции тестируемого, снизить эмоциональное напряжение, он является эталоном реакций на правду. Контрольный вопрос должен вызывать волнение и сомнение у исследуемого, тем самым предоставляя эксперту возможность сравнения с реакциями на проверочный вопрос. Недостатком рассматриваемой методики является то, что нет гарантии того, что контрольный вопрос будет волновать тестируемого или что он будет на него лгать. Рационализация как метод психологической защиты дает возможность человеку разумно объяснить тот или иной поступок, что важно при производстве психолого-педагогической экспертизы, так как каждый из родителей уверен в том, что он избрал лучшую модель воспитания, что его поведение можно охарактеризовать только с лучшей стороны.

По мнению автора, психофизиологическое исследование при производстве психолого-педагогической экспертизы должно состоять из следующих основных вопросов: нейтральный вопрос - ориентир эмоционального состояния тестируемого; контрольный - вопрос об отношении тестируемого к проверяемому факту; проверочный - вопрос, правдивость ответа на который интересует эксперта; маскировочный, цель которого - выяснить сам факт, а не те обстоятельства, на которые делается акцент в вопросе. Кроме того, маскировочный вопрос позволяет поддерживать эмоциональное напряжение тестируемого, тем самым уменьшая возможность для рационального объяснения своих поступков, а неоднозначная формулировка вопроса позволяет увидеть и проанализировать психофизиологические реакции человека в состоянии стресса, равного состоянию лжи.

---

¹ Kircher J.C., Raskin D.C. Human versus Computerized evaluations of polygraph Data in a Laboratory Setting // Journal of Applied Psychology. 1988. Vol. 73 (2). P. 291–302.

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ОВД

DOI 10.17223/9785751123628/53

Е.А. Ануфриева

Важнейшим элементом криминалистической характеристики коррупционных преступлений в сфере деятельности ОВД является способ их совершения. Проанализируем способы непосредственного совершения сотрудниками ОВД коррупционных преступлений. Так, этап совершения коррупционного преступления сотрудником ОВД можно разделить два подэтапа:

1. Непосредственное совершение противозаконных действий (бездействия) путем использования должностных полномочий вопреки интересам службы в целях получения незаконного вознаграждения.

Виды противозаконных действий, совершаемых сотрудниками ОВД (бездействия) путем использования должностных полномочий вопреки интересам службы в целях получения незаконного вознаграждения, весьма разнообразны и определяются объемом полномочий конкретного сотрудника ОВД. Перечислить все возможные виды таких действий невозможно, по результатам анализа судебно-следственной практики среди наиболее часто встречающихся можно назвать следующие: незаконное освобождение от административной ответственности – 43,3 %; незаконный отказ в возбуждении уголовного дела – 20,5 %; незаконное прекращение возбужденных уголовных дел и незаконное освобождение от уголовной ответственности – 19,2 %; незаконное привлечение к уголовной ответственности; незаконное задержание – 6,4 %; необоснованное избрание меры пресечения в отношении подозреваемых – 3,2 %; другие действия – 7,4 %¹.

При этом, как показало проведенное исследование, в 47,3 % случаев сотрудники ОВД получают вознаграждение за совершение незаконных действий и 52,7 % – за незаконное бездействие. Действия выгодополучателя на данном этапе соответственно заключаются в

---

¹ Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебно-го разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД. Новосибирск: НГТУ, 2014. С. 73–74.

получении выгоды от противоправных действий (бездействия) коррумпированного сотрудника ОВД.

2. Передача вознаграждения за совершение таких действий.

Ключевую роль при расследовании коррупционных преступлений в сфере деятельности ОВД играют сведения о способе передачи незаконного вознаграждения за совершение коррумпированным сотрудником ОВД противоправных действий (бездействия) в пользу выгодополучателя. Многообразие и разнообразие предметов коррупционной деятельности порождает столь же многообразные и разнообразнее способы их передачи. Хотя по-прежнему в большинстве случаев предмет коррупционного преступления передается из рук в руки коррумпированному сотруднику ОВД либо его посреднику. Наряду с этим также встречаются замаскированные и изощренные способы передачи взятки.

Как показывают результаты исследования, типичными способами передачи незаконного вознаграждения являются следующие: из рук в руки (38,2 %); путем оставления в условленном месте (24,8 %); через посредника (19,2 %); путем предоставления услуг (6,2 %); путем перечисления на банковский счет (4,6 %); путем предоставления в собственность имущества по существенно заниженной стоимости (3,2 %); другое (3,8 %) ¹. В некоторых ситуациях для маскировки противоправности выполняемых операций совершаются другие, внешне выглядящие как законные.

Немаловажным является использование коррупционером при передаче взятки транспортного средства (42,3 %), что создает возможность скрыться при попытке задержания с поличным (3,1 %) либо избавиться от избыточных доказательств во время преследования (5,7 %). Кроме того, встречаются случаи оказания активного сопротивления (5,7 %) и попытки уничтожить следы преступной деятельности (26,8 %) при задержании.

Таким образом, исследуемая категория преступлений обладает сложным содержанием и предполагает выполнение в несколько этапов (подготовка, совершение, сокрытие преступления) отдельных групп операций, направленных на достижение преступного результата и представляющих собой часть единого способа преступления. В каждой из этих групп выделяются свои действия, приемы и их признаки, имеющие криминалистическое значение.

---

¹ Ануфриева Е.А. Указ. соч. С. 74.

ЦЕЛЕВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ ТАКТИКИ ДОПРОСА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DOI 10.17223/9785751123628/54

Р.Л. Ахмедшин

В истории развития допроса можно выделить достаточно четкие периоды, характеризующиеся разнонаправленностью организации допроса как способа познавательной деятельности.

- Допрос в Древнем мире. Здесь необходимо обратить внимание не столько на ранние формы процессуальной регламентации проведения допроса, сколько на четко обозначенный интерес к психофизиологическим реакциям, сопровождающим ложные показания. Законы Ману, Нарады содержат достаточно подробные упоминания о признаках и способах выявления лжи лицом, дающим показания. Методики определения лжи на уровне ритуалов (Ливия, Спарта, Индия) сопровождалась научными исследованиями ложных показаний (Авиценна, 1020), предоставляя протокриминалистам надежный тактический инструментарий. Криминалистическое знание было ориентировано на узкопрофильных специалистов, передающих знания из поколения в поколение. Рассматриваемый период – олицетворение чистого, незамутненного ненужной материей тактико-криминалистического знания. Ремиссия данного периода случается в периоды сильных экономико-социальных потрясений, аналогичных тем, которые наблюдались в России в 90-е гг. XX в.

- Допрос в эпоху античности. Регламентация заменяет эффективную методику расследования. Понятно, что о полноценной регламентации допроса речи еще не идет. Возможно, отход от необходимости исследования признаков лжи обусловлен увеличением числа источников доказательств; так, кроме допроса к таковым стали относиться пытка и присяга. Однако, на наш взгляд, подобный отход стал результатом того, что в процессе расследования опытных «стражей» заменили юристы-чиновники, традиционно обладающие невысокой степенью профессиональных навыков, если они не сводились к воспроизведению заученных норм.

- Допрос в Средневековье (инквизиционный процесс). В рассматриваемом случае пытка становится основным приемом воз-

действия на допрашиваемого. Обоснованием этого послужило убеждение, что факт существования дьявола церковью был точно установлен. Нельзя сводить инквизиционный процесс только к пытке, хотя, без сомнения, она часто выступала центральным источником доказательства вины обвиняемого. Как интенсивное интеллектуальное познание процесса преступления в период античности был заменен формализацией процедуры, так в период Средневековья оно было заменено пыткой. Пытка как легкий, преисполненный искушения способ получения доказательств затормозила пусть и эмпирическое развитие криминалистической тактики. Пытка – инструмент закрытых структур, проводящих расследование, независимо от эпохи (инквизиция и ЦРУ США), характеризующихся малым профессиональным опытом сотрудников.

- Допрос в Средневековье (розыскной процесс). Напомним, что суть розыскного процесса состоит в том, что судья наряду со своими функциями осуществлял функции обвинительные и следственные. «В розыском уголовном процессе было обращено внимание на тактику судебного разбирательства. Дальнейшее развитие допроса теснейшим образом связано с тактикой судебного, а затем и предварительного следствия». Розыскной процесс характеризовался высокой степенью алгоритмизированности. Переоценка роли инструкций – следствие замены юриста-чиновника из античности на аристократа-начальника Средневековья, т.е. лишь следствие падения профессионального и интеллектуального уровня судей.

Вышесказанное наглядно иллюстрирует, что развитие тактики проведения следственных действий определяется не развитием криминалистического знания и смежных с ним областей науки, не развитием нормативной составляющей, а предопределяется качественно-количественными характеристиками следственного корпуса в конкретный период времени.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ОТ ИНЫХ ВИДОВ СВЯЗЕЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/55

А.В. Батраков

Любое совершенное преступление воспринимается лицом, ведущим расследование, как событие прошлого. Воссоздать в сознании картину произошедшего события возможно по следам, оставшимся к моменту расследования, в виде материальных объектов измененной окружающей среды и в виде идеальных, запечатленных в памяти людей. Такая двойственная природа сохранившихся следов, используемых для моделирования последовательности протекания события преступления, и иных связанных с ним обстоятельств для любого криминалиста не является новой. Процедура воссоздания в сознании картины прошлого события представляет собой мыслительную деятельность, направленную на восстановление цепочек причинной связи по имеющимся обрывкам прошлого, зафиксированным в настоящем, которые являются по своей сути следствиями в цепочках причинной зависимости. По этим неполным следствиям мы пытаемся сделать заключение об имевшихся в прошлом причинах (т.е. обстоятельствах совершенного преступления).

Выявленные в ходе расследования цепочки причинных зависимостей имеют значительные деформации, т.е. достаточно сильно искажены, поэтому картина прошлого события представляется не всегда верной. Фактор времени влияет на уничтожение следов прошлого. Неоднократное переотражение фактов с одних носителей на другие также приводит к искажению получаемой информации. Кроме того, для восстановления цепочек причинных зависимостей используется метод аналогии, где утраченные факты причинных цепочек заменяются на схожие.

Очень важно осознавать, что речь идет о воссоздании именно цепочек причинной зависимости, т.е. о генетической связи, в которой причина с необходимостью порождает следствие. Искажение цепочки причинения может привести к подмене звеньев в цепи причинения (фактов) на несвязанные факты, являющиеся основой другой цепочки причинения, которые соотносятся с генетической только мнимо.

В природе наличествует достаточное количество других видов связей, имеющих сходную основу с генетической связью, могущих

по каким-либо основаниям объединять различного рода объекты, обстоятельства, явления, не связанные отношениями причинности. Именно подобного рода ошибочные решения, сопряженные с подменной генетической связи на иные виды связей, наиболее опасны с точки зрения объективности расследования.

Очень близкой по своей форме к генетической связи является связь сосуществования (объемная связь), которую часто воспринимают за причинную. Например, обнаружение на месте происшествия какого-либо объекта, оказавшегося там случайно, может быть воспринято ошибочно как закономерное (связанное с событием преступления). Такого рода ошибки часто возникают, когда на месте преступления обнаруживаются следы пальцев рук или биологические вещества, принадлежащие предполагаемому преступнику, но их появление не связано с преступным событием. Возможно, появление подобных объектов является чьим-то намерением.

Кроме объемной, существует связь функциональная, при которой объекты ошибочно объединяются по сходному механизму образования или действия. А также существует связь преобразования, предусматривающая сходные изменения объектов при определенных условиях, что тоже часто воспринимается как генетическая связь.

В основе данных связей (объемной, функциональной, преобразования) не лежат цепочки причинных зависимостей преступного события, они развиваются параллельно, но воспринимаются ошибочно включенными в причинную цепь.

Разработка методики распознавания признаков подмены генетической связи может быть отнесена к числу важных задач криминалистики.

ПРАВИЛА, ПОРЯДОК И ПРИЕМЫ ДОПРОСА

DOI 10.17223/9785751123628/56

А.И. Баянов

Нормы уголовно-процессуального закона, регулирующие производство следственных действий, в том числе и допроса, состоят из правил, порядка и приемов. Понятие «правила», «порядок» содержатся в текстах правовых норм, относящихся к производству допроса (ст. 188, 189 УПК РФ). Понятие «прием» отсутствует, несмотря на

то, что в отдельных нормах имеются указания на возможное применение приемов допроса: постановку вопроса, предъявление доказательств (ч. 2, 3 ст. 190 УПК РФ), разъяснение положений закона (ч. 2 ст. 191 УПК РФ) и т.д.

Правила, порядок и приемы допроса, закрепленные в нормах уголовно-процессуального закона, являются правовыми средствами следственного действия. Закон устанавливает правила допроса, порядок его проведения и отдельные приемы, но не раскрывает их содержание и связи между собой. Аналогичное положение наблюдается в юридической литературе, за исключением приемов допроса, природа которых достаточно подробно исследована и раскрыта. Между тем исследование содержания правил и порядка допроса, выявление их видов, взаимных связей будут способствовать не только структуризации теории следственных действий, но и оптимизации уголовно-процессуального закона.

Общим по содержанию и объему к порядку и приему допроса является правило его производства. В теории права «правило» относится к системе «нормативных обобщений», которые рассматриваются как важнейшие свойства права.

Содержание, которое законодатель вкладывает в понятие «правило», относится к наиболее существенным (после принципов) нормативным предписаниям. Эти предписания могут касаться различных сторон подготовки, проведения и оформления результатов допроса. Они обязывают совершение определенных действий, позволяют их совершение или категорически запрещают. Правила допроса формируют процессуальные условия, обеспечивающие достижение цели допроса и придание полученным показаниям свойства допустимости.

Порядок характеризует операционную сторону допроса, которая предполагает очередность (последовательность) совершения отдельных действий, предусмотренных в правилах его производства. Знакомление участников уголовного судопроизводства с порядком производства следственного действия рассматривается как выполнение одного из его правил (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Таким образом, правило допроса по содержанию и по объему шире, чем порядок его производства. Порядок производства допроса является частью правил допроса и устанавливает очередность действий (приемов).

Регламентируя наиболее существенные предписания, касающиеся правил и порядка допроса, уголовно-процессуальный закон не

может регулировать весь спектр средств, необходимых для его производства. Значительная часть правил и порядка допроса содержится в криминалистике и адресована участникам допроса в виде рекомендаций. Некоторые рекомендации криминалистики, несмотря на отсутствие нормативного закрепления, носят обязательный характер. Реализация других зависит от наличия определенных факторов (характера ситуации, особенности личности допрашиваемого и т.д.) и предполагает возможность выбора. Например, обязывающий характер имеют правила построения вопросов. Несоблюдение этих правил приводит к признанию вопроса наводящим и запрещенным к постановке (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Что касается порядка постановки отдельных вопросов, последовательности предъявления доказательств и т.п., то, применяя рекомендации криминалистики, допрашивающее лицо имеет право выбора.

Порядок допроса состоит из очередности производства отдельных приемов. Приемы допроса можно разделить на две группы: процессуальные и криминалистические. Процессуальные приемы допроса указаны в нормах уголовно-процессуального закона.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ УМЫСЛА НА СОВЕРШЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА

DOI 10.17223/9785751123628/57

В.Ю. Белицкий

В процессе юридической оценки деяния, подпадающего под признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ «Мошенничество», наибольшие трудности на практике вызывает определение направленности умысла лица.

Анализ материалов судебно-следственной практики позволяет говорить о том, что установление умысла лиц, совершивших мошенничества, возможно только на основе достаточной совокупности доказательств.

Таковыми могут являться:

1) установление фактов нереальности и необоснованности взятых обязательств, на что может указывать то, что:

– у лица отсутствует возможность для исполнения обязательства (нет необходимого имущества, отсутствуют договорные обязатель-

ства с другими контрагентами, необходимая материально-финансовая база и пр.);

– полученные денежные средства (имущество) изымаются из оборота субъекта предпринимательской деятельности и расходуются в личных целях: на неоправданно высокую заработную плату, материальное поощрение, выдачу беспроцентных ссуд, совершение заведомо убыточных сделок и т.д.), а равно на иные цели, не связанные с исполнением обязательства и не в интересах хозяйствующего субъекта;

2) установление фактов использования подложных данных о лице – стороне в обязательстве (использование подложных документов, удостоверяющих личность, заключение договора от имени иного лица, установление подложных данных о лицах, указанных в качестве учредителей в учредительных документах юридического лица, иные нарушения, допущенные при регистрации юридического лица, если договор заключен от имени юридического лица);

3) нарушение действующего законодательства при ведении бухгалтерского учета, а равно полное его отсутствие;

4) нарушение порядка приема и хранения денежных средств, полученных от потерпевших, их неполное (частичное) приходование;

5) непредоставление документов на лицензирование, если в уставе юридического лица содержатся положения о ведении только определенного вида лицензируемой деятельности (специальная правоспособность) и завладение имуществом или правом на имущество осуществлено от имени юридического лица;

6) установление фактов сокрытия информации о деятельности организации, а равно сообщение ложных сведений об её деятельности.

Совокупность собранных по делу доказательств об указанных выше обстоятельствах, полагаем, может указывать на наличие обмана как на этапе завладения чужим имуществом, так и на этапе распоряжения им.

Помимо этого, к числу доказательств, косвенно указывающих на наличие умысла на совершение мошенничества, могут указывать следующие выявленные в ходе расследования обстоятельства:

– подписание финансовых документов лицами, которые не имеют на то соответствующих полномочий;

– выдача ценных бумаг (векселей или акций) без должного учета;

– прием вкладов по договорам, форма которых не соответствует содержанию, и некоторые другие.

Значение этих фактов как доказательства умысла на совершение хищения в момент завладения чужим имуществом определяется тем, что они содержат в себе элемент обмана лиц, с которыми лицо (субъект преступления) вступает в договорные отношения. Вместе с тем отметим, что взятые по отдельности, т.е. вне системы, данные факты не могут служить основанием для однозначного вывода о преступном намерении. Только совокупность косвенных доказательств может быть приравнена по своему значению к прямому доказательству при доказывании умысла на совершение хищения.

**ТИПИЧНЫЕ ИСХОДНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ,
ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ЖУРНАЛИСТОВ
И СВЯЗАННЫХ С ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

DOI 10.17223/9785751123628/58

М.А. Бойко

Одним из основных факторов, влияющих на эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в отношении журналистов и связанных с их профессиональной деятельностью, является правильная и своевременная оценка следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования данной категории дел.

Следственная ситуация, являясь чрезвычайно сложной и значимой в силу своей многогранности и важности в формировании методики расследования отдельных категорий дел, и до настоящего времени порождает научные дискуссии относительности своего понятия и сущности. Одними авторами следственная ситуация рассматривается как система информации и доказательств по делу¹, други-

---

¹ Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 509; Корноухов В.Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений // Материалы научной конференции. Красноярск, 1972. С. 93.

ми – как модель¹, третьими – как обстановка и условия расследования². Основываясь на анализе криминалистической литературы относительно следственной ситуации, полагаем, что под следственной ситуацией следует понимать обстановку, характеризующую совокупностью фактических и иных данных, отражающих существенные черты, ход и события преступления³.

Из всех компонентов, составляющих начальную следственную ситуацию по исследуемой нами категории дел, наиболее значимо рассмотрение именно ее информационных и психологических составляющих, определяющих полноту информационного обеспечения первоначального этапа расследования, а также ее конфликтный или, наоборот, бесконфликтный характер.

Изучение судебно-следственной практики по делам о преступлениях, совершаемых в отношении журналистов и связанных с их профессиональной деятельностью, позволяет выделить следующие типичные исходные следственные ситуации по делам данной категории:

1. Имеется информация о событии преступления и о лице, совершившем преступление, налицо связь преступления с профессиональной деятельностью.

2. Имеется информация о событии преступления и о конкретном лице, его совершившем, однако недостаточно ясна сущность действий виновного.

3. Имеется информация о событии преступления, личность преступника не установлена, однако установлена связь преступления с профессиональной деятельностью потерпевшего.

4. Имеется информация о событии преступления, сведения о виновном лице незначительны или отсутствуют, связь преступления с профессиональной деятельностью потерпевшего не установлена, но предполагается.

Выделение типичных исходных следственных ситуаций позволяет правильно уяснить обстановку, выдвинуть следственные версии и определить направления расследования по делам о преступлениях, совершаемых в отношении журналистов и связанных с их професси-

---

¹ Драккин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск: СЮИ, 1975. С. 28.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1999. Т. 3. С. 135.

³ Гавло В.К. Следственная ситуация // Следственная ситуация: сб. науч. трудов. М., 1985. С. 40.

ональной деятельностью. Их исследование является одной из важнейших задач в методике расследования данных преступлений.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ОРД

DOI 10.17223/9785751123628/59

Б.Б. Глазунов

Несмотря на то, что наука об ОРД в последние годы развивается интенсивно, многие стороны ОРД, включая вопрос о принятии ее субъектами решений, остаются малоисследованными.

Как известно, в правовой науке различают правовые и фактические основания принятия решений. Установление их соответствия представляет собой не что иное, как обоснование принимаемого решения. ФЗ об ОРД, например, содержит перечень правовых оснований принятия решений о проведении ОРМ (ст. 7 ФЗ об ОРД). Указание в законе на основания принятия решений придает ОРД процедурный характер, способствует укреплению законности в этой сфере и предупреждает произвол. Учитывая, что закон – это один из объективных факторов в механизме принятия правовых решений¹, основания принятия решений, закрепленные в ФЗ об ОРД, с известной долей условности можно считать объективными². Объективные, юридические основания принятия решений в ОРД являются предметом интереса научного сообщества, публикаций на эту тему достаточно много. Субъективные основания принятия решений в ОРД исследованы явно недостаточно. Между тем они являются существенным фактором, влияющим на выбор решения. Представляется, что к субъективным основаниям принятия решений в ОРД, в частности, допустимо отнести неписанные нормы корпоративной этики, обычаи, установки руководителей органов, осуществляющих ОРД, стереотипы мышления, мифы и др.

Эти основания могут вступать в противоречие с объективными правовыми основаниями. В подобных случаях субъективные основания становятся негативными, поскольку здесь закон воспринимается

---

¹ См.: *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 76–89.

² Всякое решение субъективно, поскольку принимается субъектом деятельности.

ется оперативными сотрудниками как «досадная помеха», которую необходимо преодолеть на пути борьбы с преступностью.

Остановимся отдельно на мифах в ОРД. Мифом, согласно А.М. Пятигорскому, является «все то, что не отрефлексировано» и «то, над чем мы уже и не хотим думать»¹. Любой человек и любая общность живут в своем пространстве мифологии, однако нас в данном случае интересует мифология, которая возникает и воспроизводится в органах, осуществляющих ОРД, которые представляют собой закрытые, обособленные корпорации со своей идеологией, порождающей мифы.

Мифическими являются представления оперативных сотрудников о том, что знания о тактике ОРД являются сведениями, содержащими государственную тайну; о пользе секретности научного знания о тактике ОРД для оперативной практики; об уникальности тактики ОРД; о том, что ужесточение санкций УК РФ способствует борьбе с преступностью; о том, что более приоритетной задачей для ОРД является не предупреждение, а пресечение преступлений, и т.д. Наконец, еще один миф: многие оперативные сотрудники полагают, что задачей ОРД является борьба с преступностью. Таким образом, процесс борьбы с преступностью воспринимается как цель (задача). При таком смешении понятий цели и задачи ОРД, установленные законом, становятся абстракцией, на которую оперативные сотрудники не ориентируются в практической деятельности. Следовательно, представителям науки об ОРД необходимо уделять большее внимание субъективным основаниям принятия решений в ОРД.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

DOI 10.17223/9785751123628/60

Н.С. Дергач

В криминалистической литературе имеется тенденция отождествления понятий «планирование» и «моделирование». Хотя методологически правильнее было бы эти методы рассматривать как само-

---

¹ Мифология и сознание современного человека / Стенограмма лекции философа Александра Пятигорского, прочитанной 21 февраля в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру». URL: <http://polit.ru/article/2006/03/02/pjatigorsky/> (дата обращения: 13.01.15).

стоятельные виды мыслительной деятельности следователя. План представляет заранее намеченный порядок осуществления целей, задач, либо какой-то программы. В плане определяются последовательность действий, пути, цели и средства их достижения. Заметим, что планировать можно различными способами. Вполне возможно, в частности, подключить к нему и моделирование. С учетом полученной из модели информации может быть разработан детальный план допроса, рассчитанный на несколько ситуаций и в силу этого более эффективный.

Можно сделать вывод, что оптимальные зависимости, полученные из модели, реализуются на объекте, определяют его будущую работу и могут быть оформлены в виде плана. В этом ракурсе моделирование можно рассматривать как средство планирования¹.

В криминалистике нет проблем, которые прямо или косвенно не были бы связаны с моделированием либо преступной деятельности, либо деятельности по расследованию преступлений. Как отмечает М.К. Каминский, любая модель M по существу является специально построенной системой, замещающей основную структуру объекта M и позволяющей поэтому изучать объект M , оперируя с моделью M^2 .

Моделирование – средство приращения (увеличения) информации о моделируемом объекте. Феномен моделирования – интериоризация – кроется в самом процессе моделирования, при котором осуществляется переход внешних по своей форме явлений в форму мыслительную, протекающую в умственном плане, в плане сознания. При этом исходные представления подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, преобразуются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности³.

Содержание объекта – суть закономерности противодействия двух типов деятельности – в теоретическом плане еще достаточно не исследовано. Однако отмечено, что преступная деятельность и деятельность по расследованию представляют собой не две автономные системы, а взаимосвязанные и симметричные по структуре.

---

¹ Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учеб. пособие. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. С. 6.

² Асташкина Е.Н., Марочкин Н.А. Криминалистические алгоритмы в расследовании квартирных краж на первоначальном этапе расследования. Саратов, 2009. С. 19.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. С. 55.

Единообразное понимание смежными науками структуры модели преступной деятельности должно относиться и к статическому, и к динамическому (фазовому и функциональному) аспектам. Именно динамический аспект выделяется в исходных представлениях и определениях механизма преступления¹. Они, как это и бывает на начальном этапе изучения, носят узкопредметный характер и в целом не претендуют на междисциплинарное значение, но затем, окрепнув, начинают выходить за рамки отраслевой науки.

Так, например, фундаментальное совместное исследование криминалистов и процессуалистов в области теории доказательств и доказательственного права на долгие годы предопределило разрешение ряда вопросов во всех отраслях юридической науки. Или, скажем, полидисциплинарное в настоящее время понятие «способ преступления» в начале XX в. было понятием сугубо криминалистическим, но, превратившись в научную категорию, это понятие постепенно и незаметно покинуло пределы криминалистики и обнаружилось в некриминалистических областях: сначала в уголовно-правовом учении о составе преступления, потом в криминологии, а затем и в процессуальной теории доказательств и т.д. Объективно такой процесс межнаучной интеграции, конечно, будет происходить всегда, но всегда происходит с инерционным запаздыванием. Такое утверждение приобретает особый вес, когда речь идет именно о преступлениях в сфере экономики, преступлениях экономической направленности – экономической преступности.

ОПАСНЫЕ ФАКТОРЫ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЗРЫВОВ И ПОЖАРОВ НА УГОЛЬНЫХ ШАХТАХ И РАЗРЕЗАХ

DOI 10.17223/9785751123628/61

Р.Г. Драпезо, О.Д. Сергеев

Момент взрыва и пожара на угольных шахтах и разрезах, а также некоторое время спустя, характеризуется комплексом опасных для человека факторов. По рекомендации Л.В. Петрова², а также приня-

---

¹ *Ищенко Е.П.* Криминалистика: учеб. / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2011. С. 126.

² *Петров Л.В.* Классификация повреждающих факторов пожара // Материалы VI Всерос. съезда судебных медиков: Перспективы развития и совершенствования судебно-
122

той в судебной медицине, повреждающие факторы классифицируются на 4 группы. Исходя из комбинированного действия взрыва, огня и ограниченного пространства, нами была внесена некоторая модификация в классификацию повреждающих факторов.

К числу повреждающих факторов можно отнести:

1. Механические факторы, возникающие при взрывах газово-угольной смеси. При этом возможно как первичное действие взрыва, что характеризуется наличием пламени воздушных волн, так и вторичное, когда в воздухе оказываются обломки машин, механизмов, куски угля, грунта.

2. Действие высоких температур до 2000 °С: а) термические ожоги и как возможное следствие термический шок; б) повышение содержания СО в воздухе; в) снижение содержания О₂.

3. Твердые дисперсионные продукты, образующиеся после взрыва и/или горения. В условиях шахт это особенно опасно, так как: а) взвеси шахтной пыли, могут скапливаться в дыхательных путях человека и как следствие, приводить к кислородному голоданию организма; б) повреждения органов слуха, зрения.

4. Химические факторы. В результате взрыва и пожара выделяется СО и другие токсиканты, а в результате снижения содержания О₂ образуется избыток СО₂.

5. Сопутствующие факторы: а) ограниченное пространство; б) получение электротравмы и т.п.

Актуальность 3-го и 4-го факторов состоит еще и в том, что НЬСО в крови может отсутствовать. Это, в свою очередь, может привести к ошибочной судебно-медицинской версии о попадании в область взрыва и пожара трупа, тогда как человек мог находиться еще в сознании. На такую атипичную ситуацию обращают внимание судебные медики, в частности В.Д. Яблочкин¹, который приходит к выводу об обязательном взятии пробы крови трупа на содержание не только НЬСО, но и на содержание токсикантов (цианистый водород, нитриты, альдегиды и т.п.). Кроме того, существует целый комплекс судебно-медицинских критериев, способствующих указать на обстоя-

---

медицинской науки и практики: посвященные 30-летию Всероссийского общества судебных медиков / под ред. Л.О. Барсегянц и др. Москва; Тюмень: Изд. центр «Академия», 2005. 316 с.

¹ Яблочкин В.Д. Экспертное значение определения летучих продуктов горения неметаллических материалов при исследовании крови погибших на пожаре // Судебно-медицинская экспертиза. 2000. № 6. С. 30.

тельности попадания тела в огонь, причину смерти и давность ее наступления¹.

В конечном итоге модификация классификации не является неким наукообразием, а может способствовать детализации ситуаций, версий и сбору достаточных доказательств виновности или невиновности тех или иных лиц к взрыву и пожару. Если следователь и судебный медик учтут 5 групп опасных факторов, то могут возникнуть минимум четыре ситуации: 1) тело обгорело и завалено обломками, грунтом (погибший, возможно, причастен к взрыву); 2) на теле есть ожоги, НвСО высокий, обломками и грунтом не завален (погибший возможно, причастен к взрыву); 3) на теле есть ожоги, НвСО низкий, токсиканты выше нормы, обломками и грунтом не завален (погибший, возможно, не причастен к взрыву); 4) ожогов нет, НвСО высокий/низкий, обломками и грунтом не завален (погибший, возможно, не причастен к взрыву).

Таким образом, знание повреждающих факторов и их трансформация в версии смогут способствовать быстрому раскрытию и объективному расследованию взрывов и пожаров на угольных шахтах и разрезах.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧЕ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

DOI 10.17223/9785751123628/62

В.В. Егошин

Осмотр места происшествия является неотложным следственным действием и должен быть проведен незамедлительно после получения сообщения о незаконной добыче водных биологических ресурсов.

Для участия в осмотре места происшествия целесообразно пригласить не только специалиста-криминалиста, но и в качестве специалиста инспектора рыбнадзора, не участвовавшего в задержании

---

¹ *Дранезо Р.Г.* Применение информационных технологий и математики в судебно-медицинской и оперативно-розыскной работе по делам об убийствах, сопряженных с огнем как орудием (способом) сокрытия преступления // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 21–27.

браконьеров, который может оказать помощь в описании добытых водных биологических ресурсов, орудий лова. Следует также учитывать удаленность места происшествия от населенных пунктов. В этой связи важно заблаговременно решить вопрос о приглашении понятых, если дознаватель сочтет их присутствие необходимым. Кроме того, для проезда к месту происшествия может потребоваться автомобиль повышенной проходимости, а для осмотра отдельных участков водоема – плавательные средства. Дознаватель должен взять с собой специализированный чемодан для работы на месте происшествия, средства видеозаписи или фотосъемки.

По прибытии на место происшествия дознаватель производит краткий опрос заявителей, очевидцев (если такие имеются) с целью дальнейшего уточнения характера произошедшего, определяет исходную точку и границы осмотра, а также метод и способ его производства. По делам данной категории целесообразно использовать субъективный метод осмотра, для этого к участию в осмотре целесообразно привлечь сотрудников рыбнадзора, производивших задержание браконьеров или обнаруживших преступление.

Объектами осмотра в данном случае могут быть: место добычи водных биоресурсов и установки орудий лова, добытые биоресурсы и орудия лова, места разделки и хранения добытого, транспортные средства браконьеров, место отдыха и употребления пищи, место задержания браконьеров. При осмотре добытых водных биологических ресурсов отмечается их наименование, размеры, вес (при возможности), состояние, количество выловленных ресурсов (отдельно по видам). В качестве дополнительных средств фиксации целесообразно использовать фотосъемку или видеозапись. При этом добытая рыба снимается крупным планом. Рыба является скоропортящимся продуктом и подлежит скорейшей реализации или отпуску в водоем, сохранить ее до рассмотрения дела по существу зачастую не получается. Следует помнить и о том, что отличить молодь сибирского осетра от стерляди только на основании описания практически невозможно. Впоследствии сам факт добычи именно осетра может быть поставлен под сомнение заинтересованными лицами, еще и поэтому целесообразно использовать указанные выше средства фиксации.

Если при производстве осмотра места происшествия присутствуют задержанные браконьеры, то видеозапись позволяет довольно точно зафиксировать их заявления по поводу принадлежности улова, орудий добычи рыбы, что вряд ли они смогут повторить после до-

ставления их в орган внутренних дел, а тем более после сообщения о возбуждении в отношении них уголовного дела. Кроме того, видеозапись фиксирует и само место совершения преступления. Это особенно актуально, если таковыми являются места нереста и миграционные пути к ним, особо охраняемые природные территории (например, заповедники, заказники), зоны экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации.

Кроме того, по делам данной категории случаев ввиду большого объема осмотра до окончания составления протокола целесообразно провести «контрольный осмотр». После небольшого перерыва (порядка 5–10 мин) дознаватель вместе с понятыми и другими участниками осмотра еще раз обходит место осмотра в целях обнаружения дополнительных следов преступления, не обнаруженных ранее.

ТАКТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УСЛОВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА

DOI 10.17223/9785751123628/63

А.Б. Жуков

Анализ теории и практики показал, что на сегодняшний день появляется всё больше работ, посвященных исследованию проблемы выбора нетрадиционных тактических приемов производства допроса, таких как учет биологических ритмов человека, использование запахов, музыкального фона, прием трилога.

В. Шапошникова считает, что учет биологических ритмов (упорядоченных во времени и предсказуемых изменений психофизиологических процессов) повысит результативность допроса. Так, наибольшая работоспособность наблюдается с 10 до 12 ч и с 15 до 18 ч; в 9 ч утра; 13–14 ч и 17, 21 ч наступает выраженная сонливость, т.е. в определённые периоды человек может допускать большее количество ошибок, что связано с ослаблением внимания. Подтверждено, что «совы» в утренние часы делают в 1,5 раза больше ошибок в тестах на внимание, чем «жаворонки» и, наоборот, в вечерние часы¹.

---

¹ Шапошникова В. Значение хронобиологии для криминалистики / В. Шапошникова, Н. Китаев // Законность. 1997. № 11.

И.С. Лустиной описана практика создания наиболее благоприятной доверительной обстановки для успешного установления психологического контакта неконфликтного характера с допрашиваемой с учетом высокой восприимчивости людей к запахам. Обонятельные ощущения наиболее остры в тёплую, влажную погоду при хорошем освещении. Кроме того, обонятельная чувствительность повышается в начале дня и к вечеру. В связи с этим допросы проводились в теплых светлых кабинетах в период с 17 до 21 ч. За 10–20 мин до привода обвиняемой кабинет проветривался для исключения посторонних раздражителей; кусок шерстяной ткани опрыскивался соответствующими духами и помещался под стол. Допрашиваемым напоминали о положительных моментах прошлой жизни. Запах усиливал эмоциональное воздействие слов следователя, и, таким образом, человек настраивался на дачу правдивых показаний¹.

А.И. Баянов, В.А. Лабунская считают, что парфюмерные запахи важны также и для допрашивающего, так как выступают средством установления принадлежности человека к определенной микро- и макрогруппе и свидетельствуют об уровне его общей культуры².

Н.Н. Китаев указывает, что лица, содержащиеся под стражей, испытывают сенсорный голод, поэтому прослушивание любимых музыкальных произведений возбуждает какие-либо эмоции, которые формируют поведение. Таким образом, внутренняя установка на дачу ложных показаний, конфликтный диалог нейтрализуются под влиянием музыки. Перед использованием данного приема необходимо изучить личность обвиняемого: особенности его характера и темперамента. Для сангвиников, холериков предпочтителен громкий звук, у них повышается реакция на музыку в присутствии посторонних лиц; для меланхоликов сила музыкального фона не должна быть большой. Допрос должен проводить один следователь без присутствия иных лиц³.

---

¹ *Лустина И.С.* Нетрадиционные тактические приемы, используемые при производстве допроса // Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. Режим доступа: http://law.vl.ru/analit/show_a.php?id=783&pub_name=%CD%C5%D2%D0%C0%C4%C8%D6%

² *Лабунская В.А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 203; *Баянов А.И.* Невербальные приемы допроса // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности. Томск, 2014. С. 21.

³ *Китаев Н.Н., Ермаков Н.П.* Возможности использования музыки при допросе обвиняемого // Проблемы изучения личности участников уголовного судопроизводства. Свер-

А.С. Князьков в ряде работ раскрыл психологические возможности и доказал результативность абсолютно нового приема трилога. Суть данного приема заключается в переключении внимания, когда допрашивает следователь и, например, оперативный работник.

Итак, исследуя эту тему, можно сделать вывод, что вышеперечисленные психологические реагенты помогают создавать необходимую рабочую обстановку, но при условии использования в точном соответствии целям и задачам допроса.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СПЕЦИФИКУ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ

DOI 10.17223/9785751123628/64

И.А. Журавлева

Тактике допроса несовершеннолетних свидетелей присущи специфические особенности. Применение следователем тех или иных тактических приемов при допросе данной категории лиц зависит от особенностей психики детей и подростков. Эта специфика во многих случаях не позволяет использовать в отношении них тактику допроса, которая может быть избрана в аналогичной ситуации при допросе взрослого. Следовательно, данная специфика отражается и на выборе и применении тактических приемов в процессе допроса несовершеннолетних.

К психологическим особенностям несовершеннолетних следует отнести:

- меньший, чем у взрослых, объем знаний и опыта;
- несовершенство процессов восприятия, запоминания и воспроизведения;
- быструю утомляемость и меньшую способность к сосредоточенному вниманию;
- повышенную внушаемость;
- склонность к смешению реального и воображаемого;
- повышенную эмоциональность, подверженность резким сменам настроения.

Помимо особенностей психики, тактика допроса несовершеннолетних свидетелей строится также в зависимости от их отношения к расследуемому событию и к обвиняемому. По этому основанию можно выделить следующие группы несовершеннолетних свидетелей:

- очевидцы и иные добросовестные свидетели;
- подростки из ближайшего окружения обвиняемого;
- подростки, не достигшие возраста уголовной ответственности или в отношении которых уголовное дело было прекращено;
- малолетние свидетели (выделяются по возрастному признаку)¹.

Такое подразделение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку в зависимости от принадлежности конкретного несовершеннолетнего к той или иной группе следователь должен прогнозировать ситуацию, которая может сложиться на допросе, и выбрать соответствующие тактические приемы.

Кроме указанных аспектов, тактика допроса несовершеннолетних свидетелей зависит от их психологического состояния.

При этом тактические приемы, используемые при допросе подростков и детей, отличаются. Так, для изобличения малолетних во лжи нецелесообразно использование приемов эмоционального воздействия, так как они могут оказать негативное влияние на психику ребенка, вызвать у него отрицательные эмоции, переживание которых приводит к возникновению таких отрицательных психологических состояний, как напряженность, волнение, досада, злость, агрессия².

Приемы логического убеждения, применяемые при допросе подростков, в данном случае малоэффективны. Это объясняется, во-первых, тем, что ребенок не может понять самого факта изобличения, и, во-вторых, свойственным детям этого возраста упрямством.

Безусловно, при выборе тактических приемов следователь должен осуществлять индивидуальный подход к несовершеннолетнему, учитывая неповторимые особенности его личности.

---

¹ Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск: КрасГУ, 1991. С. 217.

² Прохоров А.О., Велиева С.В. Психические состояния детей дошкольного возраста // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 58.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА-БУХГАЛТЕРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/65

И.В. Иванов

Заключение эксперта-бухгалтера является самостоятельным видом доказательств (ст. 74 УПК РФ) и подлежит оценке согласно общим правилам, предусмотренным процессуальным законом (ст. 88 УПК РФ). Вопросам оценки заключения судебно-бухгалтерской экспертизы (далее – СБЭ) в учебной литературе по судебной бухгалтерии, а также в практических руководствах и справочниках уделяется значительное внимание. При этом большинство положений сводится к необходимости адаптации общих вопросов теории судебных экспертиз, касающихся оценки заключения эксперта, по отношению к СБЭ. То обстоятельство, что рассматриваемый вид экспертизы предполагает изучение экспертом некоторого объема (нередко весьма значительного) бухгалтерской документации, к форме и содержанию которой федеральное законодательство предъявляет перечень конкретных требований, выступает одним из оснований для выделения специфических черт СБЭ, учитываемых при оценке ее результатов. Таким образом, особенности объекта экспертизы, наряду с экспертными задачами, методами и иными факторами, позволяют определить приоритетные направления оценки заключения эксперта-бухгалтера.

Эксперт-бухгалтер исследует широкий круг разнообразных документов (записи неофициального учета, протоколы следственных действий и т.п.), однако для полноты и всесторонности исследования требуется изучение официальной бухгалтерской документации. Документы бухгалтерского учета, пригодные для исследования, надлежащим образом оформленные, вовлекаются в осуществление судебно-бухгалтерской процедуры и рассматриваются как носители экономической информации, которая может иметь значение для дела. Методы документального анализа, сориентированные на исследование ряда взаимосвязанных бухгалтерских документов, а также документов, отражающих однородные факты хозяйственной жизни, могут быть успешно применены при наличии достаточного объема представленных материалов. Изу-

чение экспертом-бухгалтером формы и содержания отдельных единичных бухгалтерских документов допускается, однако при оценке экспертного заключения в таких случаях следует обращать особое внимание на адекватность применяемых экспертом методов вопросам, поставленным при назначении экспертизы, с учетом их значения для расследования в целом.

Научное обоснование установленных по итогам изучения бухгалтерской документации сведений должно быть представлено в исследовательской части заключения эксперта¹. При оценке также следует обращать внимание на общую пригодность документов для исследования ко времени назначения экспертизы. В специальной литературе отмечены ситуации, когда естественная или умышленная порча бухгалтерской документации, осуществленная до момента ее представления эксперту на изучение, послужила основанием для невозможности дачи заключения по поставленным вопросам².

Практически важным при осуществлении оценки заключения СБЭ является учет субъективных качеств эксперта и объективных ограничений его компетенции. Методы и приемы документального анализа, которыми владеет эксперт, должны соответствовать потребностям современной практики расследования уголовных дел в сфере экономической деятельности. Выводы, полученные в результате применения соответствующих приемов, как правило, позволяют конкретизировать размер ущерба от преступления, установить временной отрезок совершения противоправного деяния, лиц, его совершивших, уяснить существо правонарушения. Особого внимания при оценке заключения СБЭ требует также проверка наличия и правильности употребления экспертом экономической и юридической терминологии.

---

¹ См.: *Котенева Т.В., Черномырдина Е.В.* Методологические основы судебно-бухгалтерской экспертизы. М., 2014. С. 181.

² См.: *Дергач Н.С., Извекова Н.Б.* Назначение и производство судебно-бухгалтерской экспертизы и ее доказательственное значение. Томск, 2003. С. 55.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

DOI 10.17223/9785751123628/66

Д.А. Казанцев

Успех в расследовании преступлений в решающей мере определяется эффективностью и оптимальной последовательностью всех необходимых по конкретному делу следственных и иных действий, чем создается необходимая и достаточная база доказательств для принятия законных и обоснованных процессуальных решений по делу. Следует согласиться с А.Г. Филипповым, который рассматривает криминалистическую тактику как систему следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств по уголовным делам¹. Тем не менее ряд ученых-криминалистов, включая некоторых авторов учебников по криминалистике, в систему криминалистической тактики включают задержание и эксгумацию. При этом уголовно-процессуальный закон определяет задержание как меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 ч с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, а эксгумация определяется только лишь как извлечение трупа из места захоронения для судебно-медицинской или криминалистической экспертизы².

Процессуальные действия следователя независимо от их непосредственной задачи в совокупности направлены на всестороннее, полное и объективное расследование уголовного дела. В таком смысле все процессуальные действия следователя по уголовному делу, казалось бы, должны называться следственными. Однако в юридической литературе принято именовать следственными лишь те из них, которые, в отличие от других процессуальных действий следователя (вынесение постановлений о направлении дела, избрание мер пресечения, разъяснение прав участникам процесса и т.д.), направлены на обнаружение, проверку и закрепление доказательств³.

---

¹ Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Спарк, 2005. 750 с.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. 904 с.

³ Рыжаков А.П. Задержание как следственное действие. [http://www.lawmix.ru/ comm/](http://www.lawmix.ru/comm/)

Допущенное смешение понятий, одновременное признание, например, задержания и следственным действием и мерой процессуального принуждения; эксгумации и следственным действием и иным процессуальным действием приводит к возникновению определенных противоречий, которые вызывают трудности в практической деятельности субъектов доказывания. В криминалистическом смысле здесь речь, скорее всего, идет не об акте водворения задержанного в ИВС либо действиях по извлечению трупа из места захоронения, а о совокупности тактико-криминалистических мероприятий, где задержание в тактическом смысле (как захват, поимка) и эксгумация как иное процессуальное действие выступают только их элементами.

Сказанное позволяет посмотреть на систему тактико-криминалистических средств, применяемых при расследовании, как на: а) следственные (судебные) действия (например, допрос, следственный осмотр) и комплексы тактико-криминалистических мероприятий, предназначенных для решения определенных задач (например, задержание и эксгумация).

Подводя итог, следует отметить, что рассмотрение содержания криминалистической тактики целесообразно в контексте не только вопросов тактики проведения отдельных следственных действий, но и комплексных тактико-криминалистических мероприятий по делам различной категории преступлений.

ЛОЖЬ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/67

М.В. Кондратьев

«Цель оперативно-розыскной деятельности¹ – предательство, а средство – провокация». Именно это высказывание довольно часто позволяют себе некоторые противники ОРД и оперативно-розыскной науки. Так ли это? Предательство и провокация чего или кого? И возможна ли постановка лжи на «службу» правопорядка? Попробуем в этом разобраться.

Мы полностью поддерживаем утверждения С.В. Зуева о том, что средства, применяемые в ходе ОРД, могут быть настолько различ-

---

¹ Далее – ОРД.

ными, что дать однозначную оценку их применению в конкретной ситуации порой бывает крайне затруднительно. Однако становится ясным, что государство признает допустимость обмана в правоохранительной деятельности: оно узаконило негласную работу, во многом основанную на дезинформации, обмане как средстве выявления и раскрытия преступлений. Обман противостоящего оперативному сотруднику лица не считается аморальным; не прибегая к обману, невозможно внедриться в организованную преступную группу или преступное сообщество, взять с поличным взяточника, вымогателя и т.п. А использование понятия «легендирование» вместо слова «обман», по сути, мало что меняет¹.

Под *легендой* в специальном значении понимаются вымышленные сведения о себе у того, кто выполняет секретное задание². *Вымысел* – это выдумка, ложь³. *Ложь* представляет собой намеренное искажение истины, неправду, обман⁴. А *обман* – это то же, что ложь или ложное представление о чем-нибудь, заблуждение⁵.

Таким образом, создание легенды для проведения определенного оперативно-розыскного мероприятия либо оперативно-тактической комбинации, по сути, представляет собой не что иное, как обман проверяемого или разрабатываемого лица, представляющего интерес для оперативных служб.

Особо примечательными в части рассматриваемой проблемы нам кажутся высказывания Н.Л. Бертовской, В.А. Образцова и Л.В. Бертовского, которые пишут: «...психологами давно доказано, что существует два типа лжи. Первый – аморальная, неприемлемая, осуждаемая общественным мнением намеренная ложь. Второй – ложь иного плана – ложь во благо, т.е. общественно полезная, морально оправданная, содержащая конструктивный потенциал, допустимая в оперативной и следственной деятельности ложь»⁶.

---

¹ См.: Зуев С.В. Противодействие организованной преступности в России и за рубежом (общетеоретические и прикладные проблемы права). М.: Юрлитинформ, 2013. С. 114.

² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 321.

³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 115.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Там же. С. 431.

⁶ См.: Бертовская Н.Л., Антикриминальная фикция как элемент технологии и тактики оперативно-розыскной и следственной деятельности / Н.Л. Бертовская, В.А. Образцов, Л.В. Бертовский // Оперативник (сыщик). 2014. № 4 (41). С. 6.

Нельзя не упомянуть и позицию В.Т. Томина, который не считает следователя или оперативного работника безнравственным, если он с целью изобличения подозреваемого введет его в заблуждение. По мнению В.Т. Томина, деятельность оперативных сотрудников будет безнравственной, если они не будут изобличать преступников и под влиянием неспецифической этики окажутся не в состоянии делать это¹.

Исходя из наших суждений, можно сделать вывод, что обоснованием лжи в правоохранительной деятельности должна являться ее исключительная цель – выявление, предупреждение, раскрытие преступлений и борьба с преступностью в целом. Преследуя только эти цели, ложь в оперативно-розыскной и следственной деятельности будет приемлемой и допустимой, а в некоторых исключительных случаях еще и крайне необходимой.

ГРАНИЦА МЕЖДУ ЗАКОННЫМ И ПРОТИВОПРАВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ПРИ ВЫБОРЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/68

Н.Ю. Лебедев

«Следственное действие», казалось бы, такое простое словосочетание, про которое написаны сотни, если не тысячи научных и учебных работ. Пожалуй, нет ни одной диссертации по уголовному процессу, криминалистике или оперативно-розыскной деятельности, в которых не подымались бы проблемы понятия, содержания и производства следственных действий.

Но законодательная неопределённость по-прежнему притягивает взоры криминалистов² и процессуалистов¹, пытающихся разгадать данное процессуальное явление.

---

¹ См.: *Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П.* Очерки теории эффективного уголовного процесса / под ред. В.Т. Томина. Пятитгорск, 2000. С. 11.

² *Шушпанов С.В.* Реверберация помещения – источник информации об условиях записи фонограмм // Сб. материалов криминалистических чтений / под ред. Ю.Л. Бойко. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. С. 125; *Стукалин В.Б.* Отдельные аспекты осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матер. 10-й Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. Ч. 1. С. 30–32.

Попробуем затронуть один из проблемных аспектов производства следственных действий, связанный с границей между законным и противоправным поведением следователя при выборе тактики производства следственного действия.

УПК РФ устанавливает обязательные правила проведения процессуальных действий, но раскрыть и расследовать преступление невозможно, опираясь только на нормы, закреплённые в источниках уголовно-процессуального права.

Практически любое следственное действие – это прежде всего взаимодействие, как минимум, между двумя людьми – следователем и простым человеком. Человеком, у которого свой характер, свой темперамент, жизненный опыт, свои проблемы. И задача следователя – попытаться не просто «сухо» исполнять предписания норм, а найти свой подход к каждому, используя тактические приёмы, разработанные криминалистикой.

Но не всегда криминалистические рекомендации соотносятся с правилами, прописанными в статьях УПК РФ. И на практике возникают вопросы о допустимости доказательств, полученных с применением различных криминалистических «ловушек» и «хитростей».

Например, законодатель внёс изменения в статью, регламентирующую производство допроса, и ужесточил время допроса несовершеннолетних в зависимости от возраста – до 7 лет не более 30 мин, до 14 лет – не более 1 ч, до 18 лет – не более 2 ч, но вопрос – возможно ли за 30 мин выполнить все требования УПК РФ (удостовериться в личности несовершеннолетнего и полномочиях законного представителя, психолога, защитника, далее разъяснить всем права, обязанности и ответственность), а ведь ещё нужно попытаться установить контакт и расположить к себе допрашиваемого – остаётся ли время на сам допрос? Или все перечисленные действия не входят в установленное законом время и засекать его нужно только с момента, когда следователь непосредственно переходит к выяснению обстоятельств, касающихся расследуемого преступления? И таких примеров можно приводить много.

---

¹ Степанов С.А. О необходимости совершенствования частной криминалистической методики расследования насильственных преступлений, совершённых военнослужащими внутренних войск МВД России // Сб. материалов криминалистических чтений / под ред. Ю.Л. Бойко. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. С. 100.

На наш взгляд, законодателю при разработке проектов и внесении изменений в статьи УПК РФ необходимо более внимательно изучать реалии практической деятельности¹ и обращать внимание на исследования, проводимые учеными-криминалистами.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ЧЕЛОВЕКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ДЕРМАТОГЛИФИКИ

DOI 10.17223/9785751123628/69

Е.С. Мазур, С.Ю. Телегин

Идентификация личности на протяжении длительного времени остается одним из наиболее актуальных разделов криминалистики. Это обусловлено как увеличением числа ежегодно выполняемых идентификационных экспертиз и исследований, так и повышением требований к доказательности экспертных заключений².

В современной дерматоглифике разработаны высокозначимые и информативные системы конституциональных признаков человека. Интерес к ним со стороны криминалистов наметился лишь в последние годы, т.е. гораздо позже, чем к исследованиям в области медицины, антропологии, педагогики, психологии и многих других наук³. До сегодняшнего дня все еще не сформировано цельное представление о возможностях методов дерматоглифики в криминалистике и о тех вопросах, которые могут быть решены благодаря их применению.

Можно выделить следующие задачи, решаемые с использованием методов дерматоглифики: определение пола и возраста, расы, длины тела, особенностей профессии человека, установление наличия или отсутствия шрамов, заболеваний и т.п.⁴

---

¹ Гумеров Г.Г. О необходимости реформирования досудебного производства // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2010. № 1. С. 157–160.

² Божченко А.П., Толмачев И.А., Моисеев С.А. и др. Возможности и перспективы судебно-медицинской дерматоглифики // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 3. С. 33–36.

³ Божченко А.П. Проблемы и перспективы дактилоскопии и дерматоглифики в криминалистической и судебно-медицинской экспертной практике // Судебная экспертиза. 2007. № 2. С. 29–36.

⁴ Самищенко С.С. Современная дактилоскопия: проблемы и тенденции развития. М., 2002. 132 с.

Следует отметить, что спектр возможностей решения традиционных задач по диагностике общих признаков личности на сегодняшний день весьма широк и находится на качественно более высоком уровне, чем прежде.

Так, в дерматоглифике установлено различие частоты встречаемости типов узоров, гребневого счета, ориентации и других узорных характеристик в группе высокорослых и низкорослых индивидуумов, астеников и пикников, у лиц с грудным, брюшным и мускульным соматотипами¹. Вместе с тем абсолютные значения соотношений частот встречаемости, как правило, невелики. Указанный факт длительное время являлся причиной отсутствия интереса к практическому их применению. Устранить имеющиеся трудности удалось с использованием методов моделирования на основе многомерного математико-статистического анализа: дискриминантного и множественного регрессивного для прогнозирования длины и типов пропорции тела.

Расширение круга ранее существующих методов описания дерматоглифической картины в пользу решения криминалистических задач в последнее время является характерной чертой исследований. В русле данной тенденции была усовершенствована система описания узоров пальцев, а также ладоней².

Разработанные и предложенные в практическую деятельность методы дерматоглифики с использованием логистической регрессии позволяют прогнозировать различные признаки человека³. Например, с вероятностью от 88 до 91 % могут быть установлены такие значимые признаки, как конституциональные – пол и типы пропорции тела.

Таким образом, достижения дерматоглифики ведут к серьезному обновлению и расширению круга используемых в криминалистической технике понятий и определений, а использование дерматоглифических методов в раскрытии и расследовании преступлений является востребованным и перспективным направлением. В частности,

---

¹ Богданов Н.Н. Тайные коды тела. М., 2007.

² Мазур Е.С. Новый подход в экспертной оценке особенностей ладонной дерматоглифики // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 363. С. 135–139.

³ Божченко А.П., Толкачева А.А., Теплов К.В. и др. Экспертные возможности судебно-медицинской дерматоглифики // Использование специальных знаний в уголовном праве, уголовном процессе и криминалистике: сб. матер. круглого стола / под ред. Е.И. Сусенкова. Томск, 2012.

можно установить вероятностные связи между папиллярными узорами ладонных поверхностей и конституциональными признаками человека. Данная информация существенно расширяет поисковые возможности проверки следственных версий о неизвестном преступнике.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ В XX в.

DOI 10.17223/9785751123628/70

О.А. Негодина

Развитие почерковедения в начале XX столетия можно охарактеризовать следующим высказыванием русского ученого Е.Ф. Буринского: «Наука о почерках находится еще в зачаточном состоянии и не получила до настоящего времени официального признания. Представитель этой отрасли знания лишен возможности ссылаться на положения, выработанные и установленные наукой, или опираться на мнения авторитетных ученых, как делают это, например, судебные медики»¹. Именно с именем Буринского связывают появление новой области знаний – «судебное почерковедение». В своей работе «Судебная экспертиза документов» (1903) он раскрыл механизм письма (согласно существующим на тот момент представлениям), описал некоторые патологические признаки письменной речи и почерка, разработал основы их систематизации. Воззрения ученого повлияли на создание самостоятельного раздела криминалистической техники – судебное почерковедение, основанного на фундаментальных положениях отечественной физиологии.

Область криминалистического знания в период с начала 20-х и до середины 30-х гг. XX в. характеризуется появлением первых работ отечественных ученых, в которых уделялось внимание судебному почерковедению. Начинается активное обсуждение вопроса значимости проведения экспертиз для процесса расследования. До этого русские ученые, в основном, занимались переводом на русский язык трудов зарубежных авторов.

---

¹ Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М., 2002.

С середины 30-х и до середины 50-х гг. XX в. возникли предпосылки для дальнейшего развития знания: были разработаны общие научные основы судебного почерковедения, система общих и частных признаков почерка, применяемая при проведении идентификационного исследования. Недостаточным стало уже лишь обсуждение значимости почерковых объектов, ведь к середине XX в. появилась необходимость разработки теоретических основ и общей методики идентификационной почерковедческой экспертизы. Разработанные учеными данного периода научные положения повысили авторитет почерковедческой экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений.

Новый виток в развитии экспериментальных методов исследования с середины 50-х и до начала 70-х гг. XX в. позволил достичь более высокого уровня проводимых экспериментов. К тому же теоретическая база для новых открытий была уже создана. Рассматриваемый этап характеризуется углубленным изучением закономерностей письма в целом и почерка в частности. Акцентируется навыковая сущность, индивидуализирующая почерк каждого. В экспертной деятельности стала появляться необходимость в разработке методик диагностического исследования почерка. Как результат – начались работы в Харьковском, Киевском, Минском, Ташкентском НИИСЭ, в Центральном ВНИИСЭ по исследованию возможностей почерковедческой экспертизы в области решения диагностических задач.

Таким образом, первоначально накопление знания в почерковедении строилось на изучении отображения физиологических закономерностей в письме, безотносительно решения определенных экспертных задач; в то же время нельзя не отметить, что идентификация исполнителя рукописи всегда являлась первоочередной целью всех проводимых исследований. С появлением специальных методов и вовлечением в исследования вопросов психологии и физиологии обозначилась проблематика диагностики по почерку отдельных обстоятельств. С позиции общей теории криминалистической диагностики современное состояние почерковедческой диагностики характеризуется недостаточным уровнем развития теоретической основы, потому что основные работы посвящены преимущественно решению практических задач. Вместе с тем эти исследования создают солидную эмпирическую базу для построения теории диагностических почерковедческих исследований.

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DOI 10.17223/9785751123628/71

И.А. Обухов

В ряде государств, как на Ближнем Востоке, а теперь уже и Европы, в условиях политической напряженности прослеживается всплеск террористически настроенных группировок, совершающих преступления против человечества¹. Особая опасность в деятельности террористических организаций в том, что они не ограничиваются территориальными образованиями, на которых расположены их базы. Наоборот, большую активность террористических организаций можно наблюдать на территориях сопряженных государств, в чем им активно способствует ряд факторов, включая влияние заинтересованных спонсоров терроризма².

Территория нашего государства не является исключением, на что указывают периодические сводки от различных официальных источников о деятельности на территории России различных экстремистских и террористических групп, лидеры которых находятся за её пределами.

Особенно большой рост междоусобных конфликтов в России, пришелся на долю Северокавказских республик в середине 90-х гг. прошлого века – начале 2000-х гг. В тот период налаживанию связей между членами международных террористических групп и представителями радикально настроенных группировок на территории нашего государства активно способствовала сложившаяся внутриполитическая и международная обстановка.

Изучение обстоятельств, в которых проходила подготовка к совершению террористических актов, наглядно показывает то, с каким качеством происходило планирование преступлений, а множественность способов указывает на изощренность, которую проявляли при этом террористы.

---

¹ Официальный сайт «Российской газеты». Режим доступа: [<http://www.rg.ru/2015/01/10/islamisty-site.html>] (дата обращения: 10.01.2015).

² Официальный сайт «Российской газеты». Режим доступа: [<http://www.rg.ru/2014/01/15/kuveit-site.html>] (дата обращения: 10.01.2015).

Важно понимать, что совершению террористических актов предшествует большой объем подготовительной работы, которую террористы выполняют в условиях, способствующих им, при этом сами они остаются вне «поля зрения» правоохранительных органов (закрытость организации, поддержка родственников и единомышленников, внедрение в ряды правоохранительных органов криминальных лиц и т.д.).

Учитывая опасность, которая угрожает жизни и здоровью людей, а также безопасности общества, расследование преступлений террористического характера должно проводиться с учетом особенностей обстановки, в которых совершаются такие преступления (например, опасность для жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов и т.д.).

В целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, вводится правовой режим контртеррористической операции (далее – КТО)¹. В этих условиях для лиц, производящих расследование, создается особая обстановка со своими отличительными особенностями.

Таким образом, изучение специфических особенностей обстановки совершения преступлений в условиях контртеррористической операции может иметь практическое значение при выработке методик расследования преступлений в этих условиях, в том числе и террористического характера.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ И ДОБРОСОВЕСТНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРОК ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ (СООБЩЕНИЯМ) О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД

DOI 10.17223/9785751123628/72

А.Ю. Сафронов

Одним из критериев разграничения в вопросе о классификации типичных следственных ситуаций по делам о фальсификации дока-

---

¹ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Электрон. дан. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/obob#top>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2014).

зательств и фальсификации результатов ОРД, складывающихся на первоначальном этапе расследования является источник получения первоначальной информации о преступной деятельности. В соответствии с данным критерием можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся ситуации:

– информация о фальсификации получена из служб безопасности (ФСБ, отдел собственной безопасности (МВД, СК и т.д.));

– информация о фальсификации получена от лица, в отношении которого имела место фальсификация доказательств по уголовному делу либо фальсификация результатов ОРД;

– информация поступила с постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

При получении информации из любого вышеприведённого источника может сложиться три типичные следственные ситуации:

1. Фальсификация имела место.

2. Имел место оговор сотрудника правоохранительного органа (к примеру, с целью избежать уголовной ответственности).

3. Имело место добросовестное заблуждение лица, заявившего о фальсификации.

Один из примеров добросовестного заблуждения лица, подавшего 03.09.2013 в Каменский межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю заявление в отношении следователя отдела полиции МО МВД России «Каменский», нами уже был рассмотрен ранее¹. В рассматриваемом случае имел место факт составления протокола с нарушением норм УПК РФ, но не фальсификация доказательств, о чём было заявлено изначально.

Ещё одним ярким примером добросовестного заблуждения было поданное 03.12.2014 бывшим сотрудником полиции Сартисоном В.Х. заявление о фальсификации сотрудниками следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю материалов уголовного дела №191744.

---

¹ Сафронов А.Ю. О разработке криминалистической методики расследования фальсификации доказательств по уголовному делу // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности: матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 30-летию кафедры криминалистики ЮИ ТГУ / под ред. Н.С. Дергача. Томск: Изд. Дом ТГУ, 2014. С. 85–87.

По мнению заявителя, вынесенные задним числом постановления следователя послужили причиной его непереаттестации и последующего увольнения. Утверждение Сартисона В.Х. о существенном нарушении его прав и интересов в ходе проверки не нашло своего подтверждения, поскольку уволен из органов внутренних дел он был по п. «е» ст. 58 Положения о службе в ОВД Российской Федерации (по сокращению штатов), а не в связи с привлечением к уголовной ответственности и наличием либо отсутствием в деле соответствующих постановлений следователя. Утверждая обратное, Сартисон В.Х. добросовестно заблуждается в оценке соответствующих фактов и обстоятельств, в связи с чем в отношении сотрудников следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю в возбуждении уголовного дела было отказано по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. в связи с отсутствием в их действиях составов преступлений.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости скрупулёзной проверки всех версий на стадии производства предварительной проверки и исключения формального подхода при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по делам рассматриваемой категории.

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНФОРМИРОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ О РАССЛЕДУЕМОМ СОБЫТИИ

DOI 10.17223/9785751123628/73

Ф.К. Свободный

Активная практика применения полиграфа при расследовании преступлений привела ряд специалистов к необходимости включения данного вида исследований в существующую классификацию судебных экспертиз.

Большинство теорий, объясняющих принцип работы полиграфа, в качестве основополагающих (в том числе диагностируемых) явлений рассматривают психологические феномены (внимание, эмоции, память, установки, личностный смысл и т.д.), что позволяет по объектно-предметному содержанию отнести опрос с использованием полиграфа в область психологических исследований.

Несомненно, что разрешение вопросов, возникающих перед следствием и судом при необходимости квалифицированной оценки психических явлений, требует проведения судебной психологической экспертизы.

По мнению автора данной работы, существующую сегодня классификацию судебных экспертиз можно дополнить новым видом – **судебной психологической экспертизой информированности личности о расследуемом событии (СПЭИЛ)**, которая сейчас базируется на проведении исследования с использованием полиграфа.

В рамках данной работы автор предлагает определить понятие «**информированность личности о расследуемом событии**» как когнитивно-эмоциональное образование, качество личности, выражающееся в наличии у человека системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном случае, произошедшем в его жизни, а также эмоционально-оценочных отношений человека к данному случаю.

Предмет СПЭИЛ – исследование качественных и количественных характеристик информированности лица о расследуемом событии.

О том, что судебная психофизиологическая экспертиза призвана выявлять «особенности информированности подэкспертного об обстоятельствах расследуемого события», автор данной статьи указывал в своей монографии еще в 2009 г.¹

Общим объектом СПЭИЛ является индивид как носитель психики (сознания, памяти, информации о расследуемом событии), подлежащей исследованию в процессе экспертизы.

Методами СПЭИЛ являются психологический анализ материалов дела, наблюдение; экспертная беседа; психологическое тестирование (в том числе ассоциативный эксперимент), экспериментальное психодиагностическое исследование с использованием приборов, регистрирующих моторные, физиологические, нейрофизиологические реакции подэкспертного на предъявляемые ему стимулы.

В компетенцию СПЭИЛ входит круг вопросов, связанных с исследованием информированности подэкспертного лица о частных признаках расследуемого события:

---

¹ *Свободный Ф.К.* Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа: возможности и тенденции ее производства в уголовном процессе. Барнаул: Изд-во ААЭЦ, 2009. С. 97.

- обладает подэкспертный информацией об обстоятельствах (деталях, частных признаках) расследуемого события?
- о каких обстоятельствах (деталях, частных признаках) расследуемого события обладает информацией подэкспертный?
- когда и из каких источников была получена подэкспертным первая информация об обстоятельствах (деталях, частных признаках) расследуемого события?

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ПОНЯТИЯ «СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ»

DOI 10.17223/9785751123628/74

С.А. Степанов

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации до сих пор отсутствует формулировка процессуальной категории «следственные действия», хотя данный термин довольно часто встречается в УПК РФ. Среди учёных не сложилось однозначного подхода к понятию «следственное действие». Некоторые из них трактуют данный термин как в широком, так и в узком смысле. Как известно, понятие следственного действия как теоретическая конструкция нашло своё научное закрепление в трудах многих ученых-правоведов¹. О.Я. Баев по этому поводу справедливо отмечает, что все следственные действия процессуальные, но далеко не все процессуальные действия – следственные, ибо далеко не все они направлены на получение и переработку доказательственной информации². В числе сторонников широкой трактовки следственных действий необходимо, прежде всего, указать А.М. Ларина, который определяет их как процессуальные акты, в которых осуществляются правоотношения следователя и лиц, допущенных к участию в расследовании³. Близкого к мнению А.М. Ларина взгляда придерживается

---

¹ *Лебедев Н.Ю.* К вопросу о правомерности производства неотложных следственных действий военными дознавателями // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / под ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеева, Л.М. Прокументова и др. Томск: Томский государственный университет, 2011. С. 113–114.

² *Баев О.Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: научн.-практ. пособие. М., 2003.

³ *Ларин А.М.* Следственные действия (определение понятия, терминологии) // Оптимизация расследования преступлений. Иркутск, 1982.

И.М. Лузгин¹. П.А. Лупинская определяет следственные действия как вид процессуальных действий, имеющих своей целью и содержанием получение доказательств². В п. 32 ст. 5 УПК РФ закреплено понятие процессуального действия, которое в совокупности содержит такие понятия, как следственное, судебное или иное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом.

Отсутствие законодательно закреплённого понятия «следственное действие» вызывает на практике ряд проблем³. Например, отдельные правоприменители отождествляют некоторые следственные действия с мерами принуждения, так как одни из них носят принудительный характер.

Так, при приостановлении производства по уголовному делу ч. 2 ст. 209 УПК РФ предписывает принять меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а если он скрылся, принять меры по его розыску, следовательно, произвести необходимые для выполнения данного предписания процессуальные действия.

Таким образом, из-за отсутствия сформулированного в уголовно-процессуальном законе определения «следственное действие»⁴ возникает вполне обоснованный вопрос: какой характер будет носить деятельность следователя, предусмотренная ч. 2 ст. 209 УПК РФ, после приостановления производства по уголовному делу.

В целях урегулирования данного вопроса предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 40²: «следственные действия» – предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом процессуальные действия, осуществляемые лицом, в производстве которого находится уголовное дело, либо иным лицом по его поручению, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Такой подход в решении данного вопроса позволит урегулировать указанные коллизии в правоприменительной практике.

---

¹ Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973.

² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010.

³ Суховецкая Е.Ю. Теоретические и практические аспекты правовой защиты военнослужащих внутренних войск МВД России // Сб. материалов криминалистических чтений. 2012. № 8. С. 89–93.

⁴ Хомяков И.Д. Внутренние войска МВД России в системе профилактики преступности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6–2. С. 63–65.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА

DOI 10.17223/9785751123628/75

В.Б. Стукалин

Анализируя изложение положений производства обыска, следует отметить, что учёные-криминалисты, рассматривая тактические приёмы осуществления тех или иных действий на различных этапах, основное внимание уделяют именно криминалистическим аспектам, что естественно, упуская положения действующего уголовно-процессуального законодательства.

Примером может служить изложение действий в рамках подготовительного этапа к производству обыска. К числу таких действий И.А. Ипатова относит «...вынесение постановления, получение санкции прокурора»¹; М.В. Савельева и А.Б. Смушкин указывают на «процессуальное оформление решения о производстве обыска при вынесении следователем соответствующего постановления либо получении судебного решения и др. (см. приложения 77, 79, 81 к ст. 476 УПК РФ)»² и т.п.

Представляется, что такая ситуация может быть определена как специфичный конфликт между положениями двух наук, когда они не учитываются некоторыми учеными. К проблеме различного рода конфликтов обращались различные авторы³.

Следует рассмотреть ещё одним аспект производства обыска, который, на наш взгляд, можно отнести к определённым противоречиям. Таким аспектом является оформление результатов производства обыска.

---

¹ *Ипатова И.А.* Криминалистика: учеб.-метод. комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. С. 52.

² *Савельева М.В., Смушкин А.Б.* Криминалистика: учеб. М.: Изд. дом «Дашков и К», 2009. С. 195 (http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/142434/Smushkin_Savel'eva_-_Kriminalistika_Uchebnik.pdf).

³ *Лебедев Н.Ю.* Некоторые вопросы преодоления уголовно-процессуальных конфликтов при производстве по уголовному делу // Проблемы юриспруденции: сб. науч. ст. и тезисов / М-во образования и науки Российской Федерации, Новосибирский гос. технический ун-т [редкол.: С.А. Поляков (отв. ред.) и др.]. Новосибирск, 2010. С. 43–48.

Рассматривая порядок оформления результатов производства обыска, следует отметить, что практически все авторы¹ отмечают необходимость оформления двух документов – это постановление о производстве обыска и протокол обыска.

Вопросам оформления результатов производства обыска учёные-криминалисты не посвящали отдельные работы. В большинстве учебников данным вопросам посвящается совсем небольшой объём текста. Так, М.В. Савельев и А.Б. Смушкин в своём учебнике оформлению результатов обыска посвящают разд. 36.5, который содержит три небольших абзаца²; практически аналогичный объём в учебнике криминалистики под редакцией Н.П. Яблокова³ и в учебном пособии М.И. Еникеева, В.А. Образцова и В.Е. Эминова⁴; в учебнике криминалистики Е.П. Ищенко, А.А. Топоркова оформлению результатов обыска посвящено два предложения⁵.

В то же время в уголовно-процессуальном законодательстве оформление результатов обыска достаточно подробно излагается в ч. 13 ст. 182 УПК РФ.

Как видится, процессуальные требования к оформлению результатов обыска требуют своего развития в работах учёных-криминалистов, в которых, по нашему мнению, необходимо рассмотреть криминалистические аспекты составления протокола обыска, правил оформления изъятых объектов, правил упаковки и т.д.

---

¹ Степанов С.А. О необходимости совершенствования частной криминалистической методики расследования насильственных преступлений, совершённых военнослужащими внутренних войск МВД России: сб. матер. криминалистических чтений / под ред. Ю.Л. Бойко. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. С. 100.

² Криминалистика: учеб. / под ред. М.В. Савельева, А.Б. Смушкина. 2009. С. 489.

³ Криминалистика: учеб. / под ред. Н.П. Яблокова: М., 2003. С. 238.

⁴ Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 53.

⁵ Криминалистика: учеб. / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; под ред. Е.П. Ищенко. М.: ИНФА-М, КОНТРАКТ, 2010. С. 384.

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

DOI 10.17223/9785751123628/76

Е.Ю. Суховецкая

Коррупция остается одной из самых острых проблем современной России и таит в себе угрозу национальной безопасности. Именно о коррупции в последнее время все чаще говорится на самом высоком уровне представителями исполнительной и законодательной власти, общественных организаций, в диссертационных исследованиях¹.

Внутренние войска Российской Федерации являются неотъемлемой и составной частью государственного механизма². В силу этого обстоятельства коррупционные процессы, происходящие в Российском государстве, к сожалению, находят отражение в его военной организации.

«По данным Главной военной прокуратуры создание «серых» коррупционно-финансовых схем привлекло к ответственности трех генералов и 210 офицеров в чине от майора до полковника. Прокуроров особенно беспокоит, что в их числе оказались 64 командира воинских частей и начальника ведомственных учреждений»³.

Так, начальник военного медицинского управления Главного командования Внутренних войск МВД России генерал-майор Юрий Сабанин был задержан летом 2012 г. по обвинению в вымогательстве трех с половиной миллионов рублей у коммерсантов за то, что якобы гарантировал выигрыш в аукционе по заключению госконтрактов на закупку дорогостоящего медицинского оборудования. Эта сумма составляла три с половиной процента от суммы предполагаемого контракта⁴. Принимаемые Главным командованием и органами военного управления объединений, соединений и воинских частей Внутренних войск МВД России меры по профилактике пре-

---

¹ *Лебедев Н.Ю.* Теоретические проблемы и практика расследования незаконного производства спиртосодержащей алкогольной продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. 198 с.

² *Степанов С.А.* Современные проблемы военного уголовного права и применения уголовного законодательства об ответственности военнослужащих // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 124–127.

³ *Гаврилов Ю.* Хануга с полномочиями // Рос. газета. 2013. 7 марта.

⁴ *Федосенко С.* Взятка ценою в пять лет // Рос. газета. 2013. № 101.

ступлений коррупционной направленности не позволили добиться положительных результатов. В 2013 г. количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности увеличилось на 46 % (с 90 до 131%). Рост данного вида преступности отмечался в войсках Северо-Кавказского (с 44 до 73%), Северо-Западного (с 3 до 13%), Приволжского (с 2 до 5%) региональных командований. На уровне 2012 г. осталось число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в Центральном региональном командовании (7). Сократилось количество коррупционных преступлений в войсках Уральского (с 3 до 1%), Восточного (с 12 до 11%) региональных командований.

Существующая во Внутренних войсках МВД России система противодействия нарушениям коррупционного характера не в полной мере обеспечивает предупреждение и пресечение таких преступлений¹. Согласно данным, полученным в результате проведенного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих Внутренних войск МВД России, в 2013 г. четырем процентам от числа опрошенных военнослужащих приходилось сталкиваться с коррупцией на службе. Наиболее часто военнослужащим приходилось сталкиваться с проявлениями коррупции при медицинском и курортно-оздоровительном обеспечении, при постановке на жилищный учет и получении жилья, заключении госконтрактов.

Таким образом, каждое четвертое совершенное преступление коррупционной направленности связано с превышением и злоупотреблением должностными полномочиями.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ, ВЫДВИГАЕМЫЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ, ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ ИЛИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

DOI 10.17223/9785751123628/77

Я.А. Трубецкая

В процессе расследования убийств, совершаемых группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной груп-

---

¹ Хомяков И.Д. Внутренние войска МВД России в системе профилактики преступности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6–2. С. 63–65.

пой, следственные версии формируются по различным основаниям и должны учитывать различные обстоятельства о характере преступного события. Заключение в той или иной следственной ситуации, первичная информация является достаточной для конструирования общих следственных версий.

Так, на основе факта обнаружения трупа с признаками насильственной смерти следователем могут быть выдвинуты версии о наступлении ее в результате убийства, самоубийства потерпевшего либо несчастного случая, о возможной инсценировке убийства и доведении потерпевшего до самоубийства.

Типичными следственными версиями в отношении установления события преступления исследуемой категории могут быть¹:

1. Убийство совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой.
2. Убийство совершено участниками группы с целью скрыть другое преступление.
3. Убийства, совершенного группой лиц, не было, имеет место инсценировка.

При наличии информации о причастности к совершению убийства организованной преступной группы могут быть выдвинуты следующие следственные версии²:

1. Убийство «на разборках», т.е. совершенное при открытом столкновении враждующих организованных преступных групп.
2. Внутригрупповой конфликт между участниками преступной группы.
3. Убийство совершено организованной преступной группой в связи с контролем над коммерческой деятельностью потерпевшего.
4. Убийство совершено организованной преступной группой из корыстных побуждений с целью хищения денежно-материальных ценностей потерпевшего либо с целью завладения его жилой площадью.
5. Убийство «по найму».

---

¹ Бессонов А.А. Особенности методики расследования убийств, совершенных организованными преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 29.

² Белокобыльская О.И. Особенности расследования убийств, совершенных организованными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2005. С. 8.

Частные следственные версии можно выдвинуть в зависимости от взаимоотношений потерпевшего и лиц, совершивших преступление¹:

1. Убийство совершили лица, ранее знакомые с потерпевшим.
2. Убийство совершено группой лиц, не имевших контактов с потерпевшим.
3. Убийство совершено членами преступной группы, в деятельности которой потерпевший ранее принимал участие.

По отношению к местности, на которой обнаружен труп, выдвигаются версии о возможном месте жительства потерпевшего:

1. Потерпевший проживает в пределах данной местности.
2. Потерпевший проживал в ближайших районах, труп был перемещен участниками преступления.
3. Убитый являлся лицом, приехавшим из другой местности, и др.

Таким образом, версионный период имеет большое значение для быстрого раскрытия преступления и позволяет спланировать расследование по уголовным делам указанной категории.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ ДОПРОСЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

DOI 10.17223/9785751123628/78

В.С. Удовиченко

В ходе интервью В.П. Иванов отметил, что поставщики и покупатели наркотиков на сегодняшний день не знакомы, а глобальная наркомафия использует все методы специальных разведывательных служб – это тайники, закладки, зашифрованная связь, цифровые способы передачи денег². В этой ситуации показания, полученные от задержанного подозреваемого, имеют важное значение для успешного установления всех обстоятельств дела. Однако результаты про-

---

¹ Коновалова В.Е. Убийство: искусство расследования / В.Е. Коновалова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт, 2013. 320 с.

² Интервью председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России Виктора Иванова телеканалу «Россия 24» 25.12.2014 / [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/ speeches_fskn/ 2014/ 1225/120034473 /detail.shtml (дата обращения: 26.12.2014).

веденного опроса позволяют утверждать, что в 47 % случаев подозреваемые вообще отказывались от дачи показаний¹, поэтому вопрос изучения противодействия, при допросе подозреваемого по указанной категории дел носит, в первую очередь, практическое значение, так как позволит допрашивающему правильно оценить элементы складывающейся ситуации при допросе подозреваемого.

При определении противодействия считаем близкой нам позицию Ф.В. Балеевского, который отмечает: «...противодействие допрашиваемого представляет собой умышленное манипулятивное воздействие, оказываемое названным субъектом на допрашивающего, путем передачи ему вербальной и невербальной информации с целью воспрепятствования, установления выясняемых в ходе допроса обстоятельств и решения других задач расследования»².

Противодействие – явление, как видно из определения, не однородное и состоит из ряда элементов, к которым относятся субъекты противодействия, их взаимоотношения и влияние на формирование разнообразных помех и преград, препятствующих предварительному расследованию³.

Противодействие в форме отказа от дачи показаний характерно для подозреваемых, совершивших сбыт наркотических средств. Следует отметить, что такие преступления совершают преимущественно мужчины возрастом от 17 до 30 лет, не имеющие источника дохода, иногда ранее судимые за незаконный оборот наркотических средств. Для построения тактики преодоления противодействия важно понять причину противодействия. Такими причинами для рассматриваемой категории являются: во-первых, желание уклониться от ответственности; во-вторых, защита от возможной последующей расправы от соучастников наркоторговли; в-третьих, желание иметь определенную «положительную» криминальную репутацию.

Противодействие при допросе подозреваемого в хранении или перевозке наркотических средств связано, во-первых, с желанием не предоставлять сведения о местах покупки или получения наркотиче-

---

¹ В ходе исследования опрошено 300 осужденных по специально разработанной анкете из следующих регионов: Новосибирской, Кемеровской, Иркутской областей, Республики Саха (Якутия), Приморского и Алтайского краев.

² *Балеевский Ф.В.* Тактико-психологические основы преодоления противодействия допрашиваемого: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 26.

³ См.: *Бабаева Э.У.* Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 13.

ского средства в связи с опасением расправы или невозможностью в дальнейшем приобретения наркотического средства у названного лица; во-вторых, желанием приуменьшить свою ответственность – выдвижение ложной версии о случайной перевозке не знакомой ему ранее сумки с неизвестным для него содержимым или случайно подобранном на улице свертке с неизвестным содержимым; в-третьих, с необходимостью сокрытия от близких и окружающих сведений о причастности к употреблению наркотических средств.

Тактически правильное воздействие на причину противодействия позволит получать показания от подозреваемых в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, требует отдельного осмысления и подбора обоснованных рекомендаций.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ ПО УПК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

DOI 10.17223/9785751123628/79

Д.А. Финк, А.Ж. Такеева

При анализе института соглашений о сотрудничестве необходимо обратить внимание на неопределенность процессуального статуса потерпевшего. По нашему мнению, то, что уголовно-процессуальным законом не обеспечено право потерпевшего на участие в процессе заключения досудебного соглашения, представляется необоснованным, поскольку последствия заключения такого соглашения влияют на возможность реализации прав потерпевших в уголовном судопроизводстве. Не менее затруднительным является вопрос о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними. Однозначного ответа на этот вопрос УПК РК не дает.

Хотелось бы обратить внимание на п. 2 ч. 1 ст. 614 УПК РК, который отсылает нас к ст. 382 УПК РК «Сокращенный порядок главного судебного разбирательства» и гл. 64 УПК РК «Рассмотрение уголовных дел в согласительном производстве» как к альтернативам. Изучение этих статей показывает, что институт производства сокращенного порядка главного судебного разбирательства и институт согласительного производства имеют ряд общих черт (условия и

сроки проведения), однако согласительное производство в отличие от сокращенного главного судебного разбирательства проводится без участия потерпевшего и без его допроса. В этом случае нарушается принцип уголовно-процессуального права, предусмотренный ч. 6 ст. 23 УПК РК, а также права потерпевшего, предусмотренные п. 14, 16, 17 ч. 6 ст. 71 УПК РК, так как реальное участие потерпевшего в обвинительной деятельности нормами гл. 64 УПК РК не обеспечивается.

По нашему мнению, сделку необходимо связать с институтом обеспечения мер безопасности лиц, участников уголовного процесса (например, помещение подозреваемого в безопасное место, запрет на содержание лица, заключившего сделку о признании вины, в одной камере с другими соучастниками преступления).

УПК РК невыясненным оставляет вопрос о соучастниках преступной деятельности. Непонятно, должны ли у подозреваемого или обвиняемого быть соучастники в совершении именно того преступления, по поводу которого заключено соглашение, или же он может оказать содействие следствию по другим преступлениям иных лиц, чтобы добиться для себя права на рассмотрение уголовного дела в согласительном производстве? Кроме того, законом не разрешен вопрос о возможном количестве лиц, с которыми возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве в рамках одного уголовного дела. Если количество таких лиц ограничено, то кому следователем необходимо отдать предпочтение? По нашему мнению, органы уголовного преследования должны принимать решение об этом, в зависимости от того, кто из соучастников преступления заявит ходатайство о заключении процессуального соглашения первым, или на самых ранних стадиях производства по делу, так как инициатива оказывать помощь следствию свидетельствует о добровольности желания содействовать раскрытию и расследованию преступления.

УПК не содержит в себе положений, позволяющих устранять последствия так называемых «ничтожных» сделок о сотрудничестве, при которых лицо, заключившее процессуальное соглашение, руководствуясь инстинктом самосохранения, пытается «облегчить» свою судьбу путем оговора не причастных к определенному преступлению (эпизодам преступлений) лиц.

СТРУКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ СЦЕНАРИЯ УЧЕБНЫХ ФИЛЬМОВ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ

DOI 10.17223/9785751123628/80

Д.А. Финк

Создание учебных фильмов по криминалистике требует четкого представления о содержании его структурных элементов, которые должны способствовать наглядному, обоснованному достижению поставленных задач или правильной оценке и пониманию обучающихся.

Переход между эпизодами в сценарии – это описание того изображения, которое должно соединять важные по содержанию эпизоды. Взаиморасположение эпизодов, их взаимодействие и образуют структуру, состоящую из экспозиции, завязки, развития действия, кульминации и развязки¹.

1) *Экспозиция*. На данном этапе сценария необходимо, чтобы голос за кадром обозначил информационные и организационные задачи фильма. На этом этапе необходимо задаться вопросом: «Каким образом?». В зависимости от ситуации расследования и вида следственного действия ответ на этот вопрос позволит определить особенности тактики следственного действия, самому сделать выбор в пользу той или иной линии поведения.

2) *Завязка*. То, что мы наблюдали в экспозиции в спокойном состоянии, приходит в движение, например, завязывается конфликт – между героями, между героем и окружающими его людьми, между героем и природой и т.д.

3) *Развитие действий*. На данном этапе нам становятся известны события, в которых участвуют действующие лица повествования, поступки, которые они совершают. Катализатором наступающих событий могут служить телеграмма, увольнение, предательство, измена, стук в дверь, курьер. Развитие действия способствует тому, что напряжение сюжета возрастает, действие становится все более динамичным, проясняются черты характеров действующих лиц и соответственно их взаимоотношения².

---

¹ Фрумкин Г.М. Сценарное мастерство: кино – телевидение – реклама: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Академический Проект; Парадигма, 2013. С. 55, 56, 65–66.

² Там же. С. 52.

4) *Кульминация*. Иногда это событие, завершающее развитие событий. В некоторых случаях кульминаций может быть две или даже несколько.

Существует несколько методов построения сюжета: а) *метод каталожных карточек*; б) *таблица событий и реакций*¹. Таким образом, *сюжет* – это эволюция конфликта; его зарождение (предыстория), развитие, разрешение.

5) *Развязка*. Завершение рассказа о событиях и поступках, результат конфликта: в основании какой нормы лежит конфликт и как его можно разрешить. Конфликт должен зарождаться, развиваться, разрешаться – примирением, сотрудничеством, взаимодействием конфликтующих сторон или – обострившимся противодействием. Правовые конфликты в учебном фильме могут складываться между подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим; следователем и подозреваемым, обвиняемым; судьей и подсудимым, осужденным. Таким образом, разрешение начальной задачи фильма может быть представлено в виде правильного, обоснованного, мотивированного решения; ошибочного, необоснованного или немотивированного решения.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ О СПОСОБЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/81

И.С. Фоминых

Процесс создания базы криминалистических данных (БКД) на основе криминалистической характеристики преступлений, связан, в первую очередь, с необходимостью формализации данных обо всех её элементах. Оговоримся, что с точки зрения подходов к структуре криминалистической характеристики автор во многом разделяет позицию Р.Л. Ахмед-шина, предложившего, в самом общем виде, её деление на два базовых элемента – личность преступника и

---

¹ *Вольф Ю.* Литературный мастер-класс: учиться у Толстого, Чехова, Диккенса, Хемингуэя и многих других современных и классических авторов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 137–139.

обстановку совершения преступления¹. Указанная двухзвенная структура, на наш взгляд, наиболее оптимальна для внутренней организации базы криминалистических данных. Остановимся на формализации данных, содержащихся в этих базовых элементах.

Первый из элементов – личность преступника – в свою очередь содержит две базовых подсистемы. При всей своей сложности формализации данных подсистемы «Психические характеристики личности преступника» на уровне подсистемы «Физические характеристики личности преступника» особых затруднений процесс формализации данных представлять не должен, поскольку многие из них либо измеряемы (возраст, рост, вес), либо могут принимать одно из двух возможных значений (пол, факт владения огнестрельным оружием), либо принимать одно или несколько значений из перечисляемого конечного множества (наличие судимости, профессиональные навыки и пр.).

Второй базовый элемент – обстановка совершения преступления – содержит огромное количество данных о самых разнообразных объектах. Некоторые из этих данных также измеряемы (температура воздуха, географические координаты места, этажность здания, грузоподъемность транспортного средства и пр.) или принимают любые значения и их сочетания из конечного множества (погодные условия, характер местности и т.д.).

Легко заметить, что когда мы говорим о данных, включаемых в указанные базовые элементы, то имеем в виду собственные признаки личности преступника, какого-либо объекта или явления. В случае же с таким особым элементом криминалистической характеристики, каковым является способ совершения преступления, дело обстоит совершенно иначе.

В самом общем виде способ совершения преступления образуется из взаимосвязанных элементов, поведенческих актов, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступления². Исходя из этого, в данном случае речь совершенно не идёт о неких собственных свойствах и признаках. На взгляд автора, проблема формализации данных о способе совершения преступления будет состоять в необходимости формализации взаимосвязей между двумя

---

¹ *Ахмедшин Р.Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

² *Жордания И.Ш.* Психолого-правовая структура способа совершения преступления // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. М.: Юрид. лит-ра, 1976. С. 73.

базовыми системами – личностью преступника и обстановкой совершения преступления. Если говорить образно, то способ совершения преступления в этом смысле является мостом, связующим эти две базовые системы. Поскольку в базу будут включаться только фактически установленные данные, а не выводы и предположения лица, производившего расследование, то способ совершения преступления на уровне таблиц реляционной базы будет представлять собой некоторое количество взаимосвязей, замыкающихся, с одной стороны, на личность преступника, а с другой – на обстановку совершения преступления. Указанные взаимосвязи в некоторых случаях будут многозвенными и в своей совокупности представлять определённую сложность для непосредственного восприятия следователем в виде единого комплекса. В этой связи возникает проблема представления данных для конечного пользователя, каковым следователь и является. Решение проблемы видится в создании разветвлённой системы запросов в виде набора готовых алгоритмов. Данные запросы будут либо содержать предопределённые сочетания формализованных взаимосвязей, характеризующих способ совершения преступления, либо предоставлять следователю возможность выбора любых из указанных взаимосвязей в совершенно произвольных сочетаниях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

DOI 10.17223/9785751123628/82

А.И. Хмыз

Институт использования в поисковой-сыскной – розыскной – оперативно-розыскной деятельности (ОРД) специальных знаний имеет давнюю историю своего становления, формирования и развития.

Право оперативных подразделений прибегать к помощи специалистов при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) предусмотрено Законом «Об ОРД». В связи с этим следует отметить, что раскрытие и расследование необычных, неочевидных, интеллектуальных преступлений объективно требует использования специальных знаний.

Тем не менее вопросам использования указанных знаний в ОРД уделяется недостаточное внимание как в теории, так и на практике. Так, в большинстве работ специалистов в области ОРД лишь констатируется, что оперативный сотрудник может воспользоваться помощью специалиста.

Практически, на наш взгляд, следует выделить следующие проблемные вопросы:

- привлечение специалистов, в том числе сотрудников экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП), к проведению ОРМ;
- использование информации, полученной при проведении ОРМ с участием специалиста, в процессе доказывания;
- взаимодействие оперативных и экспертно-криминалистических подразделений при решении задач ОРД.

Комментируя обозначенные проблемные вопросы, следует отметить:

1. Около 9 (8,9) % опрошенных¹ сотрудников оперативных подразделений не привлекают сотрудников ЭКП к проведению гласных ОРМ, 55,1 % – к проведению негласных ОРМ, мотивируя это обеспечением режима секретности и конспирации (54,9 %), нецелесообразностью использования специальных знаний (28,0 %), отсутствием сотрудников ЭКП в ОВД (15,9 %) и неэффективностью привлечения специалистов (1,2 %).

Действительно, вопрос обеспечения режима секретности и конспирации имеет существенное значение для ОРД, иначе она теряет одно из главных своих орудий – негласность. Около 99 % сотрудников ЭКП указали, что привлекаются к проведению гласных ОРМ, и лишь 40 % отметили, что привлекаются к проведению ОРМ негласного характера, при этом лишь 57,7 % из них имеют допуск к сведениям, составляющим государственную тайну.

2. В ряде случаев имеется проблема соотношения формы и содержания. Так, 60 % сотрудников оперативных подразделений и 25 % сотрудников ЭКП отметили, что результаты использования специальных знаний при проведении ОРМ оформляются в виде заключения специалиста, которое в соответствии с УПК РФ относится к доказательствам. Таким образом, информация, имеющая операти-

---

¹ Проанкетировано 279 сотрудников оперативных подразделений, 216 сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел.

вно-розыскное значение (содержание), не соответствует форме (доказательству).

3. Взаимодействие предусматривает своевременный взаимный обмен информацией, имеющей значение для каждой из сторон. Оперативно-розыскные подразделения должны немедленно получать из ЭКП оперативно-розыскную и иную криминалистически значимую информацию. ЭКП, в свою очередь, должны быть информированы о результатах использования такой информации при раскрытии преступлений. Несмотря на то, что 86,7 % сотрудников оперативных подразделений считают целесообразным и необходимым информировать ЭКП о результатах использования информации, полученной из экспертно-криминалистических учетов, на практике такие сведения в ЭКП поступают далеко не в полном объеме и с запозданием.

Обозначенные проблемы требуют своего решения. От этого в том числе зависит эффективность работы по раскрытию и расследованию преступлений.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ О ПРАВАХ ЭКСПЕРТА-АВТОТЕХНИКА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

DOI 10.17223/9785751123628/83

И.Д. Хомяков

Рассматривая статистические данные ГИБДД за последние несколько лет в России в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), исчезает население целого города. Только за 11 месяцев 2014 г. было совершено 181540 ДТП, в результате которых погибло 24423 человека, а пострадало – 228855. Из них по вине водителей совершено 160082 ДТП, что составляет 88 % от общего числа¹. Экономические потери от ДТП ежегодно исчисляются миллионами рублей.

Причины сложившегося положения носят как объективный, так и субъективный характер². Автором уделено внимание (в рамках

---

¹ Статистические сведения о показателях безопасности дорожного движения. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 27.12.14).

² Суховецкая Е.Ю. Теоретические и практические аспекты правовой защиты военнослужащих внутренних войск МВД России: сб. матер. криминалистических чтений. 2012. № 8. С. 89–93.

этой статьи) правам эксперта при выполнении судебной автотехнической экспертизы, но на самом деле имеются и другие неисследованные либо спорные аспекты его полномочий.

В соответствии с УПК РФ эксперт обязан явиться по вызову лица, производящего предварительное расследование или суда, и дать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам¹. Лицо, вызываемое в качестве эксперта, может при наличии у него законных оснований отказаться от производства экспертизы.

Уголовно-процессуальный кодекс обязывает эксперта не разглашать данных предварительного следствия и дознания, т.е. до рассмотрения дела судом эксперт не имеет права рассказывать кому-либо, в том числе и сотрудникам, о фактах, ставших ему известными в результате ознакомления с материалами дела, участия в следственных действиях и сделанных им выводах². Эти данные эксперт не может использовать до судебного рассмотрения дела в научных и популярных статьях, в докладах и т.п.³

С требованием не разглашать материалы предварительного следствия согласуется и обязанность эксперта давать заключение от своего имени на основании лично проведенных исследований⁴. Это требование УПК РФ не запрещает эксперту пользоваться определенной специальной литературой, консультироваться у высококвалифицированных специалистов, использовать необходимое оборудование, принадлежащее другим учреждениям, предприятиям или организациям. Важно, чтобы при этом не были разглашены данные дознания или предварительного следствия и исследования были проведены лично экспертом.

Данные предварительного следствия становятся известны эксперту в связи с использованием права на ознакомление с материалами уголовного дела, относящимися к предмету экспертизы.

---

¹ Стукалин В.Б. Судебная экспертиза: сущность и объекты для её проведения // Общество и право. 2010. № 1. С. 220–225.

² Лебедев Н.Ю. Некоторые вопросы преодоления уголовно-процессуальных конфликтов при производстве по уголовному делу // Проблемы юриспруденции: сб. науч. статей и тезисов / М-во образования и науки Российской Федерации, Новосибирский гос. технический ун-т [редкол.: С.А. Поляков (отв. ред.) и др.]. Новосибирск, 2010. С. 43–48.

³ Степанов С.А. Современные проблемы военного уголовного права и применения уголовного законодательства об ответственности военнослужащих // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 124–127.

⁴ Судебная автотехническая экспертиза: Ч. I. М.: ВНИИСЭ, 1980.

Эксперт, давший заключение на предварительном следствии (или в суде), может быть допрошен следователем (или судом) в целях разъяснения или дополнения данного им заключения.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТНИКАХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП, СОВЕРШАЮЩИХ НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ

DOI 10.17223/9785751123628/84

А.В. Шебалин

В зависимости от результативности проведенных оперативно-розыскных мероприятий в ходе предварительного следствия возможно сделать вывод о совершении незаконного сбыта наркотических средств бесконтактным способом группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом.

В состав таких преступных групп в зависимости от формы соучастия могут входить:

– Организатор. Он имеет выход на канал поставки наркотических средств. В большинстве случаев организатор приобретает наркотические средства бесконтактным способом, оптовой партией через тайники-закладки или посредством доставки курьерскими отправлениями (например, «Даймекс», «СДЕК» и др.¹). Для размещения информации о продаже наркотического средства, т.е. создания так называемого «виртуального магазина», используются различные информационные ресурсы, так называемые «сайты-витрины». Для последующего незаконного сбыта наркотических средств организатор, в том числе и посредством сети Интернет, вовлекает в незаконный сбыт наркотиков так называемых «операторов» и «закладчиков».

– Оператор (он же «селлер») является доверенным лицом организатора. Именно он ведет так называемую торговлю посредством виртуального магазина. Его деятельность, в основном, заключается в общении с потребителями наркотиков с целью их сбыта и в контроле за поступлением оплаты за приобретаемый наркотик. Общение происходит опосредованно через мобильную

---

¹ <http://dimex.ws/>

связь посредством СМС-сообщений (что уже несколько устарело) или через сеть Интернет посредством программ обмена мгновенными текстовыми сообщениями, отправляемыми при помощи Skype¹, ICQ², Brosix³, Jabber⁴, Viber⁵, WhatsApp Messenger⁶ (эти программы используются достаточно активно!). Оператор следит за поступлением денежных средств от потребителя наркотиков на свой электронный кошелек, при этом нередко требует от потребителей при осуществлении платежа добавлять комментарий со своим ником, номером ICQ и т.д. для того, чтобы идентифицировать покупателя.

– Закладчик («кладер», «курьер», «минер»). При устройстве на работу будущий закладчик связывается с организатором способами, указанными выше при рассмотрении функций оператора, либо посредством написания частного сообщения на форуме (в отдельных случаях переписка может осуществляться оператором, если в его обязанности входит привлечение к сотрудничеству закладчиков) и для демонстрации своей надежности, отправляет организатору фотографию со своего паспорта (страницы с указанием фамилии, имени, отчества и страницы с пропиской) либо направляет при помощи платежных сервисов денежные средства в виде залога (возможно использование и фото, и залога одновременно). Закладчик получает наркотические средства от организатора посредством тайника. Закладчик может получать уже расфасованные по дозам наркотические средства, а может расфасовывать их самостоятельно. Затем закладчик осуществляет помещение наркотиков в тайники, при этом он старается точно описать места нахождения тайников, также могут делаться фото тайников с обозначением мест нахождения наркотика. После этого информация о местонахождении тайников направляется оператору. Необходимо отметить, что в большинстве случаев кладер помещает наркотик в тайники еще до поступления заказа от приобретателя, что значительно осложняет работу по задержанию их с поличным.

---

¹ См.: <http://www.skype.com>

² См: <http://icq.com>

³ См.: <http://ru.brosix.com>

⁴ См: <http://www.jabber.ru>

⁵ См.: <http://viber.com>

⁶ См.: <http://androidone.ru/aplications/item/whatsapp-messenger.html>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DOI 10.17223/9785751123628/85

С.В. Шошин

Об актуальности выявления проблем расследования экологических преступлений обоснованное мнение высказано, в частности, В.И. Брылевым и Л.А. Лях¹.

Как и при осуществлении первоначального этапа расследования многих иных видов преступлений, при проведении досудебных стадий такого же производства по уголовному делу об экологическом деликте возникают и определенные проблемы. Можно согласиться с точкой зрения А.В. Одерий, указывающего на необходимость взвешенного отношения к определению процессуального статуса лиц из числа сотрудников экологических структур (подразделений), допрашиваемых по уголовному делу о преступлении в сфере экологии². От верного определения такого статуса допрашиваемого лица в значительной степени будет зависеть и объем процессуальных прав, принадлежащих указанному допрашиваемому лицу. Допущенная ошибка, при которой следователь допросил такого субъекта в качестве свидетеля, а не подозреваемого, впоследствии может привести к признанию доказательства как полученного с существенным нарушением прав такого лица. До осуществления допроса лица, входящего в состав экологических структур (подразделений), на этапе планирования данного следственного действия надлежит рекомендовать тщательно изучить объем служебных полномочий (компетенций) такого потенциально допрашиваемого лица. Возможно, целесообразным и законным окажется производство допроса такого лица в качестве подозреваемого, с соблюдением в полном объеме необходимых требований УПК РФ (например, соблюдение права на защиту и т.д.). Указанная рекомендация способна внести некоторые коррективы и в содержание и последовательность реализации следствен-

---

¹ Брылев В.И., Лях Л.А. Теоретические основы и актуальные проблемы экологического расследования на современном этапе развития криминалистики // Общество и право. №3(49). Краснодар: ФГКОУВПО КУ МВД РФ, 2014. С. 181.

² Одерий А.В. Тактики допроса свидетелей на досудебном расследовании экологических преступлений (отдельные аспекты) // Вісник Маріупольського державного університету. Сер. Право. № 3 (4). Маріуполь: Маріуп. гос. ун-т, 2012. С. 187.

ных действий и оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе расследования анализируемых дел. Для достижения максимальной точности и определенности следует рекомендовать принимать решение о допросе в качестве подозреваемого лица лишь при собранном в достаточном объеме доказательственном материале, изобличающем его (ее) в инкриминируемом деликте. Подобная особенность планирования первоначального этапа расследования вполне способна оказать влияние на формирование законного и обоснованного решения по существу уголовного дела.

С другой стороны, прежде чем приступить к собственно производству допроса такого свидетеля (или подозреваемого), рекомендуется с максимальной тщательностью изучить и физические, химические, биологические (и т.д.) механизмы явлений, связанные с расследуемым деликтом. Обладание допрашивающим указанной информацией может сформировать у него комплексный подход к созданию перед допросом модели расследуемого события. Это также благотворно повлияет на формирование представления и о механизме образования следов, свойственном указанному деликту.

О ПОДДЕРЖКЕ КОМПЕТЕНТНЫХ РЕШЕНИЙ ВОЕННОГО ДОЗНАВАТЕЛЯ

DOI 10.17223/9785751123628/86

Н.В. Шухова

Во внутренних войсках МВД РФ обеспечение твердой воинской дисциплины, уставного порядка, исключаящего любые противоправные проявления, является одним из основных условий своевременного, полного выполнения имеющихся задач и подтверждения статуса войск правопорядка.

В соответствии с действующим законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами во внутренних войсках реализован механизм дознания, который предназначен для обеспечения процессуальных функций по решению вопросов о возбуждении уголовных дел, передаче их по подследственности, производству неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, по исполнению отдельных следственных и иных процессуальных действий по поручению следователя, организации розыскных мер и др.

Очевидно, что оптимальность и безошибочность принимаемых военным дознавателем процессуальных, тактических, организационных решений в условиях конкретных следственных¹ или криминалистических² ситуаций являются залогом успешного расследования преступлений, предотвращения противоправной деятельности военнослужащих, склонных к нарушению уголовного законодательства.

Обратим внимание на то, что военный дознаватель, во-первых, по своей основной профессии является, прежде всего, военнослужащим и, во-вторых, исполняет функции дознавателя не постоянно, а эпизодически, по мере регистрации единичных происшествий; в-третьих, у него объективно, как правило, нет большого опыта по выполнению обозначенных обязанностей.

В статье А.В. Миликовой³ показано, что для должностных лиц, расследующих уголовно наказуемые деяния, наибольшее количество ошибочных решений возникает на этапе производства неотложных следственных действий. Возникновение этих ошибок связывается не столько с качеством профессиональной подготовки, сколько с отсутствием необходимого практического опыта в видении сложных проблемных ситуаций, трудностью их оценки и адекватного принятия решений в условиях малого количества информации на данном этапе. Также нельзя не учитывать, что одним из важных факторов, в условиях которого решения принимаются, является постоянно изменяющееся законодательство.

Понятно, что в своей деятельности военный дознаватель опирается, как на теоретические знания – процессуальные, криминалистические и др., так и на эмпирический опыт, постепенно накапливая его при принятии решений в рамках своих полномочий самостоятельно и при исполнении указаний органа дознания и военного прокурора. Декларативная (пассивная) часть знаний содержит теоретические данные, факты, описания структур (например, в пространстве «признак-преступление»), утверждения (например, отдельные положения нормативно-правовых актов). Процедурная (активная) часть

---

¹ *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. С. 135.

² *Ким Д.В.* Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.

³ *Миликова А.В.* Следственная ситуация как критерий алгоритма принятия решений о производстве следственных действий // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 5. Юриспруд. 2012. № 2(17). С. 299–302.

знаний в отличие от декларативной нарабатывается по мере накопления опыта и содержит алгоритмы, правила, в том числе средства и пути решения реальных задач¹.

Предлагается в целях обеспечения поддержки компетентных решений военного дознавателя обратиться к выявлению и научному обобщению алгоритмов организационного, процессуального, тактического разрешения типовых ситуаций с оформлением процедурной части знаний, например в виде справочной базы правил по необходимым и допустимым действиям.

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВЕННОГО ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ, СВЯЗАННОГО С ПОЖАРОМ

DOI 10.17223/9785751123628/87

С.В. Шушпанов

Осмотр места пожара – один из основных факторов, влияющих на расследование любого пожара. Как показала практика, при осмотре места пожара серьезные затруднения вызывает определение причины пожара и обстоятельств его возникновения. Осмотр места пожара отличается от осмотра других мест происшествий² большей трудоемкостью³, опасными условиями работы, сопряжен с разборкой и расчисткой остатков конструкций, с тщательным просмотром пожарного мусора, с загазованностью места осмотра раздражающими и токсичными веществами. Кроме того, работниками дознания и следствия при проведении осмотра неполно выясняются все обстоятельства пожара⁴. Всё это приводит к тому, что расследование по делам о пожарах носит поверхностный характер. Кроме того, есть и другие причины, отрицательно

---

¹ *Ларичев О.И., Мечитов А.И., Мошкович Е.М., Фуремс Е.М.* Выявление экспертных знаний (процедуры и реализации) / под ред. С.В. Емельянова. М.: Наука, 1989. С. 128.

² *Лебедев Н.Ю.* Некоторые вопросы преодоления уголовно-процессуальных конфликтов при производстве по уголовному делу // Проблемы юриспруденции: сб. науч. статей и тезисов / М-во образования и науки Российской Федерации, Новосибирский гос. технический ун-т [редкол.: С.А. Поляков (отв. ред.) и др.]. Новосибирск, 2010. С. 43–48.

³ *Стукалин В.Б.* Отдельные аспекты осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 30–32.

⁴ *Гумеров Г.Г.* О необходимости реформы досудебного производства // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2010. № 1. С. 157–160.

влияющие на качественный осмотр места происшествия, связанного с пожаром:

- *Во-первых, слабая профессиональная подготовка следователей и дознавателей по расследованию преступлений данного вида – поджога.*

Следователь (дознатель) при осмотре места пожара не нацелен на обнаружение и фиксацию признаков действия пожара, он их знает только в общем виде: «конструкции повреждены огнём». Степень данных повреждений, их направленность и пр. он зафиксировать не может, так как не обладает специальными познаниями в этой области. Не все и эксперты-криминалисты обладают такими познаниями.

- *Во-вторых, непринятие мер по установлению очевидцев совершения преступления, поверхностный опрос лиц, имеющих отношение к пожару,* – не всегда следователь (дознатель) опрашивает: участников тушения пожара по поводу какие они внесли изменения в обстановку места пожара; как происходило горение, как распространялось; хозяев (соседей) сгоревшего имущества – какие работы (сварочные) или какие приборы были включены в сеть, какого цвета был дым, слышали ли перед возникновением хлопки и взрывы.

- *В-третьих, слабое применение криминалистической техники* – нередко происходит фотографирование объекта с нарушением правил судебно-оперативной фотосъемки. Не производится видео- и фотофиксация процесса горения. Не в полном объеме исследуются предметы, как не обгоревшие, так и обгоревшие, на которых могли сохраниться следы, несущие информацию о пожаре и причине его возникновения.

- *В-четвертых, низкий уровень взаимодействия ведомств и служб при расследовании пожаров* – очень редко специалистами по пожарам проводятся семинары для следователей по осмотру мест происшествий, связанных с пожарами. Пожарные службы действуют нередко без учета интересов последующего следствия.

- *В-пятых, недостатки заключительного этапа при оформлении результатов осмотра* – так, не всегда к протоколу составляется схема места происшествия с привязкой к сторонам света. Нередко происходит проведение осмотров мест происшествия, в ходе которых не выявляются и не изымаются вещественные доказательства. Не всегда отмечается, откуда изъят пожарный мусор, либо он изымается из разных мест, но в один пакет.

Полагаем, что устранение перечисленных недостатков будет способствовать повышению качества предварительного расследования дел данной категории.

ЗНАЧЕНИЕ МЕХАНИЗМА ГОМЕОСТАЗА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ ДОПРАШИВАЕМОГО

DOI 10.17223/9785751123628/88

В.Л. Юань

Первоначально механизм гомеостаза был открыт и исследовался в биологии. Это связано с тем, что на определенном уровне накопленных знаний в биологии возникла необходимость обозначить механизм, наличие которого объясняло бы способность живых организмов поддерживать постоянство своей внутренней среды посредством саморегуляции, поскольку «в процессе эволюции живых организмов внутренняя среда была отделена от внешней и приобрела устойчивый, консервативный характер»¹.

Вместе с тем для поддержания своей внутренней среды в пределах, определяющих жизнеспособность живого организма, ему необходимо потреблять энергию из внешней среды, вследствие чего у живых организмов обнаруживаются следы эволюции и адаптации, влияющие на степень их эффективности в выживании. В качестве доказательства наличия необходимости в постоянном потреблении энергии следует обратить внимание на наличие у всех живых организмов потребностей (например, потребность в пище, усвоение которой дает энергию живому организму, эту пищу поглотившего).

В дальнейшем механизм гомеостаза получил свое распространение в психологии².

В контексте криминалистической науки механизм гомеостаза не имеет исключительно инновационный характер. Это связано с тем, что механизм гомеостаза криминалистам давно известен в силу использования ими учения о способе совершения преступления, получившего свое отражение в трудах Г. Гросса, Дж. Дугласа, Г.Г. Зуйкова.

---

¹ Покровский В.М., Коротько Г.Ф. Физиология человека. М., 2003. С. 25.

² См., напр.: Яровицкий В. 100 великих психологов. М., 2004. С. 244; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. М., 2013. С. 48.

Таким образом, криминалистическое значение механизма гомеостаза будет заключаться в следующем:

1. Подчинение человека общим биологическим закономерностям позволяет видеть и исходить из пределов, в которых функционируют все участники процесса расследования вне зависимости от процессуальных статусов. Данные пределы существенно ограничивают возможности как работников правоохранительных органов, так и преступников.

2. Преступная деятельность не является исключением из указанного выше положения, более того, она предельно подчинена механизму гомеостаза, что делает возможной установление связи между способом совершения преступления и личностью преступника.

3. Нарушение преступником допустимых механизмом гомеостаза пределов, т.е. когда преступник осуществляет свою деятельность в критических для себя условиях, в которых индивидуальный объем его энергии расходуется высокими темпами, со временем приводит к ухудшению его физиологического и психологического состояния. Это приводит к падению эффективности осуществляемой им деятельности.

4. Оставляя за рамками настоящего исследования вопрос о конкретных размерах индивидуального объема энергии, видится целесообразным подчеркнуть криминалистическое значение ограниченности этих размеров, расходуемых с течением времени, которые необходимо восполнять посредством удовлетворения физиологических потребностей (например, жажда и голод), и оптимальные (как правило, наиболее экономные) способы ее затрат.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРОЕНИЯ ЗУБНОГО АППАРАТА ДЛЯ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/89

С.В. Яценко

Зубной аппарат каждого человека, помимо индивидуальности, очень устойчив к воздействию высокой температуры, гниению и другим внешним факторам. В этой связи стоматологический статус очень широко используют правоохранительные органы как в нашей

стране, так и за рубежом для отождествления личности неопознанных трупов¹. Эта проблема приобрела особую актуальность еще и в связи с участвовавшими техногенными катастрофами².

Для установления личности по особенностям строения зубного аппарата в качестве сравнительных образцов предоставляются слепки, описание зубной формулы, рентгеновские снимки. Последние два вида образцов содержатся в медицинских документах. К сожалению, информация об особенностях стоматологического статуса пациентов содержится в многочисленных медицинских учреждениях и не систематизирована.

Выход из этой ситуации представляется в создании федерального автоматизированного электронного банка данных строения зубного аппарата. Ранее некоторые ученые уже высказывали подобные предложения, предлагая дополнить зубную формулу ортопантомографией, проводимой с 18-летнего возраста³.

Механизм формирования этого банка может быть следующим: каждому вновь принятому на работу зубному врачу и стоматологу присваивается свой регистрационный номер (логин) и пароль, которые постоянны на протяжении всей профессиональной деятельности даже при переходе на другое место работы. В свою очередь каждый пациент при первом посещении зубного кабинета также получает свой регистрационный номер, закрепляемый пожизненно. При этом после каждого посещения врача данная учетная информация постоянно будет обновляться в электронной карточке пациента и фиксировать современное состояние его зубного аппарата.

В дополнение к этому, на наш взгляд, следует использовать стоматологическую технику с современным программным обеспечением. Так, стоматологический комплекс, выпускаемый фирмой Sirona⁴, оснащен 3d-камерой, позволяющей получить видеоизображение всей полости рта. С этого изображения можно изготовить 3d-модель, снимок которой, также обновляемый после изменений в связи с ле-

---

¹ Зарубежный опыт работы по идентификации личности неопознанных трупов (аналитический обзор) [Электронный ресурс]. URL:<http://10.5.15/onti/old.html>

² *Ляненко В.А.* Идентификация личности фрагментированных трупов в случаях чрезвычайных происшествий с многочисленными человеческими жертвами: дис. ... канд. мед. наук. М., 2007. С. 178.

³ *Карпова Г.Н.* Идентификация личности по комплексному исследованию особенностей строения зубов и зубных рядов: дис. ... канд. мед. наук. М., 2004. С.196.

⁴ URL:http://www.cerecon.ru/lab/Sirona_2013_07_-_catalog_inLab.pdf

чением, наряду с зубной формулой дадут более полное представление о стоматологическом статусе лица.

На наш взгляд, создание учета особенностей строения зубного аппарата целесообразно поручить сотрудникам медицинских учреждений. Порядок его ведения и режим предоставления необходимой информации можно урегулировать межведомственным приказом.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI 10.17223/9785751123628/90

Л.М. Прозументов

Преступность является одним из немногих явлений в жизни общества, которые определяют уровень его безопасной жизнедеятельности, а следовательно, обуславливают качество этой жизнедеятельности. В этой связи совершенно обоснованно общество и государство прилагают огромные усилия, тратят огромные средства на противодействие преступности.

Для адекватного государственного реагирования на преступность важно понимание процессов, которые детерминировали развитие преступности в России в прошлом (советский период) и современный период.

В современной России произошло изменение доминирующих криминогенных детерминант, связанных с экономической и политической системой, социальными условиями, во многом определявшими нравственные установки людей. Резкий переход от жёсткого социального контроля при достаточно стабильных социальных гарантиях к демократии, трактовавшейся как вседозволенность, изменение ценностных ориентаций и существенное сокращение социальной помощи населению не могли не повлечь количественного и качественного изменения показателей преступности по сравнению с советским периодом.

В 1991 г. в СССР было зарегистрировано 3 223 147 преступлений, коэффициент преступности составлял 1 115 преступлений на 100 тыс. жителей. В РСФСР в 1991 г. было зарегистрировано 2 167 964 преступления, а уже в 1999 г. – 3 001 748, т.е. рост составил 38,5 %, а темпы прироста –16,3 %.

Период с 2000 по 2006 г. был неоднозначным, поскольку в начале наблюдалось определённое снижение зарегистрированных преступлений с 2 952 367 в 2000 г. до 2 893 810 преступлений в 2004 г., затем резкий рост до 3 855 373 преступлений в 2006 г. Начиная с

2006 г. в России наметилась тенденция снижения зарегистрированной преступности: 2007 г. – 3 582 541; 2008 г. – 3 209 862; 2009 г. – 2 994 820; 2010 г. – 2 628 799; 2011 г. – 2 404 807; 2012 г. – 2 302 168; 2013 г. – 2 206 249; 2014 г. – 2 166 399 преступлений. Таким образом, за исследуемый период снижение общего числа зарегистрированных преступлений составило почти 43 %. Аналогичная тенденция наблюдается и применительно к показателям уровня (коэффициента) преступности. Так, данный показатель в 2006 г. составлял 2 700 преступлений на 100 тыс. населения, а в 2014 г. – 1 604.

Большие изменения произошли и в структуре преступности в России.

Во-первых, отчётливо проявилась тенденция снижения удельного веса зарегистрированных преступлений против собственности – на 7,6 % за исследуемый период. Во многом это обусловлено уменьшением зарегистрированных краж, грабежей и разбоев.

Во-вторых, наиболее заметной была тенденция снижения общего числа зарегистрированных преступлений в сфере экономики – с 489,6 тыс. в 2006 г. до 107,3 тыс. в 2014 г. Удельный вес этой группы преступлений среди всех зарегистрированных преступлений уменьшился более чем в два раза – с 12,7 до 5,0 %.

В-третьих, наметилась тенденция снижения общего числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений. Так, если в 2006 г. удельный вес этой группы преступлений среди всех зарегистрированных преступлений составлял 27,9 %, то в 2014 г. – 24,3 %. Произошло снижение и абсолютных показателей данной группы преступлений.

В-четвёртых, в исследуемый период наблюдались тенденция снижения общего числа зарегистрированных преступлений против личности и увеличение удельного веса этой группы преступлений среди всех зарегистрированных преступлений – с 13,5 % в 2006 г. до 17,8 % в 2014 г. Отметим, что в этой группе преступлений преобладали деяния против жизни и здоровья.

В-пятых, отчётливо проявила себя тенденция увеличения размера причинённого от преступлений ущерба. Так, в 2006 г. ущерб оценивался в 127,6 млрд руб., а в 2014 г. – 349,3 млрд руб. Удельный вес ущерба от преступлений в сфере экономики составляет около 60 %.

В-шестых, анализ данных официальной статистики позволяет утверждать о явно выраженной тенденции стабильного роста удель-

ного веса лиц, ранее совершавших преступления, среди всех лиц, совершивших преступление. Так, в 2006 г. удельный вес этих лиц составлял 29,8 %, в 2007 г. – 30,1 %, в 2008 г. – 30,4 %, в 2009 г. – 32,2 %, в 2010 г. – 37,1 %, в 2011 г. – 40,7 %, в 2012 г. – 46,6 %, в 2013 г. – 49,6 %, в 2014 г. – 50,5 %. Более того, растёт не только удельный вес этих лиц, среди всех лиц, совершивших преступление, но и их абсолютные показатели. В 2014 г. каждое второе зарегистрированное преступление совершалось лицами, ранее совершавшими преступления.

В рассматриваемый период наблюдались и иные изменения в преступности России, однако они носили временный, локальный характер и не проявлялись в виде тенденций.

О ПРИНЦИПЕ «ОСНОВНОГО ЗВЕНА» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/91

Н.В. Щедрин

Один из редких вопросов, по которым в российской криминологии пока еще нет дискуссий, – это тезис о том, что противодействие (предупреждение) преступности является разновидностью социального управления, т.е. «специфической целенаправленной деятельности, осуществляемой субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающей движение к заданной цели»¹.

В системе предупреждения преступности криминологи традиционно выделяют «объект», «субъект» и «воздействие», а в последнее время наконец-то обратили внимание на такую подсистему, как «ресурсы». А если так, то криминологическая теория и практика противодействия (предупреждения) преступности должна базироваться на принципах социального управления, в число которых входят *целесолагание, системность, объективность, оптимальность, эффективность и принцип основного звена*².

---

¹ Алиуллов Р.Р. Механизм социального управления (методологический аспект) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6. С. 134.

² См.: Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учеб. пособие / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999. С. 7.

В рамках настоящих тезисов намерены в очередной раз обозначить необходимость использования в борьбе с преступностью принципа «основного звена», трактуемого в социальном управлении как вычленение коренной, ключевой, главной задачи на направлении, линии, участке или деятельности и максимальная концентрация на ее решении имеющихся ресурсов¹.

Очевидно, что эффективность противодействия преступности напрямую зависит от «тылов», т.е. ресурсного обеспечения этого процесса: материального и финансового, нормативно-правового, организационного, научно-методического, информационно-аналитического и информационно-пропагандистского. Выстраивая систему противодействия преступности, нужно отдавать отчет в том, что: а) вся система и любой субъект управления действуют в условиях ограниченных ресурсов; б) особенно ресурсоемкими являются ограничительно-репрессивные меры.

В числе основных претензий, которые общество из года в год справедливо предъявляет правоохранителям, значатся такие, как «манипуляция со статистикой», «фальсификация доказательств», «применение пыток», «обвинительный уклон». Но, если посмотреть на деятельность системы с позиций теории социального управления, удивлять должно не наличие, а отсутствие указанных безобразий.

Система противодействия преступности и ее элементы устремлены к достижению тех целей и задач, которые перед ними поставлены, но в рамках имеющихся ресурсов. Для улучшения «пропускной способности» системы нужно либо корректировать цели, задачи и критерии оценки, либо увеличивать количество и улучшать качество ее ресурсного обеспечения. А лучше то и другое. Иначе срывается своеобразный «инстинкт самосохранения» и система «переключается» в режимы имитаций, манипуляций, фальсификаций и прочих злоупотребительных акций.

При ограниченности имеющихся ресурсов подход «всем сестрам по серьгам» не пригоден. Концентрация ресурсов должна осуществляться, во-первых, на наиболее опасных для социума направлениях. Во-вторых, «прорыв» лучше всего осуществлять там, где можно достичь максимального или, как сейчас модно говорить, синергетического эффекта.

---

¹ См.: *Игнатов В.Г., Албастова Л.Н.* Теория управления: курс лекций. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2006. С. 86.

В соответствии с принципом «основного звена» одним из таких «прорывных» направлений может и должна стать коррупционная преступность, а в самой коррупции – коррупционные деяния лиц, занимающих государственные и муниципальные должности.

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

DOI 10.17223/9785751123628/92

А.Ф. Фёдоров

Изучение официальных статистических данных МВД России убедительно свидетельствует о том, что проблема рецидива на протяжении последнего десятилетия неуклонно обостряется. Вот как, например, пишет о ситуации с рецидивом в Алтайском крае О. Облогина: «За первое полугодие этого года на свободу из мест заключения в крае вышли 2 300 человек. Половина из них, как показывает опыт прошлых лет, вернётся обратно в колонию»¹.

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах органы государственной власти должны немедленно обратить на данную проблему самое серьезное внимание. При этом одну из ключевых позиций должна занимать работа, направленная на улучшение эффективности деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, которым законом предписано исправлять лиц, совершивших преступления, что по логике как раз и предполагает их законопослушное поведение после отбытия наказания, т.е. предупреждение рецидива.

Именно повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания и сокращение рецидива преступлений, обозначены в качестве главных целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

---

¹ Облогина О. На свободу за работой. Не все осуждённые мечтают вернуться к обычной жизни // Еженедельник «АиФ-Алтай». 2014. № 28.

В соответствии с данной Концепцией в рамках предотвращения рецидива преступлений предполагается разработка системы следующих мер по подготовке осужденного к освобождению из мест лишения свободы:

- предоставление для лиц, заканчивающих отбывание длительных сроков лишения свободы, возможности прохождения специального тренинга, включающего широкую информацию об изменениях в обществе, новых формах социальной жизни;

- создание условий для подготовки освобождающихся лиц к дальнейшей постпенитенциарной адаптации через службу пробации.

В этой связи, на наш взгляд, разработчики Концепции очень удачно сформулировали одну из ее задач, а именно – изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе.

Учитывая данную задачу, полагаем, что указанный в Концепции специальный тренинг осужденный должен проходить во время всего срока пребывания в исправительном учреждении, потому что мало знать последнюю информацию об изменениях в обществе и новых формах социальной жизни, а нужно после освобождения быть готовым к полноценной жизни в этом обществе, быть его достойным гражданином.

Таким образом, именно с этих позиций и требуется сегодня подходить к вопросу осуществления предупредительных мер, реализуемых посредством применения к осужденным основных средств исправления, к которым, как известно, в соответствии со ст. 9 УИК РФ относятся установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Применение этих мер позволит осужденным не только не утратить социально значимые навыки и качества, но и приобрести новые, необходимые для дальнейшей честной жизни на свободе.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

DOI 10.17223/9785751123628/93

Р.А. Семенюк

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России за 2014 г., 32,7 % преступлений было совершено в состоянии опьянения¹. Анализ результатов проведенного нами исследования позволил выделить следующие проблемы профилактики преступлений, совершаемых в состоянии опьянения:

1. Огромнейший уровень употребления алкоголя, наркотиков не позволяет в полной мере обеспечить эффективную профилактику преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Только по официальным данным на душу российского населения в год (в перерасчете на абсолютный алкоголь) приходится 12 л чистого спирта в год². По заявлению Федеральной службы по контролю за наркотиками Российской Федерации, на 2014 г. рынок наркопотребления в России составляет 3 млн человек³.

Для разрешения данной проблемы были разработаны региональные программы, направленные на сокращение уровня распространенности распития алкогольной продукции в общественных местах, а также на популяризацию здорового образа жизни, развитие физкультуры и спорта. Однако их реализация пока не обеспечена.

2. Неконтролируемый выпуск и сбыт низкокачественного дешевого алкоголя. Сегодня назрела необходимость запретить производство дешевого алкогольного суррогата⁴ и наладить производство

---

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года // [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М.]. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения 16.01.2015).

² Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р. // Собрание законодательства РФ. 11.01.2010. № 2. Ст. 264.

³ Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 9 месяцев 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 20.01.2015).

⁴ Зеленцов А.А. Общая характеристика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения / А.А. Зеленцов, Е.В. Коломыйченко // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 154; Мацкевич И.М. Алкоголь и преступность / И.М. Мацкевич // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 7. С. 854.

высококачественной алкогольной продукции. Обеспечение данного направления возможно, если в этом будет заинтересовано не только государство, но и сами предприниматели, производящие алкоголь.

3. Высокий уровень латентности преступлений и административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции, а также наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Отсутствует должное взаимодействие органов внутренних дел с общественностью по вопросам профилактики алкоголизма и наркомании. Сегодня многие граждане в силу сложившейся безнравственности, духовной опустошенности, социальной деградации и деморализации населения боятся даже сделать замечание алкоголику либо наркоману-правонарушителю, оказать помощь пострадавшему от преступления.

4. Отсутствие системы социальной профилактики пьянства, алкоголизма и наркомании, заключающейся в комплексе мероприятий по реабилитации и социальной адаптации лиц, больных алкоголизмом и наркоманией (возможно воссоздание соответствующих лечебных профилакториев, ранее функционирующих в советское время). Во многих субъектах Российской Федерации отсутствуют региональные программы, направленные на снижение объемов потребления алкогольной продукции, профилактику алкоголизма с учетом специфики каждого региона (доли сельского населения, обычаев и традиций) и в соответствии с мероприятиями, реализуемыми в сфере образования и здравоохранения.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ К ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

DOI 10.17223/9785751123628/94

А.П. Титаренко

Обеспечение общественного доверия граждан как принцип деятельности полиции впервые введен в российское законодательство в 2011 г. – ФЗ «О полиции». На страницах научной литературы понятие доверия рассматривается с различных сторон. В данной статье автор предлагает в это понятие вкладывать социально-политический смысл. То есть рассматривать доверие граждан к полиции как отношение всего общества к его отдельной социальной группе – поли-

ции, обусловленное необходимостью определения наиболее оптимальной формы взаимодействия для достижения общественно значимых целей.

В ходе проведенного автором исследования выяснилось, что главным источником формирования отношения законопослушных граждан к полиции в Российской Федерации являются средства массовой информации. Мониторинг сообщений, исходящих от таких средств о сотрудниках полиции, показал, что большинство сюжетов содержит негативную оценку деятельности полиции. Следствием такого подхода выступает сформированное у граждан России тотальное недоверие к полицейским.

Личность полицейского унифицирована: противоправное поведение одного составляет мнение о всех лицах, причисляемых к данной профессии. Поэтому с целью разграничения непорядочных и добропорядочных полицейских следует обвинительную информацию о правонарушителе сопровождать мнением его коллег по факту неправомερных действий. Данный подход аналогичен принципу состязательности сторон судебного процесса.

Одним из способов решения данной задачи, на наш взгляд, должна стать объективность отражения действий сотрудников полиции в любых сферах их жизнедеятельности, начиная от реализации служебных операций, заканчивая особенностями проведения свободного от службы времени.

Практическое воплощение данного императива мы видим в дополнении Кодекса профессиональной этики российского журналиста¹ в той части, что в случае освещения нарушений представителей политической, расовой, национальной или религиозной общности или какой-либо социальной группы необходимо акцент делать на причинах подобного правонарушения. Другим вариантом достижения объективного освещения материалов и сообщений, касающихся деятельности полиции, может стать изменение п. 2.7 Приказа МВД России от 06.09.2011 № 995 «О совершенствовании деятельности подразделений информации и общественных связей, пресс-служб органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России». А именно, в рамках обеспечения ежедневного мониторинга центральных и региональных СМИ указанную норму допо-

---

¹ *Кодекс профессиональной этики российского журналиста* // Режим доступа к данным: www.ruj.ru/about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php (дата обращения: 27.12.2015).

лнить предложением: «Под принятием необходимых мер по своевременному реагированию на случай отраженного в СМИ чрезвычайного происшествия с участием сотрудника полиции, следует понимать опубликование в том же СМИ мнения коллег нарушителя по данному факту».

Реализация подобного предложения позволит позиционировать нарушителя не как единственного представителя той или иной общности, а как исключение из правил по принципу «в семье не без урода»¹. А признание такого подхода заинтересованными лицами обусловит сосредоточение фокуса внимания аудитории на статусе службы полицейских, а не её отдельных вышедших за рамки корпоративных ценностей и общественных интересов представителей.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УТЯЖЕЛЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГРУППОЙ ЛИЦ

DOI 10.17223/9785751123628/95

А.В. Шеслер

Действующее уголовное законодательство предусматривает два способа утяжеления наказания за совершение преступления группой лиц (в соисполнительстве): признание группового преступления в качестве отягчающего наказание обстоятельства в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ или в качестве квалифицирующего признака отдельных составов преступлений (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ и др.). Этим в уголовном законе отражается повышенная общественная опасность группового преступления по сравнению с преступлением, совершаемым в одиночку.

Обстоятельства, отягчающие наказание, и квалифицирующие признаки состава преступления обладают одним общим свойством: они значительно повышают общественную опасность преступного деяния. Однако если обстоятельства, отягчающие наказание, обладая этим свойством, являются средством индивидуализации наказания судом, то квалифицирующие признаки состава преступления являются законода-

---

¹ Крылов И.А. Слоны на воеводстве // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003. С. 98.

тельным средством дифференциации наказания и в этом качестве ведут к появлению новой санкции. Это обусловлено тем, что квалифицирующие признаки, во-первых, оказывают более сильное влияние на общественную опасность совершенного преступления, во-вторых, характерны для определенного вида преступлений.

В целом такой подход законодателя к оценке повышенной опасности преступления возражений не вызывает. Однако он не в полной мере соответствует закрепленному в ст. 6 УК РФ принципу справедливости, в соответствии с которым применяемое наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности не только совершенного преступления, но и личности виновного. Развитие этого принципа в ч. 3 ст. 60 УК РФ применительно к назначению наказания подтверждает необходимость учета общественной опасности лица, совершившего преступление. Последовательное воплощение этого принципа в уголовном законе означает, что при определении средств индивидуализации и дифференциации наказания законодатель должен учитывать не только общественную опасность преступления, но и лица, его совершившего. При характеристике назначения наказания несовершеннолетнему законодателем подчеркивается необходимость учета особенностей его личности, а не только ее общественной опасности (ч. 1 ст. 89 УК РФ).

Представляется, что применительно к несовершеннолетним это требование не соблюдается, так как при совершении ими преступления в группе к ним так же, как и к лицам, достигшим совершеннолетия, применяются два способа утяжеления наказания: групповое преступление рассматривается в качестве отягчающего наказание обстоятельства или в качестве квалифицирующего признака отдельных составов преступлений. Такой подход не отражает главную криминологическую особенность преступности несовершеннолетних, а именно ее групповой характер. Эта особенность вытекает из общего свойства социализации несовершеннолетних, которое состоит в повышенной потребности несовершеннолетних в обществе сверстников, где подростки обретают эмоциональный комфорт, навыки межличностного взаимодействия, равное социальное партнерство в общении. Негативное проявление этого свойства личности состоит в совершении подростками, отчужденными от основных сфер позитивной социализации (семьи, учебного коллектива, трудовой сферы, досуговых учреждений, положительных неформальных групп сверстни-

ков), преступлений в составе групп, которые оказывают сильное негативное влияние на поведение несовершеннолетних.

Получается, что групповой характер криминальной активности подростков является для них негативной нормой. В этой связи в литературе правомерно поставлен вопрос о том, что утяжеление наказания несовершеннолетним при совершении ими преступления в составе группы не гуманно и криминологически не обоснованно (Л.М. Прозументов).

Поддерживая эту позицию, укажем, что теория уголовного права должна не только констатировать в уголовном законе наличие способов утяжеления группового посягательства и искать аргументы, обосновывающие такую позицию, но и показывать, насколько такая позиция законодателя соответствует криминологическим особенностям всех видов преступности, в частности, преступности несовершеннолетних. Соответственно законодатель должен, формулируя положения об утяжелении наказания за групповое преступление, учитывать особенности этого вида преступности.

Конструктивным шагом законодателя, учитывающим групповой характер преступности несовершеннолетних, было бы введение в ст. 89 УК РФ ч. 3, содержащей указание на то, что совершение преступления в составе группы не учитывается ее несовершеннолетнему участнику в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 63 настоящего Кодекса, и в качестве признака преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

СИСТЕМНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПОСТАВКИ ТОВАРОВ, ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ И ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

DOI 10.17223/9785751123628/96

Г.С. Набиев

В криминологической профилактике преступности применительно к ее содержанию традиционно выделяют три уровня, отражающих системную детерминацию преступности: 1) общесоциальный причинный уровень причинности преступности и её профилактика; 2) общий (специально-криминологический) уровень; 3) индивидуальный

уровень. Первый уровень связан с решением глобальных вопросов существования общества: экономических, социальных, политических, идеологических. Причинный общесоциальный комплекс преступности в последние два десятилетия объясняется прежде всего внутренними и внешними противоречиями развития российского общества в условиях перехода к рынку. В свою очередь кризисные явления и несбалансированность в экономических отношениях, высокие налоги, рост безработицы, бюджетный дефицит тесно связаны с высокой коррупцией. Также к общим причинам преступности в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд следует отнести не только жесткий административный контроль государственных органов за местным самоуправлением и, в частности, за переданными или делегированными полномочиями от первых последнему, но и отсутствие четких критериев разграничения полномочий и сфер компетенций между государственной властью и местным самоуправлением.

Общей причиной исследуемого вида преступности выступает дефект правосознания и элементарной правовой грамотности. Так, низкая правовая активность граждан по защите своих прав, слабая гражданская позиция относительно важности восстановления социальной справедливости связано с недоверием населения по отношению к правоохранительным органам. Как результат, сокрытие потерпевшими и очевидцами фактов преступных деяний в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд приводит к воспроизводству данного вида преступности.

Важная причина, порождающая и стимулирующая преступность в органах местного самоуправления, соединена с несовершенным законодательством, т.е. комплексом специально-криминологических (которые тесно связаны с социально-психологическим уровнем) детерминант рассматриваемого вида преступности.

Несмотря на неоднократные попытки систематизации организационно-правовых мер борьбы с использованием должностными лицами и иными лицами, выполняющими управленческие функции в органах местного самоуправления, своего служебного положения в целях получения незаконного вознаграждения, в законодательстве Российской Федерации продолжает отсутствовать юридическая квалификация коррупционных преступлений в зависимости от субъектного состава и соответствующих сфер её проявления. Не в полной мере четко установлены и закреплены: 1) объем и пределы допусти-

мых мер контроля и правового воздействия, обоснованных, необходимых и достаточных для пресечения и предупреждения коррупционной деятельности в органах государственной власти и местного самоуправления; 2) полномочия институтов государства и общества по обеспечению функционирования системы антикоррупционного воздействия.

Таким образом, причины исследуемого вида преступности на общесоциальном уровне связаны со специфическими процессами общественно-экономического развития государства, на криминологическом (социально-психологическом) – с особенностями публичной деятельности органов местного самоуправления по реализации контрактной системы в сфере закупок, на индивидуальном – с личностными характеристиками личности лица, совершающего преступления в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ «ФИРМ-ОДНОДНЕВОК»

DOI 10.17223/9785751123628/97

О.В. Моргун

Осуществляемая «фирмами-однодневками» незаконная деятельность является распространенным способом уклонения от уплаты налогов, таможенных сборов, легализации незаконных доходов, совершения коррупционных и других преступлений.

В настоящее время можно утверждать о наличии целенаправленной государственной политики по противодействию созданию и деятельности таких фирм. Однако предлагаемые законодателем меры не всегда оказываются эффективными в правоприменительной деятельности.

Уже около 4 лет назад в России введена уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) и использование документов для его создания (ст. 173.2 УК РФ). Вместе с тем приведенные нормы остаются невостребованными. Так, за 2013–2014 гг. в правоохранительных органах Красноярского края зарегистрировано 67 сообщений о преступлениях данной кате-

гории, а общее число уголовных дел в производстве свелось к одному приостановленному делу по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ.

Трудно не заметить, что рассматриваемые нормы уголовного законодательства отличаются высокой степенью несовершенства уголовно-правовой техники. Расхождения в понимании вызвали не только формулировки «подставного лица», «предоставления документа, удостоверяющего личность», «использования персональных данных, полученных незаконным путем», но и термины «сделка», «финансовая операция», «имущество».

Интересной с точки зрения состава получилась норма ст. 173.2 УК РФ, ответственность по которой на практике может наступить только после совершения созданной фиктивной фирмой преступлений, связанных с финансовыми операциями. Кроме того, необходимо еще доказать прямой умысел субъекта на создание юридического лица в таких целях.

Практика по ст. 173.1 УК РФ также зашла в тупик при установлении субъективной стороны. Основным препятствием для привлечения к уголовной ответственности является отсутствие заблуждения лица, выступающего учредителем «фирмы-однодневки».

Таким образом, действующие формулировки ст. 173.1, 173.2 УК РФ требуют переосмысления в части объективных и особенно субъективных признаков преступления.

В настоящее время прослеживается усиление борьбы с «фирмами-однодневками» без помощи уголовно-правовых средств, а законодательство активно дополняется нормами правоограничительного характера, направленными на противодействие незаконной организации и деятельности «фирм-однодневок» (правилами безопасности). В первую очередь это особые требования при регистрации юридических лиц, а также нормы, расширяющие полномочия налоговых органов по контролю за их деятельностью, включая возможность принятия решения о приостановлении операций налогоплательщиков по счетам в банке и исключению таких лиц из ЕГРЮЛ.

Кроме того, в декабре 2014 г. Госдумой РФ в первом чтении принят очередной законопроект изменений законодательства. В частности, налоговый орган сможет вносить в ЕГРЮЛ запись о недостоверности сведений о юридических лицах. Поправки уточняют и критикуемые положения ст. 173.1, 173.2 УК РФ, в том числе определение «подставного лица», под которым предлагается понимать также «...лицо, у которого отсутствуют цели управления юридиче-

ским лицом либо получения прибыли от его законной деятельности».

Предлагаемые изменения хоть и заслуживают одобрения, но в то же время требуют серьезного обсуждения, в частности, относительно процедуры реализации предлагаемых механизмов в целях недопустимости излишнего ограничения прав добросовестных участников хозяйственного оборота и создания для них дополнительных бюрократических барьеров.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКРЫТОСТИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

DOI 10.17223/9785751123628/98

С.И. Гутник

В последние годы всё больше обостряется проблема роста преступлений, совершаемых против личности, растёт их удельный вес. Как указывает В.В. Лунеев, общий уровень преступности в России за период с 1986 по 2003 г. увеличился в 2 раза [1]. Уровень преступлений против личности остаётся стабильно высоким [2]. Высокими показателями характеризуются преступления против личности, которые были совершены с незаконным использованием персональной информации.

Информация о гражданине в своём содержании представляет собой разнородные сведения, посягательство на которые может нарушить право на неприкосновенность частной жизни. Обладание информации ставит под угрозу защищённость личности от преступных посягательств.

Мировой практике известны случаи, когда посредством преступного использования персональных данных совершались тяжкие и особо тяжкие преступления. Так, в США гражданин, являвшийся свидетелем по уголовному делу, подвергся посягательству. Он был тяжело ранен, поэтому был помещён в лечебное учреждение под строгое наблюдение. Преступники, используя данные жертвы, через компьютерный вирус изменили программу стимуляции сердца, причинив смерть потерпевшему [3].

Персональные данные позволяют идентифицировать личность субъекта, который в процессе своей жизни занимает определённое положение в обществе, приобретая социальный статус. Поэтому возникает серьёзная необходимость обеспечения закрытости персональной информации.

Так, ФЗ «О персональных данных» предусматривает в ст. 6, что обработка и распространение данных возможны только с письменного согласия субъекта данных. По ст. 7 операторы и иные лица, получившие доступ к данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять данные без согласия субъекта, если иное не предусмотрено законом [4].

Данные меры можно обозначить как меры предупреждения преступлений против личности. Предупреждение представляет собой деятельность, имеющую цель не допустить совершения преступлений как путём устранения причин и условий, так и путём прерывания предварительной преступной деятельности. Выделяются специально-криминологические меры предупредительного характера, которые связаны с реализацией мер правового принуждения [5].

Таким образом, меры по обеспечению закрытости личной информации можно отнести к специально-криминологическим мерам предупреждения преступлений против личности. Получение согласия от субъекта на обработку и распространение данных вводит правовой режим конфиденциальности и устанавливает любое другое использование данного вида информации без согласия лица вне правового поля и законных оснований.

Литература

1. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 211.
2. [Электронный ресурс]: Официальный портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ // http://www.crimestat.ru/offenses_chart
3. *Борисов Т.* Хакеры остановили сердце // Рос. газета. 2005. № 3693 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/02/08/e-prestupnost.html>
4. *Федеральный закон «О персональных данных»* от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
5. *Прозументов Л.М.* Криминология (Общая часть): учебник / Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер. Томск, 2007. С. 178–179.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РФ В КОНТЕКСТЕ СТ. 13 КОНВЕНЦИИ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

DOI 10.17223/9785751123628/99

О.А. Янов

Противодействие коррупции является вопросом первостепенной важности в текущей ситуации. Среди множества вопросов я бы хотел уделить особое внимание такому способу противодействия коррупции, как увеличение удельной степени участия общества в противодействии коррупции. Являясь, как правило, основной жертвой коррупционных преступлений, оно имеет в себе и огромный потенциал для обратного воздействия, в особенности в непосредственных, базовых, бытовых сферах, как-то: здравоохранение, ЖКХ и др., где популярность коррупционных преступлений наиболее высока [1].

Важность активности гражданского общества особым образом подчеркивает Конвенция ООН о противодействии коррупции в ст. 13, где в отношении гражданского общества мы видим два основных направления деятельности:

- 1) усиление открытости государства (через прозрачность, доступ к информации и привлечение общества);
- 2) проведение правового антикоррупционного просвещения.

С точки зрения конвенции в отношении правового антикоррупционного просвещения мы имеем регулярные курсы повышения квалификации у государственных гражданских служащих, где ваш покорный слуга читает раздел, посвященный международному законодательству. Существуют иные мероприятия, например антикоррупционный клуб СФУ, также проводятся лекции для студентов и школьников, хотя в общую программу по правоведению антикоррупционная составляющая не включена или включена незначительно, в то время как для некоторых образовательных программ антикоррупционная составляющая вводится отдельными профильными дисциплинами.

Однако, обратив взор на текущее состояние гражданского общества в России, мы можем сказать, что если даже оно существует, то находится на начальных этапах своего формирования. Как отмечал в своей статье А.Н. Соколов гражданское общество может возникать при достаточно высоком проценте среднего класса в обществе (свыше 50 %). По разным источникам средний класс в России соста-

влет от 7 до 42 %, при том, что в 2008 г. он составлял по разным данным от 10 до 22 % [2]. Надо отметить, что это экономические, а не политические данные, процент политического среднего класса определить затруднительно.

Казалось бы, зачем обеспечивать инструмент для несложившегося института? Для того чтобы складывался не только экономический средний класс, но и политический средний класс, ему необходимы инструменты воздействия на государство. Должно появиться обоснованное понимание, что воздействие на государство возможно в принципе, а для воздействия необходима информация о том, куда, как и зачем можно это воздействие осуществлять. Для этого необходимо:

1) продолжать развивать инициативу в области деятельности «Открытого правительства», расширять финансирование инициатив и программ;

2) должным образом регулярно исполнять законодательство в области прозрачности деятельности государственных органов, публиковать сведения о деятельности государственных органов.

Литература

1. *Тихомиров Ю.А.* Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: науч.-практ. пособие" (отв. ред.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. *Соколов А.Н.* Коррупция гражданское общество и правовое государство (сравнительно-правовой анализ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ОГРАНИЧЕНИЙ, ЗАПРЕТОВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ» И ДРУГИМИ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ЗАКОНАМИ, В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

DOI 10.17223/9785751123628/100

Н.П. Бухарина

По данным всероссийских и региональных социологических исследований, отмечается довольно высокий уровень коррумпирован-

ности образовательных организаций¹, что требует организации адекватного противодействия коррупции и в этой сфере. Один из обсуждаемых рычагов, который может быть использован для этого, – распространение на педагогических работников антикоррупционных мер безопасности², т.е. ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами.

Однако «приравнение» работников сферы образования к государственным и муниципальным служащим по «линии обязанностей» закономерно влечет за собой вопрос о «выравнивании их статуса». А поскольку государство вряд ли имеет для этого ресурсы, реально можно внедрять лишь некоторые из указанных мер, например обязанность уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений. Также актуально сегодня применение такого института, как конфликт интересов, который был введен в сферу образования в 2012 г.

Проблема предотвращения и урегулирования конфликта интересов педагогического работника является одной из дискуссионных не только в науке, но и среди педагогических работников³. Рассматривая этот вопрос с позиций правовой теории мер безопасности, можно выделить ряд проблем, связанных с основаниями применения рассматриваемой антикоррупционной меры безопасности.

Говоря о социальных основаниях, необходимо охарактеризовать источник повышенной опасности, а также объект усиленной охраны, которым, безусловно, выступают отношения в сфере образования. Анализ законодательства позволяет говорить о том, что источником повышенной опасности признается деятельность только педагогического работника. Вопрос об отнесении к источникам повышенной опасности деятельности руководящих и иных работников образовательных организаций остается открытым.

---

¹ См.: *Коррупция в России: мониторинг* [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114572>; *Отчет по результатам проведения социологического исследования по теме «Оценка эффективности государственной политики в сфере безопасности и противодействия коррупции в Красноярском крае»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/korrupt/page4599>.

² *Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности* / под ред. Н.В. Щедрина. Красноярск, 2010. С. 241–259.

³ *Юристы СФУ провели курсы по противодействию коррупции в вузах* [Электронный ресурс]. URL: <http://news.sfu-kras.ru/node/14832> (дата обращения: 10.01.2015).

Рассматривая нормативно-правовые основания, необходимо отметить, что порядок предотвращения и урегулирования педагогическим работником конфликта интересов не получил достаточной правовой регламентации.

Анализ материальных оснований позволяет говорить о том, что само понятие конфликта интересов, содержащееся в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», шире понятия, закрепленного в ФЗ «О противодействии коррупции», за счет толкования словосочетания «личная заинтересованность», под которой в ФЗ «Об образовании...» понимается получение не только материальной выгоды, но и иного преимущества».

Организационным основанием, безусловно, выступает соответствующее решение Комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений. Исходя из анализа возможного состава комиссии (п. 3 ст. 45 ФЗ. «Об образовании...»), объективность и компетентность решений, принимаемых указанной комиссией, определено вызывает сомнения.

Таким образом, проблемы распространения на педагогических работников антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей, на наш взгляд, тесно связаны с проблемой установления оснований применения антикоррупционных мер безопасности на законодательном уровне.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИМПЕРАТИВНОГО МАНДАТА КАК МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ КОРРУПЦИОННОГО ЛОББИЗМА

DOI 10.17223/9785751123628/101

П.А. Вырва

До недавнего времени в России под коррупцией понимали, главным образом, взяточничество. Хотя в последние годы под влиянием международных конвенций понятие коррупции несколько расширено, но тем не менее в него стараются не включать такие явления, как «клиентелизм», «фаворитизм», «протекционизм», «непотизм». К числу игнорируемых проявлений коррупции относится и «коррупционный лоббизм».

Одна из причин такого положения состоит в том, что не только рядовые россияне, но и их представители в законодательной ветви власти еще не определили свое отношение к лоббизму, хотя и те и другие достаточно часто его используют. Ведь лоббизм – это любая попытка донести свою просьбу (требование) до парламентариев с целью принятия или отклонения выгодного для индивида или группы лиц решения. На наш взгляд, в целом лоббизм – это необходимое и положительное явление. Лоббизм способствует мобилизации общественной поддержки или оппозиции к какому-либо законопроекту, стимулирует, ускоряет претворение в жизнь определенных интересов, информирует законодателей о том, что происходит на самом нижнем общественном уровне и других уровнях. Негативно относиться и запрещать следует только коррупционный лоббизм, под которым следует понимать «использование уголовно и административно наказуемых методов давления на органы государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц для отстаивания незаконных интересов».

К основным субъектам коррупционного лоббизма относятся депутаты, которые наделены правом формирования законодательства. Очевидно, что использование депутатами своего должностного положения с целью лоббирования какого-либо закона или совершение иных коррупционных правонарушений могут нанести серьезный урон интересам государства.

По Конституции РФ законодательная власть – одна из ветвей власти, а власть является одновременно объектом охраны и источником опасности, по поводу чего в любом государстве существует комплекс правил безопасности. Значительная часть правил безопасности в этой сфере заключается в установлении особых требований (в том числе антикоррупционных запретов и обязанностей) к лицам, допущенным к «обслуживанию» власти как объекту охраны и источнику опасности.

Механизмом, способным противостоять коррупционному лоббизму, может служить такая мера безопасности, как институт императивного мандата. Данный институт предполагает введение обязательств депутатов по выполнению политических программ, предвыборных агитаций (правила безопасности). За неисполнение своих должностных обязательств установлена законодательная возможность отзыва депутата (санкция безопасности).

Введение института императивного мандата не позволит решить всех проблем, связанных с коррупционным лоббизмом, вместе с тем данный институт имеет ряд положительных аспектов. Во-первых, это служит гарантией декларированного Конституцией права на власть. Во-вторых, повышает уровень ответственности депутатов перед его избранными и способствует повышению доверия к власти. В-третьих, снижает уровень злоупотреблений представителями данной ветви власти, а также препятствует проявлениям коррупционного лоббизма.

НАШИ АВТОРЫ

Агильдин Владимир Валерьевич – к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права

Алексеева Татьяна Александровна – аспирантка кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Антонов Антон Геннадьевич – д.ю.н., доцент, зам. начальника института по научной работе, подполковник внутренней службы

Антонов Тимофей Геннадьевич – ст. преподаватель Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Ануфриева Екатерина Андреевна – к.ю.н., зав. кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского гуманитарного института

Архипов Андрей Валерьевич – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета

Ахмедшин Рамиль Линарович – д.ю.н., профессор, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Батраков Алексей Владимирович – ст. преподаватель СГУПС

Баянов Александр Иванович – к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики Юридического института СФУ

Баянов Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Бекетов Александр Олегович – преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Беларева Ольга Александровна – к.ю.н., доцент Сибирского филиала Международного института экономики и права (г. Новокузнецк)

Белицкий Владислав Юрьевич – к.ю.н., доцент, зам. начальника кафедры уголовного процесса БЮИ МВД России

Бойко Марина Александровна – адъюнкт кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Бухарина Надежда Порфирьевна – ассистент кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета

Валеев Марат Тагирович – к.ю.н., доцент кафедры уголовного и исполнительного права и криминологии Юридического института Томского Национального исследовательского государственного университета

Василенко Валерий Валерьевич – юрисконсульт Алтайского экономико-юридического института

Ведерникова Людмила Викторовна – ассистент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Вырва Петр Александрович – ассистент кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета

Глазунов Борис Борисович – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Громов Владимир Геннадьевич – д.ю.н., профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Алтайской академии экономики и права

Гулиева Натаван Байрамовна – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета

Гумеров Геннадий Георгиевич – ст. преподаватель Новосибирского государственного университета экономики и управления

Гутник Сергей Иосифович – ст. преподаватель кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета

Данилов Петр Сергеевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Девяшин Дмитрий Геннадьевич – ст. преподаватель кафедры правового обеспечения деятельности персонала уис томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Дергач Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Диденко Александр Владимирович – д.м.н., доцент, зам. начальника по учебной и научной работе Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Драпезо Роман Григорьевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского гос. университета

Егошин Вадим Вячеславович – к.ю.н., доцент, доцент департамента судебных экспертиз, уголовного процесса и криминалистики Алтайской академии экономики и права

Ермакова Ольга Владимировна – к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Жуков Александр Борисович – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Журавлева Ирина Анатольевна – к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики Юридического института СФУ

Иванов Игорь Владимирович – ст. преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Казанцев Дмитрий Александрович – к.ю.н., директор департамента судебных экспертиз Алтайской академии экономики и права

Киселев Михаил Валентинович – к.ю.н., доцент, генерал-майор внутренней службы, начальник Кузбасского института ФСИН России

Козловский Петр Валерьевич – к.ю.н., ст. преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Кондратьев Максим Валерьевич – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета, зам. начальника оперативной службы Управления ФСКН России по Кемеровской области

Лебедев Николай Юрьевич – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики НВИ ВВ МВД России

Лозинский Игорь Владиславович – к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Мазур Екатерина Сергеевна – д.м.н., профессор, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Михеенков Егор Геннадьевич – к.ю.н., наук, доцент, научный сотрудник ФКОУ ДПО «Томский ИПКР ФСИН России»

Моргун Олег Васильевич – аспирант кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, прокурор отдела Прокуратуры Красноярского края

Морозов Борис Петрович – к.ю.н., зам. начальника ФКОУ ДПО «Специализированный межрегиональный учебный центр ГУФСИН России по Новосибирской области»; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Новосибирского гуманитарного института

Набиев Гасан Сабир оглы – аспирант кафедры уголовного права и процесса Юридического института Красноярского государственного аграрного университета

Негодина Олеся Анатольевна – к.ю.н., доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Непомнящая Татьяна Викторовна – д.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Никитин Александр Николаевич – ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Алтайского экономико-юридического института

Никитина Ирина Александровна – к.ю.н., доцент кафедры криминологии и уголовного-исполнительного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Обухов Игорь Анатольевич – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Ольховик Даниил Александрович – ассистент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Ольховик Николай Владимирович – к.ю.н., доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Опацкая Стелла Павловна – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Павленко Андрей Анатольевич – к.ю.н., ст. преподаватель Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Писарев Олег Михайлович – к. психол. н., начальник кафедры социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Прокументов Лев Михайлович – д.ю.н., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Пропостин Андрей Александрович – к.ю.н., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Прохорова Мария Владимировна – к.ю.н., ст. преподаватель кафедры организации исполнения наказаний ФКОУ ДПО «Томский ИПКР ФСИН России», майор внутренней службы

Рахматулин Закир Равильевич – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета

Ретивых Александр Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Алтайской академии экономики и права

Салюта Василий Вячеславович – зам. начальника Уголовно-исполнительной инспекции по Новосибирской области ФКУ УИИ ГУФСИН России по НСО

Сафронов Алексей Юрьевич – ст. следователь второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю, ст. лейтенант юстиции

Свободный Феликс Константинович – к. психол. н., доцент, доцент Департамента судебных экспертиз Алтайской академии экономики и права

Семенюк Руслан Александрович – к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Сергеев Олег Дмитриевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского гос. университета

Скаков Айдархан Байдекович – д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

Смирнов Виктор Александрович – к.ю.н., зав. кафедрой судебного права Юридического института Иркутского государственного университета

Степанов Сергей Андреевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики НВИ ВВ МВД России

Степашин Виталий Михайлович – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Стукалин Владимир Борисович – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики НВИ ВВ МВД России

Сутурин Михаил Александрович – к.ю.н, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета

Суховецкая Елена Юрьевна – к. пед. н., доцент, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики НВИ ВВ МВД России

Такеева Айнагуль Жумашевна – студентка КазГЮУ

Тебеньков Александр Владимирович – аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Телегин Сергей Юрьевич – магистрант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Тепляшин Павел Владимирович – к.ю.н., доцент, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института ФСКН России

Титаренко Андрей Павлович – к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Трубецкая Яна Александровна – помощник прокурора Октябрьского района г. Томска, юрист 3-го класса

Трухин Александр Михайлович – к.ю.н., доцент Сибирского института бизнеса, управления и психологии

Тыняная Мария Александровна – к.ю.н., ст. преподаватель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Уваров Олег Николаевич – начальник ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области, полковник внутренней службы

Уваров Сергей Олегович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Удовиченко Виктор Сергеевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

Уткин Владимир Александрович – д.ю.н., зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, профессор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Щедрин Николай Васильевич – д.ю.н., зав. кафедрой Юридического института Сибирского федерального университета

Шеслер Александр Викторович – д.ю.н., профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Федоров Александр Федорович – к.пед.н., начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Финк Денис Александрович – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики КазГЮУ (г. Астана, Республика Казахстан)

Фоминых Илья Сергеевич – к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Хмыз Алексей Иванович – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, подполковник полиции

Хомяков Иван Дмитриевич – к.ю.н., преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики НВИ ВВ МВД России

Хорошилова Ольга Сергеевна – ассистент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета

Черненко Тамара Геннадьевна – д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовного права юридического факультета Кемеровского государственного университета

Черноусова Анастасия Владимировна – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Чубраков Сергей Валерьевич – к.ю.н., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Шатилова Оксана Анатольевна – ст. преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Шебалин Александр Владимирович – к.ю.н., доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Шошин Сергей Владимирович – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Шухова Наталья Викторовна – к.т.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского института внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России

Шушпанов Сергей Васильевич – к.т.н., зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики НГУЭУ

Юань Владимир Лишиньевич – аспирант кафедры криминалистики Юридического института ТГУ

Янов Олег Александрович – ассистент кафедры иностранного права и сравнительного правоведения Юридического института Сибирского Федерального Университета.

Яценко Сергей Васильевич – к.ю.н., доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Трухин А.М. Уголовно-правовая ответственность правоохранителя и правонарушителя.....	3
Агильдин В.В. К вопросу о возрасте субъекта преступления.....	6
Хорошилова О.С. Обстоятельства недоведения преступления до конца.....	9
Тебеньков А.В. Проблемы законодательной регламентации назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ).....	11
Непомнящая Т.В. Практика назначения уголовных наказаний в России и сибирских регионах: общее и отличительные особенности.....	12
Степашин В.М. Обязанности, возлагаемые при условном осуждении по усмотрению суда.....	14
Василенко В.В. Воплощение принципа справедливости посредством индивидуализации наказания.....	16
Гулиева Н.Б. Честь, достоинство, репутация как объекты уголовно-правовой охраны.....	17
Шатилова О.А. Дискуссионные вопросы привлечения к уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательных прав.....	19
Смирнов В.А. Еще раз о присвоении найденного.....	21
Ермакова О.В. Актуальные вопросы отграничения находки от хищения.....	23
Архипов А.В. Ошибки законодательного построения специальной нормы о мошенничестве при получении выплат.....	25
Валеев М.Т. Способ совершения преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ.....	27
Ведерникова Л.В. К вопросу о присвоении и растрате вверенного имущества.....	30
Никитин А.Н. Мошенничество в сфере кредитования: теория и практика.....	32
Черненко Т.Г. Содержание признака «применение» в вооруженном разбое.....	33
Лозинский И.В. Направления концепции уголовно-правовой политики в сфере экономической деятельности: криминализация или декриминализация?.....	35
Баянов Д.А. Санкции за преступления в сфере предпринимательской деятельности в сфере либерализации уголовной политики РФ.....	37
Опацкая С.П. Вопросы толкования признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ.....	38
Никитина И.А. Совершенствование уголовного законодательства РФ об ответственности за преступления в сфере кредитования.....	40

Черноусова А.В. Проблемы квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности.....	42
Беларева О.А. Момент окончания получения взятки в значительном (крупном, особо крупном) размере	43
Тыняная М.А. Ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей как признак объективной стороны халатности.....	45
Данилов П.С. Понятие преступлений против военной службы: сравнительно-правовой анализ.....	47
Ольховик Н.В. Криминогенные категории несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы	49
Громов В.Г. О местах лишения свободы	51
Уткин В.А. Режим лишения свободы: между карой и безопасностью	53
Скаков А.Б. Об основных положениях нового уголовно-исполнительного кодекса Казахстана	55
Чубраков С.В. Труд осужденных: основные проблемы нормативной регламентации.....	59
Сутурин М.А. Несовершеннолетний осужденный и цели наказания.....	61
Морозов Б.П. Интерпретационная практика и ее объекты применительно к уголовно-исполнительному праву.....	63
Антонов Т.Г. Уголовно-исполнительная ответственность: постановка проблемы	65
Ретивых А.Е. О судебном контроле за исполнением уголовных наказаний.....	67
Михеенков Е.Г. Постпенитенциарная помощь освободившимся осужденным на территории Западной Сибири в эпоху нэпа	69
Пропостин А.А. Факторы прогрессивной системы отбывания лишения свободы.....	70
Прохорова М.В. Подростки в местах лишения свободы: современный портрет.....	72
Рахматулин З.Р. Отдельные аспекты прогрессивной системы уголовного наказания в виде ограничения свободы.....	75
Тепляшин П.В. Эффективность функционирования пенитенциарных систем: научно-юридический анализ	76
Салюта В.В. Практика исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	78
Деяшин Д.Г. Правовая регламентация применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС: состояние и перспективы	82
Диденко А.В. Адаптация сексуальных преступников, совершивших преступления в отношении лиц, не достигших половой зрелости, к среде исправительных учреждений: социальные и клинические параллели.....	84
Ольховик Д.А. Правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной инспекции и факторы, его определяющие.....	85
Уваров С.О. Назначение альтернативных мер как результат криминологического прогноза	87

Писарев О.М. Актуальность проведения полиграфных проверок в отношении сотрудников УИС, перемещаемых по должности.....	90
Павленко А.А. Проблемы предоставления платных медицинских услуг осужденным	91
Антонов А.Г., Киселев М.В. К вопросу о значении принципа гуманизма в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации и в практической деятельности учреждений и органов УИС.....	93
Уваров О.Н. К вопросу об исполнении наказания в виде исправительных работ.....	95

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бекетов А.О. Обжалование следователем решений прокурора	98
Гумеров Г.Г. О проблемах реализации принципа публичности на стадии возбуждения уголовного дела	100
Козловский П.В. Определение территориальной подследственности сообщений о преступлениях, совершенных с использованием сети Интернет, мобильных устройств и платежных систем.....	101
Шухова Н.В. О поддержке компетентных решений военного дознавателя.....	103

КРИМИНАЛИСТИКА

Алексеева Т.А. Возможность использования инструментальной оценки при производстве комплексной психолого-педагогической экспертизы.....	106
Ануфриева Е.А. Способ совершения коррупционных преступлений сотрудниками ОВД.....	108
Ахмедшин Р.Л. Целевая направленность развития тактики допроса: исторический аспект.....	110
Батраков А.В. Отграничение генетической связи от иных видов связей в ходе расследования.....	112
Баянов А.И. Правила, порядок и приемы допроса.....	113
Белицкий В.Ю. Некоторые аспекты доказывания умысла на совершение мошенничества.....	115
Бойко М.А. Типичные исходные следственные ситуации, возникающие при расследовании преступлений, совершаемых в отношении журналистов и связанных с их профессиональной деятельностью.....	117
Глазунов Б.Б. Субъективные основания принятия решений в ОРД	119
Дергач Н.С. К вопросу о значении моделирования в криминалистике.....	120
Драпезо Р.Г., Сергеев О.Д. Опасные факторы и судебно-медицинские ситуации при расследовании взрывов и пожаров на угольных шахтах и разрезах	122

Егошин В.В. К вопросу об особенностях производства осмотра места происшествия по делам о незаконной добыче водных биологических ресурсов.....	124
Жуков А.Б. Тактические характеристики условий проведения допроса ..	126
Журавлева И.А. Факторы, определяющие специфику допроса несовершеннолетних свидетелей	128
Иванов И.В. Особенности оценки заключения эксперта-бухгалтера при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.....	130
Казанцев Д.А. К вопросу о системе тактико-криминалистических средств доказывания при расследовании уголовных дел.....	132
Кондратьев М.В. Ложь в оперативно-розыскной деятельности.....	133
Лебедев Н.Ю. Граница между законным и противоправным поведением при выборе следователем тактики производства следственного действия	135
Мазур Е.С., Телегин С.Ю. Криминалистическое значение исследования конституциональных признаков человека с использованием методов дерматоглифики.....	137
Негодина О.А. Становление и развитие почерковедения в XX в.	139
Обухов И.А. Обстановка совершения преступлений в условиях контртеррористической операции как элемент криминалистической характеристики преступлений.....	141
Сафронов А.Ю. О необходимости разграничения фальсификации и добросовестного заблуждения в ходе производства проверок по заявлениям (сообщениям) о фальсификации доказательств и фальсификации результатов ОРД.....	142
Свободный Ф.К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии.....	144
Степанов С.А. К вопросу об этимологии понятия «следственное действие».....	146
Стукалин В.Б. Криминалистические и процессуальные вопросы производства обыска	148
Суховецкая Е.Ю. Проблемы криминалистического противодействия коррупции в сфере хозяйственной деятельности воинских частей Внутренних войск МВД России.....	150
Трубецкая Я.А. Следственные версти, выдвигаемые при расследовании дел об убийствах, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой	151
Удовиченко В.С. О противодействии подозреваемого при допросе по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств	153
Финк Д.А., Такеева А.Ж. Проблемные вопросы института процессуальных соглашений по УПК Республики Казахстан	155
Финк Д.А. Структурная композиция сценария учебных фильмов по криминалистике.....	157
Фоминных И.С. Проблемы формализации данных о способе совершения преступления.....	158
Хмыз А.И. Использование специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности: проблемные вопросы	160

Хомяков И.Д. Некоторые аспекты о правах эксперта-автотехника при производстве судебной экспертизы	162
Шебалин А.В. К вопросу об участниках преступных групп, совершающих незаконный сбыт наркотических средств бесконтактным способом	164
Шошин С.В. Некоторые проблемы первоначального этапа расследования экологических преступлений	166
Шухова Н.В. О поддержке компетентных решений военного дознавателя	167
Шушпанов С.В. Проблемы качественного осмотра места происшествия, связанного с пожаром	169
Юань В.Л. Значение механизма гомеостаза в криминалистическом исследовании личности допрашиваемого	171
Яценко С.В. О необходимости повышения эффективности использования строения зубного аппарата для отождествления личности	172

КРИМИНОЛОГИЯ

Прокументов Л.М. Характеристика основных тенденций преступности в современной России	175
Щедрин Н.В. О принципе «основного звена» применительно к противодействию преступности	177
Федоров А.Ф. Меры по предупреждению рецидивной преступности, осуществляемые в местах лишения свободы	179
Семенюк Р.А. Проблемы профилактики преступлений, совершаемых в состоянии опьянения	181
Титаренко А.П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий профилактической работе	182
Шеслер А.В. Криминологическая обусловленность утяжеления наказания несовершеннолетних за совершение преступления группой лиц	184
Набиев Г.С. Системная детерминация преступности в сфере поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для муниципальных нужд	186
Моргун О.В. Некоторые вопросы противодействия незаконной финансовой деятельности с использованием «фирм-однодневок»	188
Гутник С.И. Обеспечение закрытости персональной информации как мера предупреждения преступлений против личности	190
Янов О.А. Противодействие коррупции в РФ в контексте ст. 13 Конвенции о противодействии коррупции	192
Бухарина Н.П. Проблемы распространения на педагогических работников ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, в целях противодействия коррупции	193
Вырва П.А. Положительные аспекты законодательного закрепления института императивного мандата как меры безопасности от коррупционного лоббизма	195
Наши авторы	198

Научное издание

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 66

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 10.08.2015 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печ. л. 13,2; усл. печ. л. 12,3; уч.-изд. л. 12,0.

Тираж 100 экз. Заказ 1185.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru